

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДѢЙСТВІИ ПЕТРОГРАДСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

И

ПСИХОЛОГІИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ XXVI.

Подъ редакціей Л. М. Лопатина.

Книга 127 (II).

МАРТЪ — АПРѢЛЬ — 1915 г.

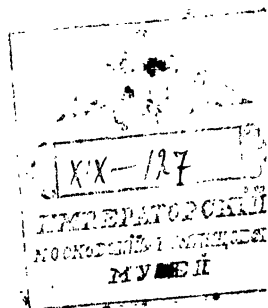

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о.

Пименовская ул., соб. домъ.

1915 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Міръ, какъ органическое цѣлое. Н. Лоссекаго	99
Нравственное міровоззрѣніе «сверхнарода». (Къ характеристкѣ германской культуры). В. Хвостова	153

Къ вопросу объ отношеніи между психологіей и культурой. А. Болтунова	193
Мѣсто Розмини въ исторіи философіи. В. Эрна	242
Шарль Ренувье и общіе принципы его гносеологіи. Н. Левитова	251
По поводу сочиненія В. Ф. Эрна «Розмини и его теорія знанія. Исслѣдованіе по исторіи итальянской философіи XIX столѣтія». Л. Лопатина	268
Критическія замѣтки къ проблемѣ психической причинности. Г. Шпета	283

Критика и библіографія.

I. Библіографическій листокъ.

Московское Психологическое Общество. (Отчетъ о годовомъ распорядительномъ собраніи). 315

*Списокъ членовъ Психологическаго Общества по 1-е апрѣля 1915 года. 322

Условія для соисканія премии Д. Столыпина. 329

Положеніе о премии имени Вл. С. Соловьева 330

Объявленія.

Міръ, какъ органическое цѣлое.

ГЛАВА III.

Бытіе реальное и бытіе идеальное.

Кто хочетъ понять философскую систему, осуществляющую органическое міропониманіе, тому нужно прежде всего, конечно, выработать понятіе органическаго цѣлаго, т.-е. цѣлаго, которое не сложено внѣшнимъ образомъ изъ своихъ элементовъ. Однако этого мало. Такое общее понятіе можетъ остаться мертвымъ въ нашемъ умѣ. Чтобы придать ему жизненность и усмотрѣть его всеобщую примѣнимость, нужно научиться видѣть его осуществленіе въ каждомъ конкретномъ случаѣ съ такою же ясностью, съ какою мы знаемъ, напр., что правило „ $4 \times 7 = 28$ “ осуществляется въ сужденіи „четыре недѣли содержатъ въ себѣ 28 дней“. Достигнуть этой интимной близости можно только съ помощью упражненія на многихъ примѣрахъ. Въ предыдущихъ главахъ были приведены въ видѣ примѣровъ явленія равновѣсія жидкостей и т. п.; можно сослаться также на такія цѣлыя, какъ организмъ животнаго, государство и т. п. Однако эти примѣры не достаточно наглядны. Въ видѣ образца нужно избрать что-либо очень близкое намъ и притомъ безспорно понимаемое только въ духѣ органическаго ученія. Таковъ, напрі., музыкальный тонъ. Воспринимая тонъ, можно различить въ немъ, напрі., качество и интенсивность его. Никому однако не придетъ въ голову, что это качество и эта интенсивность раньше существовали сами по себѣ, отдѣльно и независимо другъ отъ

друга, а потомъ встрѣтились и образовали болѣе сложное цѣлое, именно музыкальный тонъ. Непосредственно очевидно, что здѣсь нѣчто прямо противоположное: изначала существуетъ цѣлое, тонъ, который можетъ быть подвергнуть *анализу*, въ которомъ можно различить *стороны* его, но котораго *нельзя сложить изъ предсуществующихъ частей*. Сторонникъ органическаго міровоззрѣнія *представляетъ себѣ весь міръ по этому образцу*: всякій элементъ міра, будетъ ли то атомъ, или душа, или какое-либо событіе, напр., движеніе, онъ разсматриваетъ какъ *сторону* міра, которая можетъ быть усмотрѣна въ немъ путемъ анализа его, которая существуетъ не сама по себѣ, а только на основѣ мірового цѣлаго, только въ системѣ міра. При этомъ всѣ обыденныя представленія о мірѣ, пропитанныя привычками атомистическаго механистическаго міровоззрѣнія переворачиваются, все начинаетъ представляться въ новомъ свѣтѣ и многія стороны міра превращаются изъ загадочныхъ въ наглядно очевидныя, не требующія никакихъ особыхъ разъясненій.

Однако и общая *картина* міра въ духѣ органическаго міропониманія точно такъ же, какъ *отвлеченная идея* органическаго цѣлаго, не даютъ еще полнаго пониманія особенностей его. Для совершенной разработки этого ученія необходимо подвергнуть міровое цѣлое болѣе подробному анализу, чтобы выдѣлить тѣ особые виды бытія, тѣ своеобразныя начала, благодаря которымъ міровая множественность, во-первыхъ, имѣетъ характеръ *системы* и, во-вторыхъ, сохраняетъ даже сторону *цѣльности*.

Прежде всего познакомимся съ условіями системности міра. Безъ сомнѣнія, система возможна лишь тамъ, гдѣ есть *отношенія* между элементами. И въ самомъ дѣлѣ, всякая часть міровой множественности связана *безчисленными отношеніями* то со всѣми, то, по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторыми изъ остальныхъ элементовъ міра. Такъ, всякая сторона міра стоитъ въ отношеніяхъ схода и различія ко всѣмъ остальнымъ сторонамъ міра. Далѣе, всѣ стороны

міра, къ которымъ приложимо понятіе величины, содержатъ въ себѣ безчисленныя количественныя отношенія. Прибавимъ сюда отношенія во времени, въ пространствѣ, вспомнимъ объ отношеніяхъ принадлежности, причинности, взаимодѣйствія, средства и цѣли и т. п., и намъ станетъ ясно, что сѣтъ отношеній есть нѣчто всепроникающее и всеупытывающее.

Однако, задумываясь надъ природою отношеній, мы тотчасъ же натываемся вслѣдствіе своеобразія ихъ на громадныя затрудненія. Отношенія возможны тамъ, гдѣ есть члены отношенія. Но какъ само отношеніе относится къ этимъ членамъ? Разсмотримъ конкретный случай. Положимъ, какое-либо *A* (черный квадратъ шахматной доски) и *B* (бѣлый квадратъ) суть члены отношенія пространственной внѣположности. Это отношеніе не можетъ, конечно, существовать само по себѣ, *безъ* членовъ отношенія. Оно не можетъ также существовать *въ одномъ* изъ членовъ отношенія; нельзя также себѣ представить его *между* членами отношенія, т.-е. такъ, чтобы существовали *A* и *B*, соединенныя отношеніемъ, какъ какую-то ниточкою. Наконецъ, невозможно, чтобы *вмѣстѣ* за существованіемъ *A* и *B* къ нимъ прибавилось отношеніе внѣположности. Остается только представлять *A*, *B* и отношеніе ихъ другъ къ другу, какъ одно цѣлое, въ которомъ каждая сторона существуетъ вмѣстѣ съ остальными на основѣ цѣлаго.

Какъ возможна такая цѣлость, объединенность многого, охватываніе его сразу въ единство?

Чувствуется, что такое единство не можетъ существовать само по себѣ, что оно обусловливается какимъ-то болѣе высокимъ началомъ, и на вопросъ, что это за начало, чаще всего даютъ слѣдующіе отвѣты: это—сознаніе, познающій умъ, соотносящее мышленіе и т. п. Въ этомъ отвѣтѣ есть доля истины, но она окутана въ немъ такою толщею заблужденій, что совершенно утопаетъ въ нихъ. Подвергнемъ его анализу, съ цѣлью отдѣлить ложь отъ истины. Въ виду многочисленности этихъ теорій прежде

всего подраздѣлимъ ихъ на два класса: 1) теоріи, субъективирующія отношенія, и 2) теоріи, не субъективирующія отношеній.

Разсмотримъ прежде всего теоріи перваго типа. Всѣ онѣ предполагаютъ, что отношенія суть продуктъ *психической* дѣятельности субъекта сознанія, но осуществляютъ онѣ это ученіе весьма различными способами: согласно однѣмъ теоріямъ, отношенія суть психическія явленія, однородныя съ какимъ-нибудь другимъ классомъ психическихъ явленій, напр., съ явленіями чувства; наоборотъ, согласно другимъ теоріямъ, отношенія суть психическое *sui generis*, не сводимое на другія психическія явленія,— нечувственное, умозрительное проявленіе разсудка, мышленія и т. п. Первыя теоріи можно съ полнымъ правомъ назвать *нигилистическими*, до такой степени онѣ не замѣчаютъ подлинныхъ отношеній и подмѣняютъ ихъ чѣмъ-то совершенно инороднымъ. Вторыя теоріи назовемъ *интеллектуалистическими*. Примѣромъ первыхъ можетъ служить ученіе Милля о сходствѣ и послѣдовательности. „Сходство“, говоритъ Милль, „есть не что иное, какъ чувство сходства; послѣдовательность есть простое наше чувство послѣдовательности“¹⁾. Доля правды есть даже и въ этой теоріи. Мысля и наблюдая отношенія, мы нерѣдко переживаемъ то мимолетныя, едва уловимыя, то явственно сформированныя чувства, напр., чувство напряженія при наблюденіи рѣзкихъ различій, чувство легкости перехода отъ A_1 къ A_2 , которыя сходны другъ съ другомъ и т. п. Нечего и говорить однако, что эти чувства не суть отношенія: ихъ связь съ отношеніями сводится лишь къ тому, что они возникаютъ *по поводу* отношеній, а также, какъ это правильно отмѣчено А. Брунсвигомъ, къ тому, что они „совпадаютъ съ *интенціональными* переживаніями, въ которыхъ схватывается, воспринимается само отношеніе сходства или различія одного объекта съ другимъ“²⁾.

1) Система логики, перев. подъ ред. В. Н. Ивановскаго, 2-е изд., кн. 1, гл. 3, § 13.

2) А. Brunswig, Das Vergleichen und die Relationserkenntniß, стр. 56.

Принять самыя эти чувства за отношенія можетъ лишь тотъ, кто, будучи неспособнымъ выдѣлять изъ цѣлаго его отвлеченные моменты и разсматривать ихъ въ такомъ видѣ, склоненъ считать дѣйствительно существующимъ только конкретное цѣлое, напр., событіе. Такой философъ, анализируя конкретное цѣлое и пытаясь выдѣлить изъ него какое-либо отношеніе, тотчасъ подмѣняетъ его нѣкоторымъ новымъ конкретнымъ цѣлымъ, напр., такимъ психическимъ процессомъ, какъ чувство. Само собою разумѣется, при такомъ пониманіи отношеній системность конкретнаго цѣлаго остается непонятною, и даже еще болѣе затрудненною: вмѣсто отношенія мы теперь имѣемъ чувство, которое *прибавляется* къ предыдущимъ элементамъ цѣлаго, какъ нѣчто такое, что *само должно быть связано съ цѣлымъ отношеніями* для того, чтобы образовать систему. Безвыходное положеніе такихъ теорій, заканчивающееся полнымъ нигилизмомъ, именно совершеннымъ отрицаніемъ отношеній, обрисовалъ Г. Гомперцъ въ своей книгѣ «Ученіе о міровоззрѣніи» ¹⁾, такъ обстоятельно и отчетливо, что мы не будемъ заниматься здѣсь разсмотрѣніемъ ихъ. Къ сожалѣнію, надо замѣтить, что самъ Гомперцъ, перейдя отъ критики къ положительному построенію, понимаетъ отношенія, какъ чувства. Но въ эти чувства онъ вкладываетъ: такія свойства, что становится непонятнымъ, почему онъ принимаетъ ихъ только за чувства. Къ тому же онъ оставляетъ въ своей книгѣ нерѣшеннымъ вопросъ, имѣетъ ли онъ дѣло съ субъективными или трансубъективными содержаніями сознанія. Въ виду этого мы оставимъ его ученіе здѣсь безъ критическаго разсмотрѣнія и перейдемъ къ интеллектуалистическимъ субъективистическимъ теоріямъ.

Образцомъ ихъ можетъ служить критицизмъ Канта, взятый не въ модернизованномъ видѣ, а въ формѣ *психологистическаго феноменализма*, содержащагося въ «Критикѣ чистаго разума». Согласно этому ученію, все содержаніе

¹⁾ Т. I., перев. на русск. языкъ.

знанія состоитъ изъ чувственныхъ данныхъ, изъ *ощущеній*, возникающихъ въ сознаниі челоуѣка вслѣдствіе воздѣйствія (аффицированія) вещей въ себѣ на чувственность; благодаря такому своему происхожденію, эти данныя сознанія сами по себѣ суть нѣчто безсвязное, безсистемное, онѣ суть *не упорядоченное многообразіе*. Ясно усматривая, что никакое знаніе невозможно тамъ, гдѣ нѣтъ системы, нѣтъ связей, отношеній и т. п. и замѣчая, что наблюдаемая нами природа есть систематическое единство, Кантъ ищетъ въ сферѣ сознанія *дѣятеля*, способнаго превратить хаотическое многообразіе чувственныхъ данныхъ въ упорядоченное цѣлое природы, и находитъ, что такимъ дѣятелемъ можетъ быть только мышленіе, именно разсудокъ, осуществляющій категоріальные синтезы единства, множества, причинности, принадлежности и т. п. Итакъ, критицизмъ Канта признаетъ специфическій характеръ отношеній, не сводитъ ихъ къ чувствамъ или какому-либо другимъ психическимъ процессамъ, усматриваетъ ихъ нечувственный, умозрительный характеръ, и въ этомъ его высокое достоинство. Но въ то же время и недостатки этой теоріи громадны. Согласно Канту, отношенія суть производимыя субъектомъ *прибавки* къ чувственнымъ даннымъ: разсудокъ субъекта *строитъ* изъ чувственныхъ данныхъ систему природы въ родѣ того, какъ архитекторъ создаетъ стройное зданіе изъ хаоса строительныхъ матеріаловъ или въ родѣ того, какъ хранитель музея располагаетъ множество вещей въ систематическомъ порядкѣ, ставя однѣ изъ нихъ въ общую витрину, развѣсивая другія въ рядъ на стѣнѣ и т. п. Въ самомъ дѣлѣ, по Канту, матеріалы, образующіе содержаніе природы (данное многообразіе, ощущенія), не имѣютъ сами по себѣ другъ къ другу никакого тяготѣнія, они не производятъ другъ друга, не превращаются другъ въ друга, не дѣйствуютъ и не взаимодействуютъ никакъ; систематическое цѣлое получается изъ нихъ только благодаря разсудку, который пользуется ими какъ строительными матеріалами, и прикладывая одно дан-

ное къ другому различными способами (согласно категоріи причинной связи, единства, субстанціи и принадлежности и т. п.), создаетъ изъ нихъ совокупность вещей и процессовъ природы. Слѣдовательно, система природы получается *не путемъ органическаго творчества*, а путемъ *упорядоченія*.

Такая система имѣетъ мертвенный характеръ, и потому не можетъ быть, чтобы она составляла *весь міръ*. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя себѣ представить міръ, въ которомъ все было бы мертво, въ которомъ нигдѣ не было бы органически цѣлаго, самодѣтельнаго, *изнутри развивающагося*, а не только извнѣ упорядочиваемаго бытія. Даже для самаго этого упорядоченія нуженъ расудокъ или разумъ, какъ такой дѣятель, который самъ не состоитъ изъ хаотическаго многообразія, нуждающагося въ упорядоченіи извнѣ. Въ этомъ мірѣ подлиннаго органическаго бытія отношенія уже не могутъ имѣть характера *прибавокъ* къ элементамъ, которые сами по себѣ безотносительны. Для такого органическаго бытія Кантъ оставляетъ въ своемъ міровоззрѣніи мѣсто, поскольку онъ допускаетъ существованіе царства вещей въ себѣ. Поэтому-то природа, какъ она изображена въ „Критикѣ чистаго разума», не отпугиваетъ насъ сразу своею мертвенностью: мы успокаиваемся мыслью, что она есть не болѣе, какъ *явленіе, надстройка* надъ міромъ подлиннаго бытія. Однако неопредѣленная ссылка на царство вещей въ себѣ не можетъ окончательно удовлетворить насъ. Отношенія упорядоченія съ необходимостью предполагаютъ отношенія органическаго бытія, у насъ есть понятіе такого бытія, мало того, есть даже конкретные образцы его, напр., въ нашей собственной творческой дѣятельности. Поэтому, когда гносеологія Канта воспрещаетъ намъ изученіе его, находя, что подобныя проблемы относятся къ области метафизики, у насъ возникаетъ сомнѣніе въ правильности теоріи Канта. Подвергая ее критическому пересмотру, нетрудно убѣдиться, что она поставила недопустимо узкія границы человѣческому знанію подъ вліяніемъ ложныхъ предпосылокъ, лежащихъ въ ея

основѣ ¹⁾. Какъ только эти предпосылки отброшены, тотчасъ становится ясно, что и сама данная въ опытѣ природа только въ угоду предпосылкамъ разсматривалась, какъ мертвый продуктъ упорядоченія, между тѣмъ въ дѣйствительности она на каждомъ шагу проявляется, какъ живое, творчески дѣятельное, органическое бытіе; слѣдовательно, и системность ея обоснована въ ней самой, а не есть только субъективная прибавка человѣческаго разсудка. Однако даже и тѣ мыслители, которые склонны къ такому ученію, все-же обыкновенно не допускаютъ, чтобы отношенія были вполнѣ транссубъективными. Такъ, напр., самое большее, на что рѣшается Т. Липпсъ это признать, что предметъ предъявляетъ „требованія“, чтобы мы мыслили его стоящимъ въ отношеніяхъ, но для выполненія этихъ требованій мы должны сами своимъ мышленіемъ *создать отношенія*.

Въ своемъ изслѣдованіи «Einheiten und Relationen» Липпсъ говоритъ: «Отношенія не суть предметныя переживанія, иными словами, они не суть качества, свойства, признаки, опредѣленія воспринятаго, представленнаго, мыслимаго, о которомъ мы говоримъ, что оно стоитъ въ отношеніяхъ, или связано отношеніями. Въ дѣйствительности, отношенія суть апперцептивныя переживанія, т.-е. способы, какъ я нахожу въ своемъ апперципированіи себя отнесеннымъ къ предметамъ или, наоборотъ, предметы отнесенными ко мнѣ, а также это суть способы, какъ предметы являются отнесенными другъ къ другу въ моемъ апперципированіи и посредствомъ него» ²⁾. «Мы не находимъ отношенія, какъ мостики, которые были бы проложены между предметами, такъ что намъ оставалось бы только воспринять ихъ, — они суть способы сочетанія въ единствѣ апперцепции. Отношенія не суть скобки, присущія предметамъ

¹⁾ См. мое „Введеніе въ философію, ч. I, Введеніе въ теорію знанія“, стр. 199—214 и „Обоснованіе интуитивизма“, изд. 2, гл. 4, „Догматическія предпосылки теории знанія Канта“.

²⁾ Th. Lipps, Einheiten und Relationen, 1902, стр. 1 с.

самимъ по себѣ, они не суть руки, протягиваемыя предметами, чтобы охватывать другъ друга; они суть производи- мья мною включенія въ скобку, одновременное улавливаніе и сочетаніе рукою, которую я протягиваю къ предметамъ, и въ которой я захватываю ихъ вмѣстѣ. Нѣтъ отношеній между соотносящимся безъ моего соотнесенія. Все, что соотносится другъ съ другомъ, соотнесено не иначе, какъ мною, именно моимъ апперципирующимъ я» ¹⁾.

Нѣкоторые случаи отношенія, напр., единство непрерывнаго, служатъ особенно яркою иллюстраціею ученія Липпса. „Утвержденіе, что непрерывность есть единство, имѣеть,— говоритъ Липпсъ,— лишь слѣдующее значеніе: непрерывность по своей природѣ *требуетъ* отъ насъ *единства апперцепціи*“. „Однако въ дѣйствительности части непрерывности сами вовсе не „соотносятся“ другъ съ другомъ. Онѣ просто наличны. Онѣ наличны тамъ, гдѣ онѣ суть, и такъ, какъ онѣ суть. При этомъ онѣ не „соотносятся“ другъ съ другомъ. Но я отношусь къ нимъ; я отношу ихъ къ себѣ и тѣмъ самымъ ставлю ихъ въ отношеніе другъ къ другу, беру ихъ вмѣстѣ, вслѣдствіе чего въ непрерывность вносятся отношенія. И, наоборотъ, сознаніе соотнесенности, а также единства исчезаетъ у меня, какъ только я прекращаю охватываніе частей вмѣстѣ въ единомъ актѣ апперцепціи“ ²⁾.

Такія же соображенія высказываетъ Липпсъ и по поводу понятія *пограничности* частей непрерывнаго цѣлаго. „Части непрерывности не могутъ для меня быть пограничными другъ съ другомъ, если я не *отношу* границу въ единомъ актѣ апперцепціи къ одному и къ другому. Никакая граница не есть граница сама по себѣ. Всякая граница есть сама по себѣ лишь эта линія или это мѣсто. Границею она становится для меня лишь тогда, когда я мысленно отношу ее къ тому или беру ее вмѣстѣ съ тѣмъ, чего границею она служить или должна служить для меня“ ³⁾.

1) Тамъ же, стр. 102.

2) Тамъ же, стр. 57, 58.

3) Тамъ же, стр. 58.

Подъ всѣми этими разсужденіями Липпса кроется слѣдующее соображеніе, рѣшительно побуждающее къ субъективированію отношеній. Въ большинствѣ случаевъ отношенія суть элементъ знанія явнымъ образомъ не первично данный, а *вторичный*, какъ бы *надстраивающійся* надъ первичными элементами *вслѣдъ* за апперципированіемъ ихъ умомъ познающаго субъекта. Въ этомъ смыслѣ объ нихъ можно сказать, что они суть предметы „высшаго порядка“ (Gegenstände „höherer Ordnung“), [они суть „обоснованныя“ содержанія („fundierte“ Inhalte) ¹⁾. Такъ, чтобы замѣтить сходство между лицомъ двухъ членовъ семьи или, наоборотъ, чтобы усмотрѣть различіе между лицами двухъ близнецовъ, нужно иногда по нѣскольку разъ сопоставлять два образа, пока не придешь къ опредѣленному результату. Уже отсюда возникаетъ подозрѣніе, что эта надстройка надъ образами есть продуктъ сравнивающаго ума. Во-вторыхъ, это подозрѣніе еще болѣе подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что *одинъ и тотъ же матеріалъ* мы можемъ разсматривать, какъ стоящій *то въ однихъ, то въ другихъ отношеніяхъ*, и эта измѣнчивость отношеній, повидимому, обусловлена самымъ познающимъ умомъ, комбинирующимъ объекты самыми разнообразными способами. „Положимъ,—говоритъ Липпсъ,—я вижу передъ собою множество звѣздъ на небѣ. Я выбираю изъ нихъ по произволу три или четыре, вообще сколько мнѣ угодно и какія угодно, и сочетаю ихъ или разсматриваю ихъ, какъ сопринадлежающія. Такимъ образомъ я превратилъ ихъ въ единство. Онѣ образуютъ теперь для меня фигуру или созвѣздіе“. „Конечно, онѣ составляютъ единство не сами по себѣ, а для меня. И для того, чтобы возникло такое единство, требуется только это производимое мною сочетаніе или собираніе въ единомъ актѣ апперцепціи“ ²⁾.

Въ особенности проблемы, кроющіяся въ понятіи числа,

¹⁾ Надобно, впрочемъ, замѣтить, что Липпсъ не употребляетъ этихъ выраженій, см. тамъ же, стр. 104с.

²⁾ Тамъ же, стр. 23.

кажутся легко разрѣшимыми съ помощью подобныхъ учений. По Липпсу, счетъ относится не къ предметамъ, а къ направленнымъ на предметы единымъ актамъ апперцепціи. „Когда я считаю „одно дерево, еще одно дерево, еще одно дерево“, я оперирую не съ такимъ-то образомъ опредѣленными предметами, которые называются деревьями, а съ численными элементами. Это—не „деревья“, а „одинъ“ и „одинъ“ и „одинъ“. Для моего сосчитыванія или складыванія, короче, для производимаго мною сочетанія чиселъ, то обстоятельство, что „одинъ и одинъ и одинъ“ есть „одно дерево и одно дерево и одно дерево“, является совершенно случайнымъ, т.-е. не вносящимъ никакихъ измѣненій. Численному сочетанію подлежатъ, можно сказать, внутренніе удары такта (*die inneren Taktschläge*) совершенно независимо отъ того, на что они направлены“¹⁾. „Отсюда впервые уясняется значеніе и примѣненіе понятій числа. Только при указанныхъ условіяхъ возможно, напр., чтобы „одно дерево и одно дерево и одно дерево“ составляло три точно такъ же, какъ „одинъ лѣсъ и одинъ лѣсъ и одинъ лѣсъ“ составляетъ три, такъ что результатъ суммирующей апперцепціи оказывается однимъ и тѣмъ же, какимъ бы содержаніемъ ни обладали суммируемая единства. Онъ *можетъ* быть однимъ и тѣмъ же только потому, что суммированію нѣтъ никакого дѣла до особенностей этихъ содержаній, суммируются только единства, т.-е. отдѣльныя апперцепціи“²⁾.

Въ дополненіе къ этимъ соображеніямъ Липпса о числѣ приведемъ еще одинъ примѣръ. Какая-либо величина, напр., высота Финстерааргорна надъ уровнемъ океана выражается числомъ 4275, если принять за единицу метръ, числомъ 14062, если единица—футъ, числомъ 4, если единица—верста, и т. п., и т. п. Эта чрезвычайная множественность отношеній, безконечное разнообразіе и измѣнчивость ихъ при малѣйшемъ измѣненіи *точки зрѣнія*, кажется, не можетъ „лежать“ въ самихъ предметахъ: поэтому прихо-

1) Тамъ же, стр. 41.

2) Тамъ же, стр. 43.

дится, повидимому, субъективировать отношенія и считать ихъ твореніемъ ума познающаго субъекта.

Наконецъ, въ-третьихъ, если допустить транссубъективное бытіе отношеній, то вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо признать такую степень связности и цѣльности міра, которая кажется противорѣчащею фактамъ. Такъ, сходство между лицомъ А, живущимъ въ Европѣ, и лицомъ В, живущимъ въ Америкѣ, приходится тогда понимать, какъ указаніе на то, что въ бытіи этихъ двухъ существъ есть *тождественная сторона*, несмотря на то, что они обособлены другъ отъ друга въ пространствѣ. Приходится также думать, что, напр., моменты зимняго солнцестоянія, мыслимые мною, какъ единство, также и независимо отъ этого моего мышленія о нихъ, суть единство, хотя, съ другой стороны, они разрознены во времени и отдѣлены другъ отъ друга промежутками земного года. Иное дѣло, если считать отношенія твореніями ума познающаго субъекта. Тогда отпадаютъ эти представленія о связности міра, кажущіяся чудовищными обыденному здравому разуму. Въ самомъ дѣлѣ, „предметныя содержанія сознанія,—говоритъ Липпсъ,—остаются тѣми же самыми, все равно апперципируются, т.-е. становятся ли они объектомъ вниманія или нѣтъ“. „Предметное содержаніе не уступаетъ и не сдвигается съ мѣста ни въ пространствѣ, ни во времени, ни по качеству, что бы ни вздумалось мнѣ предпринять съ нимъ апперцептивно,—въ особенности, стану ли я его апперцептивно объединять или обособлять. Оно остается въ такомъ же отдаленіи другъ отъ друга, какъ оно есть, и въ томъ случаѣ, когда я, апперципируя, сочетаю его въ тѣснѣйшее единство, и тогда, когда я, апперципируя, раздвигаю его какъ возможно дальше“¹⁾.

Допустимъ вмѣстѣ съ Липпсомъ, что субъектъ *создаетъ* отношенія, различными способами апперципируя данныя его сознанію предметныя содержанія (*gegenständliche Bewusstseinsinhalte*). Можно ли однако утверждать, что субъ-

¹⁾ Тамъ же, стр. 86.

ектъ создаетъ всѣ отношенія вполне самостоятельно, ни въ какомъ смыслѣ не подвергаясь *внушеніямъ* со стороны предметныхъ содержаній? Такое ученіе было бы крайнимъ субъективизмомъ, и Липпсъ вовсе не сочувствуетъ ему. Въ извѣстномъ смыслѣ онъ признаетъ объективность отношеній. Въ самомъ дѣлѣ, „отношенія и единства,—говоритъ онъ,—имѣютъ характеръ объективности, поскольку предметнымъ переживаніемъ требуется или обусловливается опредѣленный способъ сочетанія въ единство апперцепціи“ ¹⁾. Таково, напр., отношеніе *сходства* между краснымъ и фіолетовымъ цвѣтомъ, *единство* непрерывной линіи и т. п. Такая „предметно обусловленная апперцепція въ данномъ случаѣ, какъ и вездѣ, есть не мое дѣйствіе, а взаимодействіе мое и предмета“ ²⁾.

Попробуемъ проникнуть въ детали этого ученія Липпса, и существенные недостатки его тотчасъ же обнаружатся. Положимъ, въ нашемъ сознаніи есть такое *предметное* содержаніе, какъ, напр., паденіе камня. По Липпсу, это содержаніе сознанія само не заключаетъ въ себѣ *никакого единства*, въ немъ нѣтъ также *последовательности* прежде—послѣ, въ немъ нѣтъ *принадлежности* движенія камню, въ немъ, слѣдовательно, нѣтъ вообще *никакого строенія*; если прибавить сюда, что оно не можетъ быть также множественнымъ, разъединеннымъ и т. п., потому что множественность, разъединеніе также суть отношенія, то намъ станетъ ясно, что такое предметное содержаніе есть какая-то странная фикція, совершенно непредставимая и тѣмъ не менѣе обязанная, во-первыхъ, быть содержаніемъ моего сознанія и, во-вторыхъ, что еще удивительнѣе, способная несмотря на свою безструктурность, предъявлять мнѣ „*требованіе*“, чтобы я апперципировалъ ее, какъ „единство“, какъ нѣчто заключающее въ себѣ „последовательность“ и т. п.

Для предъявленія такихъ требованій предметное содержаніе должно, и по Липпсу, имѣть въ себѣ какія-то особен-

- 1) Тамъ же, стр. 102.

2) Тамъ же, стр. 87.

ныя свойства, отъ которыхъ требованія исходятъ. Но какое-же иное свойство паденія камня, кромѣ его объективнаго единства, могло-бы быть источникомъ исходящаго отъ него „требованія“, чтобы я, субъектъ, апперципировалъ его, какъ единство?—Попробуемъ на минуту допустить данность отношеній въ предметѣ, и мы увидимъ, что это ученіе устраняетъ всѣ затрудненія, что оно совмѣстимо съ нѣкоторыми вполне достовѣрными, не гипотетичными элементами теоріи Липпса и, наконецъ, что само оно есть не гипотеза, а простое описаніе самоочевиднаго факта. Прежде всего посмотримъ, въ какихъ предѣлахъ ученіе о данности отношеній согласимо съ ученіемъ Липпса. Прибѣгнемъ къ помощи перваго приведеннаго въ этой главѣ, наиболѣе нагляднаго примѣра.—Положимъ, я воспринимаю бѣлый и черный квадратъ шахматной доски, какъ находящіеся *внѣ* другъ друга; безъ сомнѣнія, правъ Липпсъ, что необходимъ особый способъ апперципированія двухъ квадратовъ для того, чтобы видѣть ихъ, какъ *внѣположные* другъ другу. Изъ этого однако вовсе не слѣдуетъ, будто особый способъ апперцепціи *создаетъ* отношеніе внѣположности: сложный способъ апперцепціи есть не болѣе, какъ *субъективный приѣмъ*, необходимый для воспріятія (созерпанія) *трансубъективного* элемента дѣйствительности. Разница между воспріятіемъ чернаго цвѣта, музыкальнаго тона и т. п., съ одной стороны, и воспріятіемъ отношенія внѣположности съ другой стороны, заключается лишь въ слѣдующемъ: субъективные приѣмы для первыхъ воспріятій, именно видѣніе, слушаніе и т. п., болѣе просты, чѣмъ во второмъ случаѣ, когда необходимо видѣніе, направленное на оба члена отношенія, причемъ вниманіе специально сосредоточено не на самихъ этихъ членахъ, а именно на ихъ отношеніи ¹⁾. Однако подобно тому, какъ разсматриваніе и разслушиваніе не создаютъ черноты или музыкальнаго тона, такъ и это сложное апперципированіе *не создаетъ* отношенія

¹⁾ См. напр., о воспріятіи отношеній сравненія А. Brunswig, Das Vergleichen und die Relationserkenntnis, стр. 79 сс.

внѣположности: оно нужно только для того, чтобы *созерцать* (воспринять) *строение* самого предмета. И, въ самомъ дѣлѣ, отношеніе внѣположности, напр., вступаетъ въ наше сознаніе съ такимъ же характеромъ самоличнаго присутствія внѣшней дѣйствительности, какъ и цвѣтъ, твердость, тяжесть вещи и т. п., слѣдовательно, оно въ такой же мѣрѣ можетъ быть названо „воспринятымъ“, какъ и остальные элементы трансубъективнаго міра. Только въ случаѣ искусственнаго направленія вниманія на субъективные акты апперцепціи, служащіе условіемъ этого воспріятія, у насъ можетъ возникнуть иллюзія, будто отношеніе не есть предметное содержаніе воспріятія. Для психолога, какъ Липпсъ, такое искусственное направленіе вниманія привычно, и потому не удивительно, что оно ввело его въ соблазнъ построить субъективистическую теорію отношеній. Неправильность всевозможныхъ субъективистическихъ теорій отношенія особенно обстоятельно и остроумно выяснена въ сочиненіи Брунсвига „Das Vergleichen und die Relationserkenntniss. Останавливаясь преимущественно на отношеніяхъ сравненія — „длиннѣе, тяжелѣе, одинаково, похоже“ и т. п.,—Брунсвигъ отчетливо показываетъ, что субъективныя переживанія суть только субъективныя подмостки для созерцанія, направляющагося на сами отношенія, такъ что отношенія, суть предметныя содержанія, могушія быть *воспринятыми*.

Само собою разумѣется, отношенія суть не такой предметъ воспріятія, какъ *чувственныя* содержанія, въ родѣ краснаго, соленаго и т. п. Они не чувственны, въ нихъ есть нѣчто свидѣтельствующее о ихъ *духовномъ* характерѣ, и потому воспріятіе ихъ есть не чувственный актъ, оно не можетъ быть отнесено за счетъ глаза, уха, осязающей руки, оно требуетъ способности духовнаго видѣнія ²⁾.— Правда, допущеніе, что нѣчто духовное существуетъ въ составѣ всякой вещи, безъ исключенія, напр., въ составѣ

1) См. напр. книгу Брунсвига, стр. 11, 41, 43, 59, 184.

2) См. объ этомъ также Брунсвигъ, тамъ-же стр. 41, 43, 57, 185.

всякаго матеріального процесса, многимъ кажется страннымъ. „Мыслителю, испорченному сенсуализмомъ“, говорить Брунсвигъ, „становится жутко при допущеніи объективнаго бытія отношеній. Что это за реальности, которыхъ нельзя схватить рукою и наблюдать чувственно? Объективно наличныя отношенія производятъ на него впечатлѣніе призраковъ 1)“. — Здѣсь, повидимому, и таится главная скрытая причина того, почему Липпсъ и многіе другіе философы субъективируютъ отношенія. Усматривая, что отношенія идеальны, что они могутъ быть только продуктомъ духа 2), разума, они воображаютъ, будто искать этого разума нужно непременно въ самомъ познающемъ субъектѣ, въ человѣкѣ. Въ дѣйствительности этотъ путь вовсе не необходимъ. Если отношенія суть продуктъ духа, то наличность ихъ въ предметахъ, указываетъ на то, что духовность разлита во всемъ мірѣ, даже и въ матеріальной природѣ, и сколь бы загадочною она ни казалась, для рѣшенія проблемы нужно идти впередъ въ безграничный міръ, а не отступать назадъ въ маленькой уголокъ своего я, субъективируя отношенія вопреки очевидности.

Рѣшеніе проблемы, конечно, удовлетворитъ насъ только въ томъ случаѣ, если оно будетъ содержать въ себѣ объясненіе также и упомянутой выше чрезвычайной измѣнчивости и множественности отношеній, и покажетъ, какъ возможна та глубокая связность міра, которая необходима для транссубъективности отношеній. Отдадимъ себѣ отчетъ въ затрудненіяхъ, предстоящихъ намъ. Отказавшись отъ субъективности отношеній, т. е. отъ ссылки на организующую дѣятельность ума познающаго субъекта, приходится признать, что предметъ самъ въ себѣ содержитъ организованность, системность и, слѣдовательно, всевозможныя отношенія. Но въ такомъ случаѣ какъ разъ наиболѣе знакомые намъ предметы, именно тѣ, которые принадлежатъ

1) Тамъ-же, стр. 185.

2) См. Липпсъ, *Einheiten und Relationen*, стр. 105.

къ области реального міра, т.-е. міра пространственно-временныхъ вещей, предстають въ особенно загадочномъ свѣтѣ. Повидимому, включеніе отношеній въ ихъ составъ ведетъ къ безвыходнымъ противорѣчіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, вернемся къ такому предмету, какъ паденіе камня. Этотъ процессъ совершается во времени и, слѣдовательно, ему присущи всевозможныя отношенія времени. Такъ, паденіе въ первую секунду и паденіе въ пятую секунду находятся другъ къ другу въ отношеніи прежде — послѣ. Это отношеніе этотъ порядокъ связываютъ обѣ стороны вмѣстѣ сразу: бытіе первой секунды существуетъ такимъ-то образомъ для бытія пятой секунды и наоборотъ. Это „вмѣстѣ“, это „сразу“, присущее отношенію, нельзя понимать, какъ одновременность: тогда получилось бы прямое противорѣчіе — одновременность послѣдовательности. Поэтому остается думать, что *отношенія* времени суть *сверхвременныя* условія времени. Точно также пространственныя отношенія между любыми *A* и *B*, не только отношенія „внѣ“, „внутри“, „сверху“, „снизу“, но даже и отношеніе „далеко другъ отъ друга“ содержать въ себѣ такую совмѣстную данность *A* и *B*, такую собранность ихъ воедино, что приходится признать *сверхпространственность* пространственныхъ отношеній. Нечего и говорить, что всѣ другія отношенія, напр., принадлежность, равенство, причинность и т. п. точно также суть нѣчто сверхвременное и сверхпространственное. Правда, въ большинствѣ случаевъ мы связываемъ отношенія съ опредѣленнымъ временемъ и пространствомъ; напр., принадлежность бѣлизны данному листу бумаги какъ-бы перемѣщается вмѣстѣ съ передвиженіями листа и исчезаетъ, когда листъ сгораетъ, но само собою разумѣется приурочиваніе къ времени и пространству производится лишь *κατὰ συνεφεληκός*, въ родѣ того, какъ если музыкальный человѣкъ спотыкается и падаетъ, это не значить, что музыкальность падаетъ.

Намъ могутъ поставить вопросъ, что-же тогда обладаетъ свойствами протяженности и временности, если сама вре-

менная послѣдовательность сверхвременна и пространственная внѣположность сверхпространственна. Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы дадимъ слѣдующій: пространственность и временность принадлежать *конкретнымъ цѣлымъ вещамъ и событіямъ*, напр., камню и паденію его, что-же касается отношеній, даже пространственныхъ и временныхъ, они суть моменты конкретнаго цѣлага, не пространственные и не временные.

Такое ученіе объ отношеніяхъ есть результатъ прямого наблюденія надъ ними, оно есть не что иное, какъ описаніе своеобразной природы отношеній, и можетъ входить въ составъ самыхъ разнообразныхъ философскихъ системъ, но, само собою разумѣется, представитель органическаго міровоззрѣнія особенно предрасположенъ къ тому, чтобы усмотрѣть этотъ характеръ отношеній. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ множество частицъ вещества, находящихся, какъ это неизбѣжно для матеріальнаго міра, внѣ другъ друга въ пространствѣ. Несмотря на свою внѣположность, онѣ существуютъ, согласно приведеннымъ выше законамъ физики и химіи, не иначе какъ въ отношеніи другъ къ другу, *во взаимопредѣленіи*, которое не можетъ быть все разложено только на слѣдующіе *другъ за другомъ* во времени акты передачи дѣйствій отъ частицъ къ частицѣ въ пространствѣ. Это значить, что матеріальная система содержитъ въ себѣ, кромѣ пространственной множественности, еще другую сторону—сверхпространственную, единую, связывающую въ нѣчто цѣльное то, что въ пространствѣ удалено другъ отъ друга. Если кто либо думаетъ (какъ это полагаютъ, напр., нѣкоторые виталисты), что такимъ связующимъ началомъ можетъ быть *психическая жизнь*, то онъ жестоко ошибается. Прибавимъ къ частицамъ вещества психическіе процессы удовольствія, неудовольствія, симпатіи, антипатіи, и все-же отсюда не получится органическаго цѣлостнаго, отсюда не будетъ объяснено даже самое простое *взаимодѣйствіе*, въ родѣ толчка. Сама психическая жизнь, какъ нѣчто протекающее во времени, нужда-

ется въ связующемъ началѣ, чтобы образовать системное цѣлое, въ которомъ прошлое и будущее существуютъ *въ отношеніи другъ къ другу*. Такое начало должно быть *сверхвременнымъ*, иначе оно не могло бы опредѣлять *вмѣстѣ* то, что относится къ *разнымъ* временамъ.

Каковы эти высшія начала, лежація въ основѣ органической цѣльности міра, къ выясненію этого вопроса мы вскорѣ приступимъ, а теперь во всякомъ случаѣ ясно, что органическую цѣлость реального міра они слагаютъ съ помощью отношеній, какъ тоже чего-то непространственного и не временнаго. Всякое бытіе, преодолюющее разрозненность пространства и времени, условимся называть *идеальнымъ*, слѣдуя терминологіи Платона, впервые открывшаго царство идей. Подъ эту характеристику подходятъ отношенія и потому слѣдуетъ признать, что *отношенія принадлежатъ къ области идеальнаго бытія*.—Конечно, это—лишь *отвлеченно-идеальное* бытіе. Въ самомъ дѣлѣ, отношенія не самостоятельны, они не могутъ существовать сами по себѣ, безъ членовъ отношенія. Слѣдовательно, отношенія суть только выраженіе организованности реального міра, но они не суть первоисточникъ ея, объясняющій, какъ она создалась. Сама множественность реального міра также не можетъ быть источникомъ своей объединенности. Такимъ образомъ признаніе трансубъективности отношеній вовсе еще не У привело къ разрѣшенію загадки строенія міра, а скорѣе усугубило ее: намъ необходимо теперь найти какое-то третье начало, стоящее выше реального бытія и отвлеченно-идеальнаго бытія, найти какого-то дѣятеля, благодаря которому множественность реального міра существуетъ въ видѣ органическаго единства. Субъективистическія теоріи отношенія имѣли такое третье начало въ лицѣ субъекта. Именно въ ссылкѣ на это начало и заключается главная привлекательность ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, единство, кажущееся столь загадочнымъ, если приписать его самому матеріальному міру, становится очевиднымъ и какъ бы не требующимъ дальнѣйшихъ поясненій, если разсматривать

предметъ, какъ *мысль субъекта*; передо мною раскидистый дубъ, какъ бы много ни было у него вѣтвей, какъ бы ни было разнообразно ихъ положеніе въ пространствѣ, кажется само собою понятнымъ, что они составляютъ единый предметъ моего созерцанія, въ которомъ верхъ и низъ, передній и задній планъ собраны въ одно цѣлое. Точно такъ-же насъ нисколько не удивляетъ, что сложное событіе паденія камня въ моемъ умѣ образуетъ единство, какъ предметъ наблюденія и воспоминанія. Одинъ изъ величайшихъ философовъ всѣхъ временъ Плотинъ утверждаетъ, что всякое растеніе, животное, земля и т. п. причастны созерцанію (*θεωρία*), что каждое изъ этихъ существъ есть *θεωρημα*, всѣ они суть „мысли“ (*νοήσεις*), „понятія“ (*λόγοι*)¹⁾.

Такое пониманіе вещей, событий, вообще всей системы природы рѣшаетъ многія проблемы, однако для того, чтобы оно не влекло за собою новыхъ затрудненій, необходимо сдѣлать рядъ оговорокъ. Отчего сверхвременное и сверхпространственное единство предмета становится намъ понятнымъ, когда мы разсматриваемъ его, какъ нѣкоторое „*θεωρημα*“ (созерцаніе)? Конечно, не потому, что вмѣстѣ съ этимъ мы склонны понимать его, какъ *психическое* явленіе въ какомъ-либо созерцающемъ субъектѣ: вѣдь психическое, какъ находящееся во времени, само представляется загадочнымъ, когда требуется объяснить таящіяся въ немъ сверхвременныя отношенія. Остается, слѣдовательно, предположить, что понятность сверхвременнаго сверхпространственнаго единства, какъ „созерцанія“, и вытекаетъ изъ самой ссылки на существованіе созерцающаго субъекта. Благодаря какому свойству субъекта?—Безъ сомнѣнія благодаря тому, что субъектъ есть существо *сверхпространственное и сверхвременное*, способное поэтому направлять свои познавательныя акты (актъ вниманія, акты различенія, припоминанія и т. п.) на любые предметы внутрен-

¹⁾ Νοήσεις μὲν γὰρ πῶς καὶ ἄλλαι ἄλλ' ἢ μὲν φωτικῆ νόησις, ἢ δὲ αἰσθητικῆ, ἢ δὲ ψυχικῆ. Πῶς οὖν νοήσεις; ἔτι λόγοι.—Плотинъ, Энн. III, кн. 8, гл. 8.

ного и внѣшняго міра, не подчиняясь раздробленности пространства и времени ¹⁾).

Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ группу протяженныхъ вещей $abcdef$ (напр., вѣтви дерева) и субъекта S_1 . Вещь c именно потому, что она протяженная, находится въ пространственныхъ и притомъ различныхъ пространственныхъ отношеніяхъ къ вещамъ $abdef$: къ однимъ она ближе, отъ другихъ она дальше и т. п. Наоборотъ, субъектъ S_1 , будучи самъ не протяженнымъ и потому не находясь ни близко, ни далеко, ни направо, ни налѣво отъ этихъ вещей, можетъ направить свой актъ созерцанія на всѣ эти шесть вещей *совершенно одинаковымъ образомъ*, такъ что a и f , несмотря на свою пространственную раздѣльность, будутъ собраны для созерцанія субъекта во-едино. Точно также познающій субъектъ можетъ воспринимать *измѣненія*, совершающіяся во времени, лишь благодаря тому, что самъ онъ есть сверхвременное существо. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы воспринять измѣненіе, напр., движеніе поѣзда, необходимо сразу созерцать и настоящее и непосредственно предшествующее, уже прошлое состояніе предмета. Это возможно лишь въ томъ случаѣ, если само созерцающее существо стоитъ *внѣ* времени и потому для него безразлично, какое мѣсто во времени принадлежитъ различнымъ элементамъ событія; *я* не отдѣлено отъ нихъ ни секундою, ни мѣсяцемъ, ни годомъ, и въ случаѣ надобности можетъ направить свой актъ созерцанія на любой изъ нихъ. Мало того, *единный* актъ своего созерцанія оно направляетъ *сразу* на болѣе или менѣе длинный *отрѣзокъ измѣненія* и созерцаетъ его, какъ *теченіе*.

Благодаря своей сверхвременности, *я* способно созерцать не только событія, непосредственно предшествующія настоящему, но и любыя событія прошлаго времени. Но созерцаніе прошлаго есть *воспоминаніе*. Итакъ, благодаря акту

¹⁾ Объ актахъ знанія (о субъективной сторонѣ знанія), направленныхъ на предметъ и содержаніе знанія (на объективную сторону знанія), см. мое „Введеніе въ философію“, т. I, „Введеніе въ теорію знанія“, стр. 248.

воспоминанія, какъ это видно даже изъ анализа воспріятій, самъ прошлый воспоминаемый предметъ самолично продолжаетъ пребывать или вновь вступаетъ въ кругозоръ сознанія субъекта; поэтому то актъ воспоминанія оказывается цѣннымъ для познавательной дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, положимъ, я нахожусь на аэродромѣ и наблюдаю, какъ авіаторъ X, только что совершившій полетъ, слѣзаетъ съ аэроплана и затѣмъ идетъ по полю особенно бодрыми энергичными шагами. Въ другой разъ я наблюдаю аналогичныя проявленія авіатора Y, въ третій разъ осматриваю воздухоплавательные аппараты съ авіаторомъ Z и замѣчаю въ его лицѣ, движеніяхъ рукъ и всего тѣла своеобразную силу, крѣпость, увѣренность. Вспоминая всѣ эти наблюденія, я образу представленіе объ особенномъ типѣ энергіи видѣнныхъ мною авіаторовъ. Это представленіе я обосновываю на воспоминаніяхъ, которыя, въ свою очередь, имѣютъ цѣну лишь въ томъ случаѣ, если они суть умственное видѣніе *тѣхъ самыхъ фактовъ*, которые нѣкогда были восприняты мною по поводу раздраженія моихъ органовъ чувствъ, такъ что разница между воспріятіемъ и воспоминаніемъ заключается въ *актъ* воспріиманія и *актъ* воспоминанія, а не въ предметъ, на который направлены эти акты (конечно, въ воспріятіи и воспоминаніи предметъ предстоить различно, однако лишь въ смыслѣ полноты созерцанія).

Кто отвергаетъ эту теорію, тотъ принужденъ вмѣстѣ съ тѣмъ отрицать всякое познавательное значеніе воспоминаній. Въ самомъ дѣлѣ, тогда приходится думать, что воспріятое мною вчера событіе A навѣки кануло въ прошлое, и мое сегодняшнее воспоминаніе о немъ есть *столна новое событіе B*, совершающееся въ моей душевной жизни цѣликомъ *теперь*. Если событіе A стало навѣки трансцендентнымъ моему сознанію, то оно находится въ положеніи кантовской вещи въ себѣ, и гносеологъ, утверждающій, что посредствомъ теперешняго *образа* воспоминанія B онъ познаетъ прошлое событіе A, принужденъ признать возмож-

ность трансцендентнаго знанія. Считая свое воспоминаніе правильнымъ, онъ долженъ въ лучшемъ случаѣ допускать между нимъ и воспоминаемымъ предметомъ отношеніе хорошей копій къ подлиннику, въ родѣ того, какъ напр., Локкъ считаетъ представляемую протяженность „подобіемъ“ реальной протяженности.

Особенно затруднительно для такой теоріи объясненіе воспоминанія о матеріальныхъ процессахъ: такъ какъ „образъ“ воспоминанія она принуждена считать сполна психическимъ явленіемъ, то чтобы допустить „подобіе“ между нимъ и воспоминаемымъ предметомъ (матеріальнымъ процессомъ), она вынуждена отвергать существованіе матеріальнаго міра и понимать матеріальные процессы, какъ особый видъ психическихъ явленій. Однимъ словомъ, всѣ тяжкія затрудненія, присущія трансцендентнымъ теоріямъ знанія и обусловленныя допущеніемъ раздвоенія между содержаніемъ представленія о предметѣ и самимъ предметомъ, вновь всплываютъ въ этой теоріи и должны создать скептическое отношеніе къ воспоминаніямъ. Въ особенности губительно то, что это ученіе, какъ и всякая трансцендентная теорія знанія, содержитъ въ себѣ слѣдующее безвыходное противорѣчіе: оно считаетъ прошлое *трансцендентнымъ* сознанію и въ то же время, чтобы признать его *сходство* съ воспоминаніемъ, должно сравнивать его съ воспоминаніемъ, т.-е. имѣть это прошлое *имманентнымъ* сознанію. Не будучи въ состояніи оправдать гносеологическую цѣнность воспоминаній, эта теорія не даетъ также и гносеологическаго обоснованія науки вообще, такъ какъ наука опирается на воспоминанія не менѣе, чѣмъ на воспріятія, да и само воспріятіе неосуществимо безъ воспоминаній.

Итакъ, гносеологическое обоснованіе науки возможно только при соучастіи имманентной теоріи воспоминанія, т.-е. теоріи, утверждающей, что въ случаѣ воспоминанія *само прошлое* становится *вновь имманентнымъ* сознанію субъекта. При этомъ оно вовсе не превращается опять въ настоящее: къ настоящему относится *лишь актъ припомни-*

нанія субъекта, направленный на прошлое. Для того, чтобы произвести это поразительное соотнесеніе теперешняго событія (акта воспоминанія) съ прошлымъ (съ предметомъ воспоминанія), чтобы перекинуть мостъ между пропастью во времени, познающій субъектъ, т.-е. я, долженъ быть *сверхвременною сущностью*.

Остановимся теперь внимательнѣе на вопросѣ о томъ, что такое эта сверхвременная сущность субъекта. Какъ сверхпространственный и сверхвременный, субъектъ принадлежитъ къ сферѣ *идеальнаго* бытія, подобно отношеніямъ. Однако онъ никоимъ образомъ не есть отношеніе. Въ самомъ дѣлѣ, субъектъ, хотя онъ и есть сверхвременное бытіе, способенъ совершать *акты* во времени, напр., познавательные акты вниманія, различенія, припоминанія, направленные то на одинъ, то на другой предметъ знанія.

Кромѣ познавательныхъ актовъ, есть и другія дѣятельности, неразрывно связанныя съ субъектомъ сознанія: таковы волевые и эмоціональные процессы, чувства, желанія и поступки субъекта. Всѣ эти процессы такъ тѣсно связаны съ субъектомъ, съ сверхвременнымъ я, что могутъ быть названы *проявленіями* его во времени. Глубокое различіе между такимъ идеальнымъ бытіемъ, какъ субъектъ, и такимъ идеальнымъ бытіемъ, какъ отношеніе, становится очевиднымъ, если сопоставить, съ одной стороны, цѣлое субъекта и его проявленій, а съ другой стороны, цѣлое, состоящее изъ какого-либо отношенія и объединяемыхъ имъ членовъ, напр., единство нѣсколькихъ красокъ кленоваго листа, начинающаго желтѣть осенью. Отношеніе единства есть, безъ сомнѣнія, вполнѣ пассивный, и притомъ лишь *несамостоятельный моментъ* цѣлаго, въ которомъ оно находится, оно не есть ни причина, ни часть причины членовъ отношенія (красокъ листа). Наоборотъ, субъектъ не пассивенъ, онъ есть важнѣйшій источникъ (важнѣйшая часть причины) своихъ проявленій во времени, онъ есть причина ихъ по преимуществу и составляетъ такую верховную самостоятельную основу временныхъ актовъ, что *не можетъ*

быть низведено лишь на степень отвлеченнаго момента временныхъ процессовъ. Субъектъ вмѣстѣ со своими проявленіями есть существо (идеально-реальное), т.-е. относительно самостоятельное бытіе; но этого мало даже и за вычетомъ своихъ проявленій во времени; онъ попрежнему есть существо (идеальное), а не отвлеченный моментъ. Если отношенія можно назвать *отвлеченно-идеальнымъ* бытіемъ, то о субъектѣ слѣдуетъ сказать въ виду перечисленныхъ свойствъ его, что онъ есть *конкретно-идеальное* бытіе. Такое конкретно-идеальное бытіе, поскольку оно есть дѣятельный источникъ временныхъ процессовъ, есть *сила*, а поскольку проявленія его суть его принадлежности, оно можетъ быть названо также старымъ философскимъ терминомъ *субстанція*.

Такое ученіе о субъектѣ имѣетъ значеніе не только для метафизики, но и для гносеологіи. Въ самомъ дѣлѣ, только въ томъ случаѣ, если субъектъ есть конкретное, индивидуальное существо, можно для цѣлей теоріи истины рѣзко разграничить въ знаніи *субъективную* (индивидуально-психическую) и *объективную* сторону, можно различить индивидуально-психическій актъ знанія, съ одной стороны, и предметъ, а также содержаніе знанія, съ другой стороны¹⁾. Точно также лишь ученіемъ о субъектѣ, какъ сверхвременномъ и сверхпространственнымъ дѣятелѣ (субстанціи), можетъ быть объяснено то, какимъ образомъ онъ способенъ охватить *единымъ* взоромъ *сложное* содержаніе предмета. Однако этого мало: такимъ образомъ объяснено единство познаванія, но вовсе еще не объяснено, какимъ образомъ существуетъ единство въ самомъ транссубъективномъ составѣ *предмета*. Согласно теоріи интуитивизма, субъектъ своими актами знанія вовсе не создаетъ предметъ знанія, онъ только созерцаетъ его. Единство актовъ знанія, преодоленіе въ актахъ знанія пространственной, временной и т. п. раздробленности предмета не вноситъ въ самый составъ предмета никакихъ измѣненій, ничего въ немъ са-

¹⁾ См. мое „Введеніе въ философію, ч. I. Введеніе въ теорію знанія“ стр. 248 с.

момъ не собираетъ и не перемѣщаетъ. Если въ составѣ внѣшняго пространственно-временнаго предмета есть отношенія, если эти отношенія суть нѣчто сверхвременное и сверхпространственное, то получающееся отсюда органическое строеніе предмета не есть заслуга познающаго субъекта; оно предлежитъ для созерцанія познающаго субъекта, но не этимъ созерцаніемъ создано.

Итакъ, передъ нами вопросъ: какъ же возникло органическое единство самого предмета, единство, присущее ему, несмотря на множественность частей въ пространствѣ и времени? Послѣ отвѣта на вопросъ о единствѣ знанія не трудно рѣшить и эту проблему: какъ въ актѣ *познаванія* бытія множественность преодолевается сверхвременною субстанціею, такъ то же самое происходитъ и при *созиданіи* реального бытія. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что разсмотрѣнный раньше рядъ $abcdef$ есть *продуктъ* дѣятельности субстанціи s_2 (отличной отъ упомянутаго выше познающаго субъекта s_1). Въ этомъ ряду a и f , находяшіяся въ различныхъ точкахъ пространства и времени, не могутъ быть объединены промежуточными звеньями b, c, d, e , которыя сами занимаютъ разныя мѣста во времени и пространствѣ, и, взятыя сами по себѣ, неспособны выйти за свои предѣлы, неспособны сочетать воедино множественность своихъ сочленовъ. Иное дѣло, если *въ основѣ возникновенія ряда* лежитъ субстанція s_2 . Созидая f послѣ a и въ иномъ мѣстѣ, чѣмъ a , субстанція производитъ не разсыпанное множество, а множество, въ которомъ каждый членъ соотнесенъ съ остальными: *для ея творческой дѣятельности f не удалено отъ a* , потому что сама она стоитъ выше всякой пространственно-временной множественности. Благодаря этому характеру дѣятельности субстанціи, множественность $abcdef$ оказывается содержащею въ себѣ порядокъ: въ ней каждый членъ *соотнесенъ* съ каждымъ изъ остальныхъ членовъ. Отношенія, созданныя этою соотнесенностью, напр., „близость“, „далекость“ членовъ другъ отъ друга, сами, конечно ни въ какомъ смыслѣ слова не протяженны, но то реальное цѣ-

лое, въ которомъ они находятся, имѣеть форму протяженности. Не только пространственно-временныя, но даже и типично органическія отношенія, какъ взаимодействіе, становятся понятными, если принять во вниманіе значеніе такого источника единства, какъ субстанція.

При этомъ не слѣдуетъ думать, будто субстанція создать *сначала* множественность разрозненныхъ a, b, c, d , и т. д., а *потомъ* соотносить ихъ другъ съ другомъ, производить *синтезъ* ихъ въ родѣ того, какъ это дѣлаетъ кантовскій разумъ. Тогда пространственно-временныя процессы *не были бы сплошны*, они мозаикообразно складывались бы изъ кусочковъ путемъ внѣшняго упорядоченія ихъ. Такое *внѣшнее* упорядоченіе было бы необходимо лишь въ томъ случаѣ, если бы $a, b, c...$ были даны субстанціи извнѣ и ея роль сводилась бы только къ систематизаціи ихъ. Тогда изъ этой систематизаціи возникъ бы безжизненный, неорганическій *агрегатъ* равнодушныхъ въ своемъ существѣ другъ другу элементовъ. Въ дѣйствительности пространственно-временныя событія имѣють прямо противоположный характеръ: они *сплошны*, и каждый новый возникающій членъ ряда не присоединяется извнѣ къ предыдущимъ, а *сплошно вырастаетъ* изъ предыдущихъ. Это возможно потому, что субстанція творить не только порядокъ, но и *саму содержательность* ряда $a'b'c'd'e'f'$; порядокъ и содержаніе здѣсь *нераздѣльны*, порядокъ *не присоединяется* къ содержанію, а есть не что иное, какъ характеръ творчества субстанціи (сверхвременно и сверхпространственно единой), запечатлѣвающійся въ содержаніи ея творчества.

Примѣры творческой дѣятельности субстанціи, создающей единства, пронизанныя по всѣмъ направленіямъ отношеніями, человекъ можетъ найти, не выходя изъ сферы своего я. Въ самомъ дѣлѣ, субъектъ (я) есть субстанція, и притомъ субстанція, не только познающая, но и живущая, т.-е. творящая новое бытіе. Вспомнимъ о высшихъ творческихъ дѣятельностяхъ субъекта, напр., о музыкальномъ творествѣ композитора. Музыкальное произведеніе есть

сложное цѣлое, въ которомъ множественность частей есть не хаосъ, а органическое цѣлое; въ немъ всѣ элементы согласны другъ съ другомъ и существуютъ другъ для друга, и это возможно только потому, что творецъ его есть существо, парящее надъ временною и пространственною множественностью. По аналогіи съ этими высокими творческими актами нужно понимать также и всякую дѣятельность всевозможныхъ другихъ субстанцій, создающихъ какое бы то ни было пространственно-временное бытіе: каплю дождя, кристаллъ, клѣточку организма и т. п. Каждая изъ этихъ вещей, въ самомъ дѣлѣ, есть *θεωρία*, какъ это утверждалъ Плотинъ; но, конечно, употребляя слово *θεωρία*, нужно освободиться отъ мысли, будто здѣсь передъ нами продуктъ теоретической, *познавательной* дѣятельности, нужно имѣть въ виду, что это *практическая* дѣятельность, творчество *жизни*. Такъ какъ это творчество аналогично жизни духа, то поэтому-то человѣку и становится жутко, но вмѣстѣ съ тѣмъ и радостно, когда онъ приходитъ къ убѣжденію въ транссубъективномъ бытіи отношеній; вмѣстѣ съ этимъ допущеніемъ необходимо признать, что весь міръ, даже и матеріальный, есть твореніе духа или существъ, подобныхъ духу (конкретно-идеальныхъ).

Въ новѣйшей философіи весьма распространено отрицаніе какого бы то ни было идеальнаго бытія, а, слѣдовательно, также и бытія субстанцій. Въ послѣднее время однако положеніе измѣнилось.

√ Представители трансцендентально-логическаго направленія въ гносеологіи, борющіеся съ психологизмомъ, положили начало возрожденію платонизма. Вмѣстѣ съ тѣмъ и понятіе субстанціи стало вновь пріобрѣтать нѣкоторое значеніе. Однако до сихъ поръ эти философы допускаютъ только бытіе *отвлеченно-идеальное*, напр., бытіе отношеній, законовъ и т. п. Соотвѣтственно этому они смотрятъ и на субстанцію, какъ на моментъ единства событій, какъ на законъ измѣненія и т. п., но никоимъ образомъ не какъ на существо. Однако всѣ такія ученія, ставящія субстанцію на

одну доску съ отношеніями, неприемлемы потому, что при нихъ становятся непонятными сами отношенія. Изъ приведенныхъ выше соображеній видно, что отношенія предполагають существованіе нѣкоторой основы, иной, чѣмъ они сами, и такая основа находится въ субстанціи, какъ бытіи *конкретно-идеальномъ*.

Роль субстанціи можно еще пояснить сопоставленіемъ нашего ученія съ ученіемъ Бергсона. Нельзя не согласиться съ Бергсономъ въ томъ, что временной процессъ есть безконечное творческое *измѣненіе*, сплошь теченіе, а не сумма моментальныхъ положеній неподвижности. Въ высшей степени цѣнно также указаніе Бергсона на то, что это теченіе есть *историческая* система, т.-е. что въ немъ все прошлое вліяетъ на будущее и настоящее, и притомъ вліяетъ не *черезъ посредство* своихъ дѣйствій, а самолично, такъ что процессъ нарастаетъ, подобно лавинѣ. Но нельзя согласиться съ Бергсономъ тогда, когда онъ подходитъ къ вопросу о субстанціи. Опасаясь нанести ущербъ излюбленному имъ и мастерски изображенному творческому измѣненію, онъ совершенно вычеркиваетъ изъ состава дѣйствительнаго міра сверхвременное идеальное бытіе, открытое Платономъ, и между прочимъ отвергаетъ существованіе субстанцій. „Есть измѣненія,—говоритъ Бергсонъ,—но нѣтъ мѣняющихся вещей: измѣнчивость не нуждается въ подпорѣ. Есть движенія, но нѣтъ необходимости въ неизмѣняемыхъ предметахъ, которые движутся: движеніе не предполагаетъ собою движущагося тѣла“ ¹⁾.

Посмотримъ теперь, дѣйствительно ли осуществимъ цѣльный потокъ творческихъ измѣненій безъ субстанціи въ своей основѣ. Произведемъ мысленно разрѣзъ въ потокѣ *abcdefgh..* въ точкѣ между *e* и *f* ²⁾. Непосредственно предшествующее разрѣзу *e* не можетъ содержать въ себѣ

1) Бергсонъ, „Воспріятіе измѣнчивости“, переводъ В. А. Флеровой, стр. 28.

2) О томъ, что такія мысленныя оперціи правомѣрны и ничего не искажаютъ въ реальномъ бытіи, см. мою брошюру „Интуитивная философія Бергсона“, 2 изд., стр. 106 с.

достаточнаго основанія для всего безконечнаго дальнѣйшаго потока измѣненій; такое основаніе, также и по Бергсону, заключается во *всемъ прошломъ* потока, но какимъ образомъ прошлое, напр., *ab*, можетъ *самолично* вмѣстѣ съ *e* творить *fgh...*?—въ Бергсоновскомъ мірѣ этому прошлому пришлось бы *реально* продолжать свое бытіе также и тогда, когда потокъ превратился въ *c*, потомъ *d*, *e* и т. д. Но въ такомъ случаѣ потокъ вмѣсто того, чтобы быть образцомъ измѣнчивости, становится запруженнымъ застывшими, неподвижными струями прошлаго. И, въ самомъ дѣлѣ, картина такого оледенѣнія рисуется намъ, когда мы слышимъ слѣдующія заявленія Бергсона: „Вниманіе къ жизни, достаточно сильное и достаточно свободное отъ всякаго практическаго интереса, охватило бы, такимъ образомъ, въ недѣлимомъ настоящемъ всю прошлую исторію сознательной личности,—безъ сомнѣнія, не какъ одновременность, но какъ нѣчто такое, что есть разомъ непрерывно настоящее и непрерывно движущееся: такова, я повторяю, мелодія, воспринимаемая, какъ недѣлимое, и составляющая съ одного конца до другого непрекращающееся настоящее, хотя это постоянство не имѣетъ ничего общаго съ неизмѣнностью, какъ и эта недѣлимость съ мгновенностью. Это будетъ длящееся настоящее“. ¹⁾ Дѣйствительно, прошлое должно находиться въ настоящемъ, какъ это прекрасно изобразилъ Бергсонъ, но это возможно безъ застыванія измѣнчивости лишь въ томъ случаѣ, если потокъ измѣненій есть творческое обнаруженіе сверхвременной субстанціи. Тогда основаніе для будущаго *fgh...* заключается въ субстанціи и осуществленномъ ею процессѣ *abcde*; это *abcde* отошло уже въ область прошлаго, *реально* оно уже болѣе не существуетъ, но такъ какъ субстанція *имѣетъ его въ виду* (въ подлинникѣ), творя далѣе *fgh*, то прошлое *идеально* вліяетъ на будущее, и притомъ вліяетъ *самолично*, а не черезъ свои послѣдствія только: потокъ *abcdefgh...* можно теперь раз-

1) Бергсонъ, „Воспріятіе измѣнчивости“, стр. 36.

сматривать вмѣстѣ съ Бергсономъ, какъ неустанное теченіе, сплошное измѣненіе, въ которомъ *все сохраняетъ свое значеніе для будущаго, хотя ничто не сохраняется реально.*

Для большей отчетливости полученныхъ нами результатовъ полезно сравнить ихъ съ ученіемъ психологистовъ, субъективирующихъ отношенія. Расчленимъ ученіе психологистовъ вплоть до послѣднихъ элементовъ; тогда оно выразится въ видѣ слѣдующихъ четырехъ пунктовъ: 1) отношенія создаются *субъектомъ*; 2) подѣ ссылкой на субъектъ кроется (иногда безотчетно) ссылка на сверхвременную и сверхпространственную *субстанцію*; 3) субъектъ создаетъ отношенія въ актахъ *знанія*; 4) отношенія суть *субъективныя психическія* содержанія сознанія. Изъ этихъ положеній наша теорія *принимаетъ только второе* и отвергаетъ всѣ остальные (конечно, съ надлежащею оговоркою относительно перваго пункта, именно относительно непознавательныхъ творческихъ дѣятельностей субъекта).

Въ иномъ отношеніи она стоитъ къ трансцендентально-логическому идеализму. Этотъ идеализмъ 1) признаетъ транссубъективность отношеній, слѣдовательно, допускаетъ *отвлеченно-идеальное* бытіе, но 2) онъ придаетъ отношеніямъ *только логическое* значеніе (для знанія) и 3) отвергаетъ созиданіе отношеній субстанціею, какъ *конкретно-идеальнымъ* бытіемъ. Наша теорія согласна съ трансцендентально-логическимъ идеализмомъ въ первомъ пунктѣ и не согласна въ остальныхъ пунктахъ. Она сочетаетъ *гносеологически-цѣнную* сторону этого идеализма съ *метафизически-цѣнную* стороною субстанціалистическаго психологизма.

ГЛАВА IV.

Множественность субстанцій.

Находится ли въ основѣ міра множество субстанціальныхъ началъ или одна единственная субстанція?—Поскольку отношенія охватываютъ весь міръ и придаютъ ему характеръ единой системы, приходится предполагать единство созиданія.

нія міра и, слѣдовательно, единую субстанцію. Но съ другой стороны, въ пространственно-временномъ мірѣ, кромѣ стороны цѣлости, всегда есть еще и сторона непреодолимаго раздробленія, указывающая на множественность субстанціальныхъ дѣятелей, находящихся другъ къ другу въ отношеніи непримиримой противоположности. Разсмотримъ сначала эту сторону міра, и прежде всего различимъ для нашей цѣли разные виды противоположности.

Міръ сложенъ, онъ содержитъ въ себѣ множество сторонъ, отличимыхъ другъ отъ друга потому, что каждая изъ нихъ есть нѣчто *опредѣленное, иное, чѣмъ всѣ остальные* стороны міра. Возьмемъ любое *a* или *b* или *c* (желтизна, синева, твердость, точка, справедливость и т. п., и т. п.). Каждое изъ нихъ есть „это“, опредѣленное благодаря своему особому содержанію (*a'* товости, или *b'* товости, или *c'* товости), которое *исключаетъ всѣ остальной міръ*: желтизна, рассматриваемая въ ея собственномъ содержаніи, есть не синева, не твердость, не точка и т. д., и т. д. Это взаимоисключеніе всѣхъ содержаній міра, это отношеніе противоположности между ними имѣетъ сверхпространственный и сверхвременный характеръ: желтизна и синева *отрицательно соотносятся* другъ съ другомъ независимо отъ времени и пространства. Поэтому назовемъ такую противоположность *идеальной*. Далѣе слѣдуетъ замѣтить, что описанная противоположность *вовсе не есть уничтоженіе* одного бытія другимъ, не есть сопротивленіе, не есть стѣсненіе. Противоположности въ описанномъ смыслѣ слова до такой степени не препятствуютъ бытію другъ друга, что могутъ совмѣщаться въ одномъ и томъ же пространствѣ, въ одномъ времени, въ одной вещи: одно и то же пространство можетъ быть пропитано голубымъ свѣтомъ и ароматомъ резеды, одна и та же вещь можетъ быть желтою и твердою; человѣческая душа можетъ быть охвачена одновременно грустью и благоговѣніемъ и т. п. Итакъ, описанная идеальная противоположность, если рассматривать ее въ ея метафизическомъ значеніи, оказывается ведущею къ богатству, сложности и

разнообразію міра. Назовемъ ее поэтому *индивидуализирующею противоположностью*.

Она имѣетъ огромное значеніе также для познавательной дѣятельности. Всякое a , поскольку его a' товость исключаетъ идеальнымъ образомъ изъ своего содержанія весь остальной міръ, имѣетъ строго-опредѣленный характеръ, и подчиненіе всѣхъ объектовъ міра законамъ тожества, противорѣчія и исключеннаго третьяго есть не что иное, какъ выраженіе этой опредѣленности. Въ виду важнаго логическаго значенія перечисленныхъ законовъ ¹⁾ вполне умѣстно называть также описанную идеальную противоположность *логическою*. (Для полноты перечисленія напомнимъ, что существуютъ два вида логической противоположности: противорѣчащая и противная. Противорѣчащая противоположность существуетъ между a и не- a , при чемъ подъ не- a разумѣется всякій объектъ *всего остального* міра за вычетомъ a . Противная противоположность существуетъ согласно нашему опредѣленію между a и любымъ b, c, d, \dots взятыми изъ состава *всего міра* за вычетомъ a .)

Въ дальнѣйшемъ мы нерѣдко будемъ называть рассмотрѣнную идеальную противоположность логическою, но сохранимъ за нею также и названіе индивидуализирующей противоположности, чтобы не забывать, что она имѣетъ и *метафизическое* значеніе.

Перейдемъ теперь къ рассмотрѣнію другого рода противоположности. Нерѣдко два элемента міра не только отличаются другъ отъ друга, но и препятствуютъ бытію другъ друга, взаимно уничтожаются. Таково, на примѣръ, дѣйствіе двухъ силъ, изъ которыхъ одна приближаетъ точку A къ точкѣ B , а другая удаляетъ ее отъ B ; таково вліяніе разнородныхъ мотивовъ на душу человѣка, изъ которыхъ одни пробуждаютъ въ X склонность къ дружбѣ съ Y , а другіе склоняютъ къ враждѣ и т. п. Такую противоположность между элементами міра мы назовемъ *противоборствующею*.

¹⁾ См. объ этомъ мою брошюру „Логика проф. Введенскаго“, напечатано также въ „Вопр. фил.“, кн. 111, 1912 г.

Поскольку она существуетъ между событіями и вещами пространственно-временного міра, она можетъ быть названа *реальною*. Въ основѣ ея лежатъ сверхвременныя и сверхпространственныя, т.-е. идеальныя формы, напр., отрицательная и положительная величина, также имѣющія характеръ противоборствующей противоположности, поскольку онѣ стали формами реального. Слѣдовательно, эта противоположность имѣетъ двѣ стороны: реальную и идеальную.

Наличность противоборствующей противоположности не только не увеличиваетъ богатства и содержательности міра, а, наоборотъ, понижаетъ число возможныхъ комбинацій и проявленій жизни. Во-первыхъ, сами противоборствующія противоположности парализуютъ другъ друга, а, во-вторыхъ, также и всѣ событія, законосообразно связанные съ ними, становятся несомвѣстимыми другъ съ другомъ, хотя бы сами по себѣ они не исключали другъ друга. Наиболѣе понятныя примѣры этихъ отношеній можно найти въ области человѣческой душевной жизни. Такъ, эстетическое созерцаніе луннаго сіянія на морѣ и чтеніе „Федона“ Платона не могутъ быть совмѣщены не потому, чтобы они непосредственно противодѣйствовали другъ другу, а только потому, что нѣкоторыя *средства* для выполненія этихъ дѣятельностей прямо исключаютъ другъ друга (напр., различныя положенія глазъ). Можно сказать, что, поскольку въ мірѣ есть противоборствующія противоположности, онъ содержитъ въ себѣ *царство вражды*; наоборотъ, поскольку въ мірѣ этихъ противоположностей нѣтъ, онъ образуетъ или можетъ образовать *царство гармоніи*. Со свойствами противоборствующей противоположности мы будемъ подробнѣе знакомиться позже, а теперь обратимся къ вопросу, какъ она возможна, каково ближайшее условіе ея существованія въ мірѣ.

Безъ сомнѣнія, противоборствующая противоположность возможна лишь тамъ, гдѣ есть множество *самостоятельныхъ* дѣятелей, т.-е. множество субстанцій. Однако, съ другой стороны, эти дѣятели должны быть не абсолютно обосо-

бленными другъ отъ друга, между ними должна быть также и сторона *единенія*: въ противномъ случаѣ они не могли бы даже и вступить въ борьбу другъ съ другомъ, такъ какъ образовали бы совершенно несоизмѣримые раздѣльные міры. Даже въ матеріальной средѣ явленія борьбы, состоящія въ дѣйстви и противодѣйстви *отталкивающихъ* силъ, возможны лишь до тѣхъ поръ, пока множество частей матеріи связаны другъ съ другомъ также и силою *притяженія* и потому образуютъ *единую* матеріальную *систему*. Относительно простыя тѣла входятъ въ составъ болѣе сложныхъ тѣлъ и т. д. Точно также человѣкъ, будучи до нѣкоторой степени самостоятельнымъ дѣятелемъ, съ другой стороны входитъ въ составъ какой-либо общественной группы, напр., государства, всѣ общественныя группы входятъ въ составъ человѣчества и т. д. Какъ бы ни боролись между собою индивидуумы, все же, поскольку они граждане одного государства, они способны слиться въ одномъ чувствѣ, въ одномъ порывѣ и всячески содѣйствовать другъ другу въ достиженіи одной цѣли, какъ это мы наблюдаемъ, напр., въ Россіи во время Всеевропейской войны.

Такимъ образомъ ученіе Лейбница о томъ, что субстанціи „не имѣютъ оконъ и дверей“, т. е. не находятся въ непосредственномъ общеніи другъ съ другомъ, должно быть отвергнуто самымъ рѣшительнымъ образомъ. Точно также неприемлема и всякая атомистика въ родѣ демокритовской, разбивающая міръ на множество индивидуумовъ, совершенно обособленныхъ другъ отъ друга. Однако вопросъ о томъ, какое именно свойство субстанцій есть условіе возможности единенія между ними, еще остается нерѣшеннымъ и будетъ разсмотрѣнъ въ одной изъ послѣдующихъ главъ. Теперь на основаніи приведенныхъ выше соображеній установлено лишь, что единеніе между субстанціями вообще существуетъ.

Чаще всего объединеніе группы дѣятелей осуществляется въ формѣ частичнаго *подчиненія* ихъ какому-либо высшему субстанціальному дѣятелю. Наиболѣе извѣстный слу-

чай этого явленія представляют *индивидуальныя* человѣческія сознанія, подчиняющіяся отчасти соціальному цѣлому. Такія частныя системы подчиняются болѣе общимъ системамъ и т. д., вплоть до осуществленія единой системы міра. Не слѣдуетъ, однако, представлять себѣ эти отношенія системъ слишкомъ просто, въ видѣ іерархіи изобразимой наглядно въ образѣ пирамиды; это невозможно потому, что одно и то же существо можетъ въ одномъ отношеніи принадлежать къ одной системѣ, а въ другомъ—къ другой. Такъ, напр., католикъ-баварецъ есть членъ Германской имперіи, но также и римско-католической церкви.

Однако, какъ бы ни были разнообразны эти отношенія, несомнѣнно то, что всѣ частныя системы міра подчинены одному верховному міровому цѣлому. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ событія, совершающіяся въ мірѣ, протекаютъ въ единомъ времени, въ единомъ пространствѣ, всѣ они находятся то въ тѣхъ, то въ другихъ отношеніяхъ другъ къ другу и, слѣдовательно, образуютъ *единую систему*, а это означаетъ, согласно развитому въ началѣ главы ученію, что какъ бы ни были разрознены и враждебны элементы міра *въ отношеніи другъ къ другу*, все же всѣ они соучаствуютъ въ одномъ центрѣ, т.-е. хотя отчасти *соподчинены* единому Высшему *субстанціальному дѣятелю* и сообразно присущимъ этому дѣятелю формамъ осуществляютъ всѣ свои дѣятельности. Поэтому, какъ бы ни былъ великъ хаосъ въ однихъ отношеніяхъ, все же въ другихъ отношеніяхъ въ мірѣ сохраняется нѣкоторая *связь*, разумность, *логосъ*. Противорѣчивы и странныя черты міра, въ которомъ мы живемъ, но уясненіе и разсмотрѣніе ихъ мы отложимъ пока въ сторону, а теперь займемся разсмотрѣніемъ вопроса, дошли ли мы до предѣла, дойдя до всеохватывающей міровой субстанции, или нѣтъ. Иными словами, намъ предстоитъ рѣшить вопросъ, ограничивается ли міромъ сфера предметовъ изслѣдованія, или выше міра есть еще свѣрхміровое начало.

ГЛАВА V.

Абсолютное.

Вопросъ о сверхміровомъ началѣ—труднѣйшій въ философіи. Органическое міропониманіе даетъ ключъ для рѣшенія его, но въ силу своей сложности и многообразія открываемыхъ имъ перспективъ оно легко можетъ соблазнить умъ на ложный путь, кажущійся сначала вполнѣ послѣдовательнымъ, но заканчивающійся безвыходнымъ тупикомъ. Чтобы не забрести въ него, вернемся къ рѣшеннымъ уже вопросамъ и установимъ одно положеніе органическаго міропониманія, намѣченное въ предыдущихъ главахъ, но еще не формулированное. Для начала удобнѣе всего прибѣгнуть къ помощи наглядныхъ примѣровъ, взятыхъ изъ области пространственныхъ образованій.

Въ духъ органическаго міропониманія обратимъ вниманіе на то, что вся линія, какъ бы она ни была мала, есть нѣчто неисчерпаемо сложное, поскольку анализирующій умъ различаетъ въ ней безконечное множество точекъ; однако линія *не есть продуктъ суммированія* точекъ: это неосуществимо не въ силу какого-либо внѣшняго препятствія, напр., не потому, чтобы на такое предпріятіе не хватило времени, а потому, что оно принципиально невозможно, такъ какъ никакая сумма непротяженныхъ точекъ не можетъ дать протяженной сплошности линіи. Итакъ, передъ нами *цѣлое* (линія), способное быть *основаніемъ* безконечной множественности (точекъ), но неспособное *возникать* изъ нея ¹⁾.

Указаніе на то, что движеніе точки даетъ линію, движеніе линіи можетъ дать плоскость и т. п., не есть возраженіе: въ самомъ дѣлѣ, линія получается здѣсь благодаря *движенію* точки, а движеніе не есть только сумма послѣдовательныхъ положеній точки, движеніе есть цѣлое, въ ко-

1) Этотъ же примѣръ приведенъ въ статьѣ В. С. Соловьева „Идея чelовѣчества у Авг. Конта“. Собр. соч. т. VIII, стр. 232.

торомъ въ качествѣ его стороны можно найти его путь, именно линію, поверхность, тѣло и т. п. Одна изъ большихъ заслугъ Бергсона заключается въ его блестящихъ изслѣдованіяхъ, ярко подчеркнувшихъ органическую природу движенія, именно показавшихъ, что движеніе есть цѣлое, которое хотя и содержитъ въ себѣ безчисленныя положенія движущагося тѣла и т. п. элементы, открываемые въ немъ анализомъ, все-же не можетъ быть получено изъ этихъ элементовъ простымъ суммированіемъ ихъ¹⁾.

Въ такомъ же отношеніи другъ къ другу, какъ точка и линія, находятся плоскость и линія, геометрическое тѣло и плоскость, четырехмѣрное образованіе и трехмѣрное геометрическое тѣло и т. п.

Въ этомъ ряду каждая новая ступень есть болѣе сложное цѣлое, инородное и высшее въ сравненіи съ предыдущею ступеню: оно способно порождать низшую ступень, но не можетъ быть получено изъ низшаго цѣлаго путемъ суммированія. Въ самомъ дѣлѣ, правда, суммированіе одинаковыхъ вещей часто бываетъ возможнымъ, но продуктъ этого дѣйствія (если только онъ полученъ дѣйствительно путемъ одного суммированія) всегда оказывается *однороднымъ со своими элементами* и отличается отъ нихъ лишь *количественно*. Поэтому-то, когда насъ интересуеетъ вопросъ, изъ чего производно D (т.-е. не „это“ D , но D вообще, напр., не „эта“ плоскость, а плоскость вообще), и когда, слѣдовательно, по самому смыслу вопроса приходится обратиться не къ однороднымъ меньшимъ D , а къ нѣкоторому инородному началу x , нельзя искать этого x среди e (напр. линій), принадлежащихъ къ низшей, чѣмъ D ступени, т.-е. могущихъ быть полученными изъ D : такое низшее, чѣмъ D , бытіе, сколько бы мы ни нагромождали его одно на другое, можетъ привести къ возникновенію только e (большого), но никакъ не къ возникновенію высшаго сравнительно съ нимъ инороднаго D . Чтобы найти источникъ D (напр.,

¹⁾ См. объ этомъ также упомянутую статью Вл. Соловьева, VIII, стр. 232.

плоскости), нужно обратиться къ инородному *высшему, чѣмъ D, началу C* (напр., геометрическое тѣло), *въ сравненіи съ которыми D есть ничто болѣе элементарное.*

Изложенное ученіе можно попытаться сопоставить съ часто встрѣчающимся въ философіи положеніемъ, которое Декартъ провозгласилъ, какъ аксіому, что „причина должна содержать въ себѣ, по крайней мѣрѣ, столько же реальности, какъ и ея дѣйствіе“, и что она не можетъ быть менѣе совершенною, чѣмъ ея дѣйствіе ¹⁾).

Въ подобныхъ положеніяхъ дѣйствительно выражается склонность къ органическому міропониманію, однако на основаніи неясныхъ тенденцій не слѣдуетъ слишкомъ сближать разнородныя ученія. Такъ, напр., въ декартовскомъ раціонализмѣ, подъ вліяніемъ ложныхъ представленій о строеніи сужденія и умозаключенія, была склонность понимать отношеніе между высшимъ началомъ и производными изъ него моментами бытія, какъ отношеніе частичнаго *тожества*, между тѣмъ на дѣлѣ здѣсь можетъ и не быть тожества: производное бытіе можетъ быть порождено такъ (напр., въ случаѣ причиннаго порожденія), что въ немъ будутъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые элементы, совершенно отличные отъ основанія.

Какъ разъ предыдущая глава даетъ образецъ присхожденія низшаго слоя міра изъ высшаго по типу только что установленнаго положенія и притомъ безъ всякой возможности свести отношеніе двухъ сторонъ міра къ тожеству; мы говоримъ объ отношеніи между сферою временныхъ процессовъ и сферою субстанціальныхъ дѣятелей: сверхвременныя идеальныя начала, субстанціи, суть источникъ низшаго по типу и рѣзко отличнаго отъ нихъ потока временныхъ событій.

Используемъ теперь установленное выше положеніе для рѣшенія представшаго передъ нами важнѣйшаго философскаго вопроса. Согласно предыдущей главѣ въ мірѣ есть

1) Descartes, Meditationes de prima philosophia, III.

множество частныхъ системъ, частныхъ цѣлыхъ, которыя подчинены своимъ субстанціальнымъ дѣтелямъ; каждое такое частное цѣлое подчинено до нѣкоторой степени какому-либо болѣе сложному цѣлому; переходя отъ этого болѣе сложнаго цѣлаго къ еще болѣе широкому цѣлому его охватывающему, и т. д. и т. д. мы дойдемъ, наконецъ, до системы всего міра, имѣющей въ своей основѣ единую Высшую субстанцію. Дошли ли мы теперь до конца или должны пойти еще дальше и допустить начало, выводящее за предѣлы міра, сверхміровое?

Если бы сверхмірового начала не было, то это значило бы, что или вся система міра или, по крайней мѣрѣ, Высшая субстанція, стоящая во главѣ міра, есть Абсолютное, т.-е. нѣчто существующее не только самостоятельно, но и первоначально, вполнѣ черезъ себя, не имѣя внѣ себя, ни въ какомъ смыслѣ основанія своего бытія. Однако такое рѣшеніе вопроса несостоятельно. Высшая субстанція не есть первооснова міра потому, что остальные субстанціи не порождаются ею, *по своему бытію* онѣ наравнѣ съ нею первоначальны и самостоятельны и только въ своихъ проявленіяхъ, въ своей *дѣятельности* отчасти подчиняются Высшей субстанціи.

Образцомъ для пониманія связи между Высшею субстанціею и остальными субстанціями можетъ служить отношеніе между обществомъ и индивидуумомъ: общество не творитъ индивидуума, но нѣкоторыя дѣятельности индивидуума имѣютъ общественный характеръ, т.-е. подчинены требованіямъ общественнаго цѣлаго. Точно также весь міръ есть единство многихъ субстанціальныхъ началъ, по своему происхожденію независимыхъ другъ отъ друга. Слѣдовательно, если бы кто-либо сталъ утверждать, будто Высшая субстанція есть Абсолютное, ему пришлось бы вмѣстѣ съ тѣмъ считать и каждую изъ остальныхъ субстанцій Абсолютнымъ, т.-е. допустить существованіе множества Абсолютныхъ. Однако это невозможно: многія Абсолютныя т.-е. многія начала, вполнѣ первоначальныя по своему бы-

тію, не находились - бы ни въ какомъ отношеніи другъ къ другу (согласно нашей теоріи отношеній) и потому не могли образовать единую систему міра.

Гдѣ же теперь искать Абсолютнаго? Міръ есть единство многихъ субстанцій. Быть можетъ, *единство* есть Абсолютное? — Но это единство, пока рѣчь идетъ не о Единомъ, высшемъ, чѣмъ система міра, Существомъ, есть только *отвлеченная идея*, которая сама существуетъ *лишь въ системѣ многаго* и во взаимозависимости съ нимъ; слѣдовательно, оно не можетъ быть Абсолютнымъ.

Тому, кто настойчиво отказывается выйти за предѣлы міра, теперь остается только допустить, что система міра не имѣетъ своей первоосновы ни въ отвлеченномъ единствѣ, ни въ первичной множественности элементовъ, а существуетъ *изначала*, сама по себѣ, *какъ единое многое*. Однако и такое рѣшеніе вопроса невозможно. Не слѣдуетъ забывать, что описанное выше единство есть *отвлеченно-идеальное* единство многихъ самостоятельныхъ въ отношеніи другъ къ другу субстанцій. Если бы такая система была абсолютно первоначальна, то пришлось бы признать, что всѣ элементы ея обладаютъ изначальной способностью къ совмѣстной самоорганизованности въ видѣ системы; иными словами, пришлось бы допускать, что каждый субстанціальный элементъ есть въ одно и то-же время и нѣчто самостоятельное первоначальное, обосновывающее систему и нѣчто не самостоятельное, относительное, обоснованное системою.

Усмотрѣвъ это противорѣчіе, остается только отказаться отъ подобныхъ рѣшеній проблемы и признать, что выше всякихъ системъ, выше міра, который въ каждомъ изъ своихъ царствъ есть единство многаго, стоитъ Начало, служащее источникомъ міровой *множественности* и ея первоначальнаго *объединенія* (еще не имѣющаго характера только отвлеченной идеи), Начало, само не содержащее въ себѣ никакой множественности, а потому не подходящее подъ понятіе системы, стоящее *выше всякихъ системъ*. Только

такое начало есть нѣчто во всѣхъ отношеніяхъ самостоятельное, и потому лишь оно можетъ быть обозначено словомъ Абсолютное. Итакъ, послѣдовательное развитіе *органическаго* міровоззрѣнія приводитъ къ признанію *сверхорганическаго* начала. Поэтому терминъ *органическое* міровоззрѣніе слѣдуетъ принимать съ оговоркою, именно указывать, что онъ имѣетъ въ виду специально строеніе *міра*, а не всѣхъ предметовъ философскаго изслѣдованія.

Приступимъ теперь къ изученію Абсолютнаго, разсматривая его, во-первыхъ, само по себѣ, а во-вторыхъ, въ его значеніи для *міра*.

Что оно такое само по себѣ?—Воля, разумная, добрая и т. д.?—Стоитъ только высказать какой бы то ни было отвѣтъ въ этомъ родѣ, чтобы тотчасъ же усмотрѣть ложность его: никакая *группа* положительныхъ опредѣленій не можетъ быть выраженіемъ природы Абсолютнаго самого по себѣ, такъ какъ это значило бы, что оно есть единство многоаго, между тѣмъ единство многоаго не можетъ быть Абсолютнымъ. Точно также и одно какое-либо положительное опредѣленіе, напр., Воля или Разумъ, не годится для этой цѣли, — во-первыхъ, потому, что хотя слово въ такихъ случаяхъ высказывается одно, смыслъ его содержитъ въ себѣ, по прежнему, единство многоаго, а, во-вторыхъ, и это главное, если бы намъ и удалось найти какое нибудь, повидимому, *простое* опредѣленіе, въ родѣ, напр., голубость или синева, мы и тогда не достигли бы цѣли: такое простое принадлежитъ къ области наиболѣе ограниченнаго, конечнаго, существующаго не иначе, какъ *въ отношеніи* ко многому другому, т.-е. въ сложной системѣ взаимозависимостей и *взаимоопредѣленій*, тогда какъ Абсолютное, будучи вполнѣ самостоятельнымъ, должно быть во всѣхъ отношеніяхъ свободнымъ отъ ограниченій, отъ какой бы то ни было конечности.

Итакъ, говоря объ Абсолютномъ *самомъ по себѣ*, его можно характеризовать только *отрицательными* опредѣленіями, т.-е. придти лишь къ тому, что называется *θεολογία ἀποφατική* (отри-

цательное богословіе): Абсолютное не есть воля, не есть разумъ, не есть многое, не есть простое и т. д., и т. д.

Даже словомъ *Единое*, какъ это указаль уже Плотинъ, его можно называть только въ отрицательномъ смыслѣ, т.-е. для указанія на то, что оно *не содержитъ въ себѣ множественности*. „Можно сказать,—говорить Плотинъ,—что и это имя „Единое“ есть только отрицаніе многаго“. „Если же слово „Единое“, это имя и означаемый имъ предметъ, имѣло бы въ виду нѣчто положительное, то оно стало бы еще менѣе яснымъ, чѣмъ если бы ему не было дано никакого имени. Пожалуй, это имя дается лишь для того, чтобы изслѣдователь, начавъ съ того, что обозначаетъ простоту всѣхъ вещей, отринувъ бы въ концѣ-концовъ и это имя, находя, что давшій далъ его такъ удачно, какъ только могъ, но что оно все-же не достаточно для выраженія той природы“¹⁾.

Всѣ эти отрицанія вовсе не превращаютъ Абсолютное въ ничто: они только отвергаютъ въ немъ все ограниченное, лишенное полноты бытія; слѣдовательно, на дѣлѣ они суть *отрицанія всякой отрицательности*.

Конечно, невозможность опредѣленій не мѣшаетъ этому возвышенному началу быть предметомъ созерцанія. Знаніе о томъ, что оно отличается отъ всѣхъ элементовъ міра, именно и возникаетъ на основѣ непосредственного созерцанія его. Но если мы хотимъ обозначить положительнымъ образомъ предметъ этого созерцанія, намъ остается лишь прибѣгнуть къ *имени собственному*. До сихъ поръ человѣчество еще не нашло для этого начала такого имени собственного, которое удовлетворило бы всѣхъ.

Умъ человѣческій до такой степени привыкъ къ разсмотрѣнію лишь тѣхъ предметовъ, относительно которыхъ можно высказать множество хотя и ограниченныхъ, но все же положительныхъ опредѣленій, что „отрицательное богословіе“ не удовлетворяетъ его и даже кажется унижающимъ достоинство Абсолютнаго. Хотя это и слабость, все

¹⁾ Плотинъ, Энн. V, кн. 5, гл. 6; см. вообще всю эту главу, а также Энн. VI, 9, 5.

же она вполне извинительна, если принять въ расчетъ свойства человѣческой природы и міра человѣческихъ отношеній; поэтому надо радоваться, что есть и такая точка зрѣнія на Абсолютное, которая даетъ возможность высказать о немъ множество положительныхъ ученій и развить цѣлую сложную систему *положительнаго* богословія. Чтобы построить ее нужно разсматривать Абсолютное не само по себѣ, а со стороны его значенія для міра, его *отношеній* къ міру. Конечно, эти отношенія таковы, что Абсолютное не утрачиваетъ своей самостоятельности, *не становится зависимымъ отъ міра*; иначе оно не было бы Абсолютнымъ.

Прежде всего, очевидно, что Абсолютное есть *основаніе* міра. Къ идеѣ Абсолютнаго мы какъ разъ съ этой стороны и подошли, когда усмотрѣли, что міръ не можетъ существовать самостоятельно, потому что онъ есть единство многого.

Какой видъ обоснованія находимъ мы здѣсь? Въ чемъ его сходство и различіе съ отношеніями, существующими внутри міра? Прежде всего приходитъ въ голову отношеніе причины и дѣйствія. Однако въ случаѣ причиннаго отношенія дѣйствіе не есть нѣчто сполна новое въ сравненіи со своею причиною: между нимъ и причиною всегда существуетъ *частичное тождество* (такъ, напр., въ случаѣ химическихъ превращеній количество вещества остается прежне). Между тѣмъ здѣсь обоснованное сполна отличается отъ своего основанія: никакая часть основанія не переключивается въ составъ дѣйствія, потому что Абсолютное не содержитъ въ себѣ частей и не дробится на части. Такимъ образомъ, если причинность есть *относительное твореніе*, то обоснованіе міра Абсолютнымъ есть *абсолютное твореніе*, творчество въ точномъ и высшемъ смыслѣ этого слова.

Въ отличіе отъ причинности это твореніе совершается *не во времени*, и слѣдствіемъ его является бытіе сверхвременныхъ *конкретно-идеальныхъ* началъ, субстанцій, образующихъ систему міра. Какой міръ слагается изъ этихъ суб-

станцій, міръ гармоніи или міръ вражды? Фактически взоръ человѣка вездѣ натывается на вражду, на противоборствующія противоположности, но тѣмъ не менѣе поставленный нами вопросъ имѣеть смыслъ. Возможно, что противоборствующія противоположности создаются впервые внутри міра, самостоятельною дѣятельностью субстанцій, само-же Абсолютное творчество, создающее субстанции, нигдѣ не сѣеть вражды. Итакъ, вышло ли твореніе изъ рукъ Творца чистымъ, способнымъ къ гармоніи или оно изначала уже въ самой первобытной природѣ своей разрознено и запятнано злобою и раздорами?—вотъ тягостный вопросъ, стоящій передъ каждымъ мыслящимъ существомъ. Довѣріе къ силамъ добра и спокойствіе наше въ борьбѣ со зломъ въ себѣ и во всемъ мірѣ, цѣнность жизни и „пріятіе міра“ или „бунтъ“ противъ него и противъ Абсолютнаго зависятъ отъ того или иного рѣшенія этой проблемы.

Къ счастью, уже предыдущій ходъ изслѣдованія, повидимому, даетъ право надѣяться на отвѣтъ, примиряющій съ жизнью. Въ самомъ дѣлѣ, къ усмотрѣнію Абсолютнаго мы пришли, отыскивая высшее условіе системности, органическаго строенія, *единства* міра, состоящаго изъ *многихъ* субстанцій. Системныя стороны міра не содержатъ въ себѣ никакихъ противоборствующихъ противоположностей, онѣ суть выраженіе гармоніи міра. Мало того, онѣ до такой степени необходимы для бытія міра, что даже самая вражда и распадъ органической жизни внутри міра возможны не иначе, какъ подъ условіемъ сохраненія хотя бы минимума *гармоніи*, единства, органическаго строенія.

Только что мы собирались успокоиться, и вотъ опять заползаеть въ душу самое отвратительное подозрѣніе. А что, если міръ есть твореніе Абсолютнаго, содержащее въ себѣ единство и порядокъ только для того и лишь настолько, насколько это необходимо для пышнаго расцвѣта злобы, вражды и взаимнаго сложнаго, развивающагося, утончающагося мучительства? Можетъ быть, мы спаяны другъ съ другомъ общею цѣпью на подобіе того, какъ скандинавскіе

бойцы (Bältespännare) охватывали себя передъ поединкомъ однимъ кушакомъ съ тѣмъ, чтобы борьба закончилась не иначе, какъ смертельными ударами. Можетъ быть, мы посажены въ общую клѣтку, какъ тарантулы и скорпионы, неизмѣнно принимающіеся глотать другъ друга. Тогда пришлось бы признать, что міръ сотворенъ сатаною.

Само такое подозрѣніе есть нѣчто нравственно-чудовищное. Остановиться на немъ надолго можетъ только разбитый жизнью, потерявшій силы въ борьбѣ человѣкъ. Кто сохранилъ въ себѣ здоровые инстинкты, тотъ подавитъ въ зародышѣ эти нелѣпныя мысли и бодро бросится дальше въ жизнь съ вѣрою въ силу добра. Однако философія не имѣетъ права руководиться только инстинктами. Она обязана внимательно рассмотреть подобныя сомнѣнія и разрѣшить ихъ съ помощью теоретическихъ доводовъ. Прежде всего приходится въ голову обратиться къ этикѣ. И въ самомъ дѣлѣ, эта наука даетъ могущественныя средства для борьбы съ ядомъ, подтачивающимъ жизнь. Однако этого мало, каждый глубокой вопросъ можетъ и долженъ быть разрѣшенъ съ разныхъ сторонъ въ каждой изъ основныхъ философскихъ наукъ. Здѣсь, гдѣ мы занимаемся не этикой, а главнымъ образомъ метафизикою, поставленный вопросъ будетъ обсужденъ только на основаніи далекихъ, повидимому, отъ жизни холодныхъ умозрительныхъ соображеній о строеніи бытія, какъ цѣлаго.

Допустимъ, что міръ изначала, въ самомъ творческомъ актѣ уже раздробленъ на множество *противоборствующихъ* другъ другу субстанцій и содержитъ въ себѣ единство лишь постольку, поскольку подчиняется описанной выше *общей формѣ*.

Эта форма есть только *отвлеченное единство*; мы рассматривали ее, какъ форму дѣятельности Высшей субстанціи. Теперь эта функція созиданія отвлеченнаго единства отнята нами у Высшей субстанціи и перенесена на само Абсолютное. Теперь приходится утверждать, что Абсолютное есть не только Творецъ субстанцій, но и отвлеченно-идеальнаго

единства всѣхъ дѣятельностей этихъ субстанцій. Такимъ образомъ Абсолютное и міръ чрезвычайно приблизились другъ къ другу въ самомъ своемъ существѣ; посмотримъ, выиграли ли они отъ этого, и прежде всего, можетъ ли каждая изъ этихъ сторонъ сохранить при этомъ свою своеобразную природу. Высшая міровая субстанція въ ея отличіи отъ Абсолютнаго уже утрачена: само Абсолютное взяло на себя ея функции. вмѣстѣ съ тѣмъ Абсолютное стало подобнымъ субстанціямъ: оно выполняетъ одну изъ ихъ дѣятельностей, оно упорядочиваетъ дѣятельности всѣхъ субстанцій такъ, что возникаетъ единая общая *отвлеченно-идеальная* форма міра. Что же остается на долю самого міра, самихъ субстанцій, входящихъ въ его составъ?—Очевидно, содержаніе дѣятельностей субстанцій. Однако, если *первозданная* форма есть только *отвлеченно-идеальное* единство, то это значить, что содержаніе дѣятельности субстанцій тоже предопредѣлено, какъ *противоборствующее другъ другу*, какъ могущее составить единство лишь *въ видѣ отвлеченнаго момента*. Иными словами, въ такомъ случаѣ Абсолютное создаетъ не только субстанціи, но и характеръ ихъ дѣятельности. Тогда, собственно говоря, субстанцій, какъ самостоятельныхъ сущностей, *свободныхъ* вступить на тотъ или иной путь дѣятельности, нѣтъ, а есть только пучки различныхъ дѣятельностей самого Абсолютнаго. Раньше мы утратили Высшую міровую субстанцію, а теперь потеряны и остальные субстанціи міра. Понятія субстанціи и Абсолютнаго совпали. Передъ нами находится только Абсолютное, которое вмѣстѣ съ тѣмъ есть единственная міровая субстанція. Такое ученіе имѣетъ характеръ пантеизма. Какъ разъ въ намѣченной формѣ оно развито въ современной философіи Эд. Гартманомъ. Въ такой системѣ нѣтъ ни свободы міра отъ власти Абсолютнаго, ни *свободы Абсолютнаго отъ міра* ¹⁾. Собственно говоря, здѣсь нѣтъ ни міра, ни Абсолютнаго, а есть какое-то странное сложное чудовище,

¹⁾ О необходимости и той, и другой свободы см. соч. кн. Е. Н. Трубецкого „Вл. С. Соловьевъ“, т. I, стр. 390.

раздирающее само себя въ противоборствѣ своихъ собственныхъ частей другъ съ другомъ. Всякое человѣческое я, съ очевидностью усматривающее о себѣ, во-первыхъ, что оно не есть Абсолютное и, во-вторыхъ, что оно свободно и вовсе не есть только пучокъ дѣятельностей Абсолютнаго, служить живымъ опроверженіемъ такой системы.

Положеніе метафизика оказывается въ высшей степени затруднительнымъ: въ виду существованія противоборствующихъ противоположностей приходится допустить существованіе множества самостоятельныхъ дѣятелей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и органическую связь ихъ, образующую единый міръ. Въ виду этого единства приходится допустить сверхміровое начало, Абсолютное, творящее множество субстанцій, которыя образуютъ единство болѣе тѣсное, чѣмъ *отвлеченное* единство, и тѣмъ не менѣе остаются при этомъ свободными въ своей дѣятельности. О свободѣ рѣчь будетъ позже, въ слѣдующей главѣ. Здѣсь же отдадимъ себѣ отчетъ лишь въ томъ, какое единство удовлетворяетъ поставленнымъ условіямъ. Это единство существуетъ *потому, что есть Абсолютное*, но оно не сотворено Абсолютнымъ, такъ какъ Абсолютное оставляетъ субстанціи свободными, самостоятельными въ ихъ дѣятельности. Единственный способъ представить себѣ возможность этого *первичнаго* мірового единства таковъ: Абсолютное есть творецъ множества субстанцій, которыя, будучи свободными въ своей дѣятельности, могутъ добровольно, по собственному почину употребить свои силы на то, чтобы жить въ своемъ творческомъ первоисточникѣ, въ Абсолютномъ, или, выражая эту мысль языкомъ религіи, „жить въ Богѣ“. Отсюда возникаетъ царство міра, исполненное высшаго единства и совершенной гармоніи: всѣ члены его, живя жизнью Единаго своего центра, живутъ не только въ немъ и для него, но также и другъ въ другѣ и ради другъ друга. Это не отвлеченно-идеальное, а *конкретно-идеальное единство*. Это царство гармоніи есть подлинное Царство Божіе. Правда, въ мірѣ мы, несомнѣнно, наблюдаемъ царство вражды, однако оно есть

въ нѣкоторомъ смыслѣ (о которомъ будетъ сказано позже) лишь вторичное, производное явленіе, но никоимъ образомъ не первичный результатъ творенія. Царство вражды есть низшая сфера міра, такъ какъ она содержитъ въ себѣ такія стороны, которыя несомвѣстимы съ абсолютнымъ творчествомъ.

Теперь остается еще одно, послѣднее сомнѣніе: разъ низшая сфера міра возникла самочинно, какъ нѣчто чуждое Абсолютному, то, можетъ быть, Абсолютное вступило къ ней въ отношеніе враждебнаго обособленія?—Такое отношеніе было бы пятномъ зла на самомъ Абсолютномъ.—Къ счастью, и такая форма зла невозможна въ Абсолютномъ: для взаимной вражды необходимо противопоставленіе одного существа другому въ формѣ противоборствующей противоположности; это осуществимо лишь въ томъ случаѣ, когда *обѣ стороны* принадлежать къ сферѣ *ограниченнаго*, конечнаго бытія, понятіе котораго несомвѣстимо съ Абсолютнымъ.

Помимо этихъ разсужденій, живой религиозный опытъ съ несомнѣнною очевидностью опровергаетъ нелѣпую мысль о враждебномъ Абсолютномъ. Душа, жаждущая сверхмірового начала, чуетъ Его благое присутствіе въ столь непосредственной близости, что свободна отъ всякихъ сомнѣній въ Немъ. Не находитъ Его только тотъ, кто самъ отворачивается отъ Него. Благодаря близости Его къ міру для членовъ царства вражды всегда остается возможность жить въ Немъ и для Него, слѣдовательно, открыть путь для возрожденія и возсозданія царства гармоніи. Кто усматриваетъ сверхміровое начало въ этомъ его значеніи для міра, тотъ знаетъ, что оно—условіе возможности всякаго добра въ мірѣ, но никоимъ образомъ не зла. Кто такъ созерцаетъ Творца міра, тотъ перестаетъ обозначать Его абстрактнымъ холоднымъ терминомъ Абсолютное и называетъ Его словомъ—*Богъ*.

Опираясь на такое созерцаніе, можно характеризовать Бога *положительнымъ* образомъ, какъ Добро. Не слѣдуетъ однако думать, будто здѣсь найдено положительное опре-

дѣленіе природы Бога самого по себѣ, т.-е. Бога, какъ Абсолютнаго. Подобно всѣмъ предыдущимъ положительнымъ опредѣленіямъ Абсолютнаго, оно имѣетъ значеніе только *въ отношеніи къ міру*. Уже Плотинъ говоритъ, что „Единое есть добро не для себя самого, а для другихъ вещей, для тѣхъ, которыя могутъ быть причастны Ему“.—Само же „Оно есть Сверхдобро“ (*τὸ ὑπεράγαθον*). ¹⁾

Само по себѣ Оно находится по ту сторону добра не въ смыслѣ безразличія, а въ смыслѣ превосходства надъ добромъ. Точно также въ послѣдствіи можетъ оказаться, что и другія положительныя опредѣленія, напр., Разумъ, Воля, Провидѣніе и т. п. приложимы къ Богу, но всегда съ тою же оговоркою, что они приписываются Ему, поскольку мы рассматриваемъ Его не самого по себѣ, а въ Его отношеніи къ сотворенному имъ міру. Изъ совокупности такихъ положительныхъ ученій можно построить цѣлую сложную систему богословія, которую, ввиду указанной оговорки, умѣстно называть *относительнымъ богословіемъ*. Въ послѣдствіи при болѣе подробномъ разсмотрѣніи строенія и развитія міра будутъ представляться поводы высказать нѣсколько положеній, относящихся къ составу этой науки.

Чтобы установить сверхміровое начало, мы обращались къ міру и, изслѣдуя строеніе его въ цѣломъ, показывали необходимость взойти отъ міра къ болѣе высокому началу, къ Абсолютному. Согласно теоріи интуитивизма, каждый шагъ такого доказательства (какъ и вообще каждый шагъ всѣхъ доказательствъ безъ исключенія) опирается на умственное (нечувственное) созерцаніе мыслимыхъ предметовъ, напр., въ концѣ такого доказательства тотъ субъектъ, въ умѣ котораго оно дѣйствительно осуществилось, долженъ созерцать Абсолютное. Такъ какъ этотъ путь доказательства ведетъ умъ къ созерцанію Абсолютнаго черезъ рядъ *посредствующихъ* звеньевъ, то онъ по внѣшней формѣ ничѣмъ не отличается отъ доказательствъ бытія Бога, приводимыхъ,

¹⁾ Плотинъ, Эян., VI, кн. 9, гл. 6.

обыкновенно, представителями рационализма (вообще интуитивизмъ не отвергаетъ такихъ доказательствъ, онъ только строить иную теорію ихъ, чѣмъ трансцендентный рационализмъ) ¹⁾.

Кромѣ такихъ опосредствованныхъ доказательствъ, согласно теоріи интуитивизма, долженъ существовать еще гораздо болѣе простой путь придти къ убѣжденію въ существованіи Бога—путь непосредственнаго созерцанія Его, не требующій для себя въ качествѣ отправнаго пункта никакихъ предварительныхъ размышлений о мѣрѣ, о его строеніи и т. п. И въ самомъ дѣлѣ, такое непосредственное созерцаніе осуществляется въ религиозномъ опытѣ тѣхъ людей, въ сознаніи которыхъ положеніе „есть Богъ“ имѣетъ смыслъ столь очевидный, что подкрѣплять его какими-либо опосредствующими доводами имъ представляется такъ же излишнимъ, какъ излишне, находясь подъ лучами южнаго солнца въ обществѣ зрячихъ людей, доказывать имъ, что все залито свѣтомъ. Кто способенъ къ такому прямому созерцанію Бога, тому отрицаніе Его бытія представляется явнымъ абсурдомъ, признакомъ безумія или даже злонамѣренности.

Замѣчательно, что этотъ съ виду наиболѣе иррациональный путь оправданія истины бытія Бога имѣетъ себѣ аналогъ среди рационалистическихъ доказательствъ: по нашему убѣжденію, ему по существу родственно наиболѣе типичное рационалистическое доказательство бытія Бога, извѣстное подъ именемъ онтологическаго аргумента. Сходство между интуитивнымъ знаніемъ о Богѣ и онтологическимъ аргументомъ заключается въ слѣдующемъ: и здѣсь, и тамъ отъ познающаго субъекта требуется только сосредоточеніе вниманія на самомъ томъ Высочайшемъ предметѣ, бытіе котораго нужно установить. Къ сожалѣнію, однако, сила онтологическаго аргумента парализовалась тѣмъ, что нѣкоторые

¹⁾ Какія теоріи знанія можно назвать терминомъ трансцендентный рационализмъ въ отличіе отъ имманентнаго рационализма см. мое „Введеніе въ философію“, ч. I, стр. 107—128, а также „Обоснованіе интуитивизма“, гл. 2.

сторонники его считали или, по крайней мѣрѣ, выражались такъ, какъ будто считали субъектомъ сужденія „Богъ есть“ понятіе Бога, какъ *субъективно-психическое* образование въ человѣческомъ умѣ. Нечего и говорить, что особенно противники онтологическаго аргумента (напр., Кантъ) всегда придавали ему такое толкованіе и потому безъ труда разрушали его. ¹⁾ Аргументъ при такомъ пониманіи его приобрѣтаетъ характеръ только косвеннаго, рациональнаго доказательства, опирающагося на указаніе, что въ мышленіи явится противорѣчіе въ случаѣ отрицанія Бога ²⁾. Между тѣмъ на дѣлѣ сторонники онтологическаго аргумента нерѣдко исходили изъ мысли, что субъектъ сужденія „Богъ существуетъ“ есть такое понятіе, *содержаніемъ* котораго служитъ *самъ Богъ*, ставшій имманентнымъ нашему сознанію. Такая интуитивная форма онтологическаго аргумента можетъ существовать или въ связи съ наклонностью философа вообще къ интуитивизму, или же на основѣ допущенія, что одинъ только Богъ есть непосредственно созерцаемое существо. Представителемъ первой разновидности интуитивнаго онтологическаго аргумента можно считать Спинозу. ³⁾ Намеки на вторую разновидность интуитивнаго онтологическаго аргумента можно найти въ нѣкоторыхъ заявленіяхъ Декарта.—При такомъ толкованіи онтологическаго аргумента та его часть, въ которой указывается на неизбѣжность противорѣчія *въ случаѣ отрицанія* Бога, приобрѣтаетъ *второстепенное* значеніе: она только служитъ для того, чтобы подчеркнуть основную *положительную* часть аргумента—*очевидность присутствія* Бога въ сознаніи.

Интуитивный аргументъ имѣетъ наибольшую силу въ томъ

¹⁾ Неправоту такой критики отмѣчаетъ Гегель, говоря, что какъ разъ, мысля о Богѣ, нельзя раздѣлять понятіе и бытіе, см. *Wissenschaft der Logik*. Собраніе соч. III, (2. изд.), стр. 82 с.; также *Encyclopädie der philosoph. Wiss.* VI, стр. 363 с.

²⁾ См. объ этомъ и о возможности возрожденія онтологическаго аргумента мое „Введ. въ философію“, ч. I, стр. 112—115.

³⁾ См. статью С. Франка „Ученіе Спинозы объ атрибутахъ“, *Вопр. фил.*, 1913.

случаѣ, когда онъ развитъ на основѣ теоріи знанія интуитивизма, какъ это дѣлаетъ, напр., Соловьевъ. Въ такомъ случаѣ онъ вовсе не ставитъ оправданіе бытія Бога въ какое-то исключительное положеніе. Чтобы установить бытіе горы или дерева необходимо непосредственное созерцаніе точно такъ же, какъ и для познанія бытія Бога. Разница между этими двумя созерцаніями только та, что первая имѣетъ отчасти чувственный характеръ, тогда какъ созерцаніе Бога сполна нечувственно. Однако Богъ вовсе не есть единственный предметъ нечувственного созерцанія. Мое знаніе о бытіи моего я, знаніе какой бы то ни было математической идеи и т. п., точно также имѣетъ характеръ нечувственного созерцанія.

То обстоятельство, что не всѣ люди усматриваютъ бытіе Бога, вовсе еще не служитъ возраженіемъ ни противъ бытія Бога, ни противъ возможности созерцанія его. Пожалуй, еще большее количество людей, согласно остроумному замѣчанію Шеллинга,—неспособны къ созерцанію математическихъ идей, что однако вовсе не служитъ доказательствомъ, будто ученія математиковъ суть продукты ихъ фантазій. Даже чувственно созерцаемые предметы нерѣдко не попадаютъ въ кругозоръ нашего сознанія, и въ такихъ случаяхъ у насъ возникаетъ зачастую несправедливое подозрѣніе, будто нашъ болѣе зоркій сосѣдь выдаетъ за дѣйствительность свои фантазій. „Полюбуйтесь на фіолетовые тона этой тѣни“, говоритъ художникъ. „Ну, вы, художники, видите всегда то, чего нѣтъ“, отвѣчаютъ ему.

Для созерцанія объекта нужны, кромѣ наличности объекта, еще психологическія (а у человѣка также и физиологическія) условія въ самомъ субъектѣ, изъ нихъ важнѣйшее—*вниманіе*, основанное на интересѣ къ объекту, т.-е. обусловленное опредѣленнымъ *складомъ воли* субъекта. Поэтому видитъ Бога только тотъ, *кто всею душою хочетъ видѣть Его*. Возможно, впрочемъ, что самое хотѣніе это созрѣваетъ преимущественно у тѣхъ существъ, которыя *заслуживаютъ* награды, или утѣшенія, или помощи.

Эти сопутствующія обстоятельства возникновенія знанія о Богѣ всегда рассматриваются, какъ доводъ въ пользу *субъективности* идеи Бога. На самомъ дѣлѣ, однако, этотъ *генезисъ* знанія вовсе не исключаетъ истинности его. Одна изъ заслугъ современной гносеологіи въ томъ и заключается, что она показала независимость истины знанія отъ *сопутствующихъ* условій возникновенія его ¹⁾.

Н. Лосскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ См. о гегелизмѣ въ гносеологіи мое „Введеніе въ философію, часть I, Введеніе въ теорію знанія“, стр. 29—37.

Нравственное міровоззрѣніе „сверхнарода“.

(Къ характеристикѣ германской культуры.)

I. Культура и варварство.

Современная война по своимъ колоссальнымъ размѣрамъ превосходить всѣ прежнія войны. И въ то-же время она вспыхнула внезапно и неожиданно для культурнаго міра. Напомню, что президентъ французской республики съ обширной свитой передъ самой войной предпринялъ поѣздку въ Петроградъ и чуть не былъ застигнутъ на обратномъ пути началомъ военныхъ дѣйствій. Все это показываетъ, что мы успѣли очень основательно привыкнуть къ продолжительному европейскому миру, въ теченіе полустолѣтія нарушавшемуся только мѣстными вооруженными конфликтами, которые не задѣвали глубоко жизни Европы и не вредили общему ея распорядку. Мы настолько приладили наши повседневныя отношенія къ мирному и интенсивному международному общенію, выражающемуся въ постоянныхъ поѣздкахъ въ чужія страны, въ усиленномъ знакомствѣ съ чужестранной изящной, научной и философской литературой, въ напряженномъ обмѣнѣ продуктами экономической дѣятельности между самыми отдаленными странами, что казалось совершенно немислимымъ, чтобы всѣ эти привычные порядки сразу рѣшительно перевернулись, и вся нормальная обстановка нашей жизни вдругъ куда-то исчезла. Мы воспитались на ученіяхъ соціологовъ, которые давно уже проповѣдуютъ, что основной законъ культуры состоитъ въ замѣнѣ прежняго „военнаго“ строя общества строемъ „индустріальнымъ“, на ученіяхъ философовъ, кото-

рые еще съ конца вѣка просвѣщенія толкуютъ о „гуманности“, какъ основномъ принципѣ прогресса, опредѣляющаго собой теченіе человѣческой исторіи, и намъ казалось, что, дѣйствительно, событія новѣйшей исторіи какъ будто оправдываютъ всѣ эти соображенія, что эра мирной индустриальности и свѣтлаго раскрытія гуманности уже наступила. Правда, мы все время жили подѣ знакомъ такъ называемаго „вооруженнаго мира“; европейскія націи соперничали другъ съ другомъ въ усиленіи численнаго состава своихъ воинскихъ силъ и въ усовершенствованіи военной техники. Въ самое недавнее время появились такія страшныя орудія этой техники, какъ подводныя лодки, аэропланы и дирижабли. Но намъ казалось, что въ концѣ концовъ все это не такъ страшно. Вѣдь не даромъ же современная культура во многихъ отношеніяхъ подчеркиваетъ все увеличивающееся значеніе духовнаго фактора. Девятнадцатое столѣтіе было сплошь эпохой побѣдоноснаго движенія по культурному міру такого нѣжнаго учрежденія, какъ наши парламенты; въ этомъ учрежденіи мы имѣемъ несомнѣнную побѣду духа надъ тѣломъ: вѣдь мы видимъ въ немъ, какъ организація, вся сила которой состоитъ въ томъ, что она опирается исключительно на такую духовную величину, какъ общественное мнѣніе, получила возможность управлять всѣми дѣлами народовъ, несмотря на то, что ей непосредственно не подчинены военныя силы страны. То же самое столѣтіе выдвинуло впередъ такой вопросъ, какъ женскій, и многіе изъ насъ утверждали, что именно развитіе духовнаго фактора въ культурѣ сдѣлало возможнымъ его серьезную постановку; говорить о равноправіи женщинъ, какъ о задачѣ дня, было немыслимо раньше, въ эпохи военнаго быта и торжества физической, матеріальной силы. Не показывало ли намъ это же столѣтіе на всей линіи торжество духа и въ области экономическихъ и даже тѣхъ же военныхъ отношеній; вѣдь машины и техническія изобрѣтенія въ XIX вѣкѣ перевернули въ самыхъ основахъ экономическія отношенія, а относительно военной мощи

мы слышали утверждение, что никто иной, как нѣмецкій школьный учитель, одержалъ побѣду подъ Седаномъ. Неужели теперь намъ приходится отказаться отъ всѣхъ этихъ завѣтныхъ вѣрованій? Неужели мы должны примириться съ мыслью, что человѣчество все еще очень далеко отъ торжества духовнаго начала, отъ мирнаго періода развитія, который одними обозначается нѣсколько прозаическимъ именемъ „индустріальнаго“ періода, но другими понимается болѣе глубоко въ смыслѣ періода настоящей гуманности? Послѣдняя вѣдь состоитъ въ развитіи именно духовности, какъ той черты, которой человѣческой родъ отличается отъ всего остального извѣстнаго намъ міра живыхъ существъ. Неужели намъ придется отказаться отъ прочно сложившейся у насъ привычки интенсивнаго духовнаго общенія съ сосѣдними народами и вернуться къ давно, казалось, минувшимъ эпохамъ средневѣковаго варварства, когда народы были отрѣзаны другъ отъ друга, когда вся почти жизнь обыденнаго человѣка проходила въ рамкахъ тѣсныхъ территоріальныхъ и сословныхъ организацій, налагавшихъ на него отпечатокъ узости и ограниченности? Все это было бы слишкомъ тяжело.

Какъ только прошло первое ошеломленіе, естественно мысль обратилась къ вопросу о виновникѣ всего происшедшаго. Съ перваго взгляда ясно было, что инициатива роковыхъ событій принадлежитъ Германіи и ея союзницѣ Австріи. Австрія предъявила 10 іюля 1914 года Сербіи извѣстный ультиматумъ по поводу убійства эрцгерцога Франца-Фердинанда, совершившагося за мѣсяць передъ тѣмъ въ Сараевѣ. Этотъ ультиматумъ былъ составленъ съ такимъ яркимъ пренебреженіемъ къ государственному достоинству Сербіи, что только самый недальновидный политическій оптимизмъ могъ не увидать въ немъ серьезной угрозы европейскому міру. Россія отвѣтила тѣмъ, что объявила мобилизацію. Но отъ мобилизаціи до войны еще далеко и несомнѣннымъ фактомъ является то, что первая объявила войну Россіи Германія, такъ что Австріи, съ поступка ко-

торой начались всѣ событія, пришлось уже послѣ вступить въ военныя отношенія, а затѣмъ въ войну втянуты были и остальные страны. Правда, Германія впослѣдствіи увѣряла, что на нее напали и что объявленіе войны съ ея стороны было вынуждено необходимой самообороной. Но тѣ разоблаченія, которыя были сдѣланы въ дипломатическихъ книгахъ, опубликованныхъ различными странами Европы, не оставили никакого сомнѣнія, что вся отвѣтственность за войну должна пасть на Германію и ни на кого другого, что сама Австрія была, повидимому, только орудіемъ въ рукахъ Германіи. Уже послѣ договора 4-го ноября 1911 года французскій военный атташе доноситъ своему правительству, что этотъ договоръ, въ которомъ Германія признала права Франціи на Марокко, вызвалъ большое разочарованіе въ Германіи и вновь разжегъ ненависть къ Французамъ. Сообщенныя французскому министерству иностранныхъ дѣлъ еще въ апрѣлѣ 1913 года секретныя германскіе документы показываютъ, что уже въ это время германское правительство думало о войнѣ, какъ о событіи ближайшаго будущаго. Обмѣнъ дипломатическими нотами, происходившій непосредственно передъ объявленіемъ войны, показываетъ, что это объявленіе послѣдовало со стороны Германіи какъ разъ въ тотъ моментъ, когда въ Вѣнѣ начали склоняться къ уступкамъ, и по времени совпало съ возвращеніемъ императора Вильгельма изъ норвежскихъ шхеръ. Все заставляетъ думать, что личное вмѣшательство Вильгельма сыграло роковую роль и что имъ былъ брошенъ окончательный жребій ¹⁾. Очень возможно, что объявленіе войны

¹⁾ См. ст. *Нольде* въ „Рус. Мысли“, 1914, октябрь. *Кизветтеръ* въ „Рус. Вѣд.“, 1914 г. 26 окт. *Воллинъ*, тамъ-же, 1914 г. № 279 отъ 4 дек. Интересно донесеніе франц. посла въ Берлинѣ отъ 22 ноября 1913 года, помѣщенное въ „Желтой книгѣ“ (рус. пер., стр. 26—27), гдѣ дается характеристика имп. Вильгельма и отмѣчается сильная перемена въ его настроеніи, наступившая подъ вліяніемъ нетерпѣнія военныхъ круговъ, зависти къ сыну и сознанія, что вооруженія уже достигли крайняго предѣла.—Все, сказанное въ текстѣ, подтверждается и тѣми письмами, которыми 18 и 19 іюля 1914 г. обмѣнялись президентъ Пуанкаре и король Георгъ. См. „День печати“ (изд. 9 февраля 1915 г.). „Рус. Вѣд.“. 1915 г. № 32.

именно 19 іюля 1914 года было нѣсколько неожиданнымъ и для германскаго правительства и тутъ большую роль сыграла личная импульсивность императора; очень возможно что въ правящихъ германскихъ сферахъ до конца сохранялась нѣкоторая надежда, что дѣло обойдется безъ войны и что Россія отступить передъ грознымъ ультиматумомъ Германіи; для всѣхъ очевидно, что Германія ошиблась не только въ этомъ расчетѣ, но и въ расчетѣ на нейтралитетъ Англій и на вмѣшательство Италіи. Но совершенно ясно, что, въ общемъ, Германія довольно охотно и самоувѣренно шла къ началу военныхъ дѣйствій и что она не хотѣла откладывать войны на долго, опасаясь, что всякое промедленіе будетъ только увеличивать военныя силы ея теперешнихъ враговъ. Все это настолько стало очевиднымъ, что, повидимому, мнѣніе незаинтересованныхъ нейтральныхъ странъ, каковы Сѣверо-Американскіе Соединенные штаты, несмотря на то, что въ этой странѣ никакой племенной или иной вражды къ Германіи не замѣчалось, также признало Германію истинной виновницей войны. Въ этомъ направленіи высказались такіе политическіе дѣятели, какъ Джемсъ Бэкъ, бывший товарищъ министра юстиціи въ кабинетѣ Рузвельта ¹⁾, или президентъ института Карнеги-Черчъ ²⁾.

Неудивительно, что уже этотъ фактъ — инициатива Германіи въ такомъ ужасномъ событіи, какъ міровая война, — обратилъ всеобщее вниманіе на эту страну, ея населеніе и ея верховнаго правителя — императора Вильгельма. Всѣ стали интересоваться, чѣмъ же отличается Германскій народъ отъ другихъ народовъ, если рѣшился на такой роковой поступокъ. Но этимъ дѣло не ограничилось. Уже первые мѣсяцы и даже первые дни войны выдвинули передъ мыслящимъ человѣчествомъ новую загадку. Всѣ давно привыкли высоко ставить германскую культуру и сами нѣмцы постоянно усиленно подчеркивали свое культурное превос-

1) Рус. Вѣд. 1914 г. № 261 ст. *Рубинова*.

2) Рус. Вѣд. 1914 г. № 277.

ходство. Но первые же шаги нѣмцевъ на полѣ брани показали изумленному и возмущенному человѣчеству какъ-будто совершенно новую сторону дѣла. Никто не ожидалъ отъ войны тѣхъ ужасовъ, которые въ нее внесли именно Германцы. Разрушеніе неукрѣпленныхъ городовъ, избіеніе мирнаго населенія, насилія надъ женщинами и дѣтьми, организованный грабежъ, въ которомъ принимаютъ участіе высшіе офицерскіе чины, не выключая, повидимому, и самого кронпринца, добиваніе раненыхъ солдатъ непріятеля, полное презрѣніе къ международнымъ договорамъ, гарантирующимъ нейтралитетъ небольшихъ государствъ, вродѣ Бельгіи, сожженіе цѣнной библіотеки въ Лувенѣ, разрушеніе такихъ религіозныхъ святынь и памятниковъ искусства, какъ Реймскій соборъ, — всѣ эти ужасы хладнокровно совершались германской арміей и, повидимому, прямо вводились въ систему. Всѣ были потрясены и возмущены не жестокостью дѣйствій германцевъ. Война сама по себѣ есть дѣло жестокое и, конечно, никто не ожидалъ, что она можетъ протекать безъ звѣрствъ. Но неожиданными были другія стороны дѣла: во-первыхъ, совершенная *безцѣльность* этихъ жестокостей съ *стратегической точки зрѣнія*, во-вторыхъ, тотъ характеръ *утонченнаго издѣвательства*, который въ нихъ проявился. Мы читаемъ и слышимъ постоянно, что Германцы разрушаютъ до основанія оккупированные ими города въ Польшѣ и на западномъ фронтѣ, хотя это совершенно не нужно для военныхъ цѣлей; такъ, отъ города Млавы въ Польшѣ остались одни только развалины, при чемъ разстрѣль домовъ сдѣланъ былъ уже по занятіи этого города, подъ предлогомъ репрессій ¹⁾; такъ поступали нѣмцы и въ Бельгіи; въ Англии германскіе крейсера также громили неукрѣпленные города, истребляя мирное населеніе. Захваченные въ Германіи мирные русскіе туристы подвергались всевозможнымъ униженіямъ безъ различія пола, возраста и общественнаго положенія: на примѣръ, плѣнныхъ выводили на

¹⁾ В. Брюсовъ въ „Рус. Вѣд.“, 1914, № 235.

дворъ казармъ, ставили передъ заряженными пушками и приказывали готовиться къ смерти, а затѣмъ, натѣшившись ихъ испугомъ, вводили обратно. Германскіе офицеры забирали безъ всякаго вознагражденія товары въ лавкахъ занятыхъ ими городовъ, но предварительно доставляли себѣ удовольствіе тѣмъ, что усердно торговались съ владѣльцами лавокъ ¹⁾. Плѣнныхъ солдатъ, особенно казаковъ, по видимому, неоднократно подвергали самымъ утонченнымъ истязаніямъ и т. п. По этому поводу всѣмъ вспомнились слова Вильгельма, съ которыми онъ въ 1900 году обратился къ войскамъ, посылаемымъ въ Китай на выручку европейскихъ посольствъ, осажденныхъ боксерами. „Пардону не давать, плѣнныхъ не брать, говорилъ тогда императоръ Германіи. *Какъ тысячу лѣтъ тому назадъ цунны со своимъ королемъ Этцелемъ прославили свое имя, и еще теперь въ преданіяхъ о нихъ даетъ знать о себѣ ихъ мощь, такъ пусть и германское имя черезъ ваши подвиги получить въ Китаѣ такое значеніе, чтобы и черезъ тысячу лѣтъ ни одинъ китаецъ не дерзнулъ хотя бы только бросить косою взглядъ на нѣмца*“. Оказалось теперь, что таковы взгляды не одного только императора Вильгельма, но и всей его арміи, которой даже германскія женщины усердно помогаютъ, укладывая и вывозя въ Германію имущество мирныхъ жителей, награбленное германскими войсками, и что напрасно враги стараются уколоть германцевъ, давая имъ эпитетъ новыхъ гунновъ: императоръ Вильгельмъ уже давно призналъ этотъ эпитетъ лестнымъ наименованіемъ.

Вотъ этотъ фактъ для очень и очень многихъ показался чрезвычайно страннымъ и совершенно неожиданнымъ, гораздо болѣе неожиданнымъ, чѣмъ сама война. Въ войну мало вѣрили, она казалась слишкомъ несоотвѣтствующей современной высокой культурѣ, но ея все-таки боялись и вполнѣ невѣроятной и немислимой не считали. Что же касается германскаго варварства, то огромное большинство

1) В. Брюсовъ, тамъ-же.

людей не подозрѣвало о его существованіи. Нѣмцы считались высоко культурнымъ народомъ; мы, русскіе, всегда съ извѣстной завистью смотрѣли на быстрые успѣхи германской культуры и ея въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ дѣйствительно поразительные результаты... и вдругъ—подобное варварство! Понятно, что многіе отказывались вѣрить доходящимъ слухамъ, пока факты уже слишкомъ не начали говорить за себя. Очень многіе встрѣчали эти факты даже съ какой то враждебностью, вполне понятной: не такъ легко разставаться съ поверженнымъ кумиромъ. Наконецъ, всѣ должны были содрогнуться, встрѣтившись съ открывшейся внезапно опасностью, истинныхъ размѣровъ которой никто не подозрѣвалъ: вѣдь мы такъ мирно, такъ довѣрчиво въ это самое роковое лѣто 1914 года тысячами выѣзжали въ ту же Германію, занимались въ тамошнихъ библіотекахъ подъ руководствомъ высоко - ученыхъ профессоровъ, вѣряли свою жизнь германскимъ врачамъ и свою безопасность германскимъ шуцманамъ; мы накидывались на продукты германской промышленности и привыкли щеголять ученостью, почерпнутой изъ послѣднихъ германскихъ книжекъ. И вдругъ, германское варварство! Мысль отказывалась допускать факты. *Развѣ можетъ культура сочетаться съ варварствомъ?* Развѣ это не несовмѣстимыя понятія? Ошибались ли мы до сихъ поръ, считая нѣмцевъ высоко - культурнымъ народомъ, или же, дѣйствительно, возможенъ такой парадоксъ, какъ культурное варварство? Вотъ дилемма, ставшая передъ мыслящимъ человѣкомъ. Разыгравшіяся событія заставляютъ насъ пересмотрѣть до самаго основанія все наше привычное міровоззрѣніе, заставляютъ насъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что же такое культура, что мы въ ней цѣнимъ, и насколько удовлетворяютъ правильнымъ масштабамъ оцѣнки тѣ факты, которые обнаруживаются въ жизни культурнаго міра нашего времени?

Такъ, конечно, и должно было случиться. Бури, подобныя той, которая теперь надъ нами бушуетъ, всегда поднимаютъ со дна сознанія все, что тамъ накопилось, всегда заставля-

ютъ людей оглянуться на свою жизнь и пересмотрѣть все свое духовное достояніе. Вопросы, которые въ спокойное время казались теоретическими, теперь вдругъ приобрѣли трагическій характеръ трепещущей и содрогающейся жизни. Такимъ сталъ и вопросъ о варварствѣ и культурѣ. Посмотримъ, чему же учить насъ въ этомъ отношеніи современная германская культура и, прежде всего, постараемся выяснитъ себѣ ея отличительныя особенности, характерное для нея содержаніе.

II. Отличительныя черты германской культуры.

Есть въ германской культурѣ черта, въ оцѣнкѣ которой не существуетъ разногласій, которая бросается въ глаза при самомъ въѣздѣ въ Германію и которая даетъ нѣмцамъ во многихъ случаяхъ крупныя преимущества передъ другими народами, въ особенности передъ русскими. Эта черта состоитъ въ необыкновенномъ *умѣніи рационализировать всю жизнь*, т.-е. построить ее по заранѣ опредѣленному плану, такъ чтобы все было на своемъ мѣстѣ, ничто не пропадало и не запаздывало. Въ результатъ, германская жизнь отличается необыкновенной *систематичностью* и очень высокимъ состояніемъ всякаго рода *техники*. Техника доведена до высшей степени совершенства вниманіемъ ко всякаго рода деталямъ и чрезвычайной аккуратностью въ обращеніи съ самыми сложными и нѣжными аппаратами.

Эта черта германской культуры бросается въ глаза уже при самомъ прибытіи въ первый нѣмецкій городъ. Поѣзда никогда не опаздываютъ и на такихъ вокзалахъ, какъ центральный Берлинскій; на платформахъ каждые десять, пятнадцать минутъ смѣняются поѣзда дальняго слѣдованія, въ которые пассажирамъ приходится садиться съ багажемъ и цѣлыми семействами; остановки этихъ поѣздовъ рассчитаны до минимума и требуютъ большой точности пассажировъ; что же касается желѣзнодорожныхъ служащихъ, напримѣръ носильщиковъ, то они приспособились къ этому порядку также съ чисто машинной аккуратностью: Берлинскій

Geräcktträger ни за что не станеть дежурить около васъ въ ожиданіи поѣзда; если до вашего поѣзда осталось не болѣе пяти минутъ, то это не помѣшаетъ ему отправиться отъ васъ въ другое мѣсто, сдѣлать новое дѣло и аккуратно вернуться къ вамъ для подачи вашего багажа въ вагонъ за минуту до отправленія поѣзда. На нервы русской публики, привыкшей имѣть въ запасѣ много времени и тѣмъ не менѣе всюду опаздывающей, это дѣйствуетъ, обыкновенно, самымъ удручающимъ образомъ. И такъ нѣмецъ проявляетъ себя во всемъ; не даромъ нѣмецкая аккуратность вошла въ пословицу.

При такихъ условіяхъ, конечно, промышленная техника стоитъ очень высоко. Въ самое послѣднее время всѣ могли воочию убѣдиться въ этомъ на состояніи арміи. Конечно, къ началу войны ни одна армія не была такъ высоко поставлена въ техническомъ отношеніи, какъ германская. Уже превосходно развитая сѣтъ желѣзныхъ дорогъ давала нѣмцамъ огромныя преимущества, позволяя очень быстро перебрасывать массы войскъ изъ одного мѣста въ другое, быстро мобилизоваться и затѣмъ наносить неожиданныя удары непріятелю, концентрируя огромныя массы войскъ то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ фронта. Осада крѣпостей познакомила весь міръ съ такимъ продуктомъ германской техники, какъ пресловутыя 42-хсантиметровыя гаубицы, передъ которыми не можетъ устоять ни одинъ фортъ. Скоро пришлось оцѣнить значеніе блиндированныхъ автомобилей, аэроплановъ и цеппелиновъ. Какъ всегда, германскіе офицеры оказались вооруженными превосходными детальными картами тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ приходилось вести войну, а въ германскихъ обозахъ обнаружены были кухни, снабжающія войска на ходу горячей пищей, автомобили, содержащіе въ себѣ походныя типографіи для печатанія армейской газеты, превосходно организованныя почтовые фуры. Для рытія траншей германцы имѣютъ особыя машины, которыми пользуются и для погребенія труповъ; для поджиганія домовъ у нихъ есть и особыя

жестянки, брызгающія керосиномъ, и плитки конденсированнаго бензина.

Духъ системы и методичности проникаетъ собой и всю науку. Никто не сравнивается съ нѣмцами въ умѣніи полно и систематически собирать научный матеріаль. Въ нѣмецкихъ учебникахъ, какъ большихъ, такъ и малыхъ, все всегда вполнѣ основательно, точно и находится на своемъ мѣстѣ. Научное изслѣдованіе ведется всегда съ исчерпывающей полнотой. Нѣмцы изобрѣли дѣленіе ученой книги на два этажа: верхній и нижній, при чемъ послѣдній служить для примѣчаній, въ которыхъ сводится весь сырой матеріаль, использованный авторомъ. Эти примѣчанія обыкновенно представляютъ собой цѣлый кладезь премудрости и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, повидимому, не могутъ быть превзойдены въ смыслѣ полноты и точности передачи всѣхъ надлежащихъ свѣдѣній. На нѣмецкій компендіи поэтому всегда можно положиться. Другія націи должны учиться этому искусству у нѣмцевъ. Не только мы, русскіе, заимствовали наши приемы работы у нѣмцевъ, но въ послѣднее время стали замѣчаться признаки того, что и французы отправлялись въ германскую школу и усваивали себѣ даже внѣшніе приемы германской научной работы ¹⁾.

Въ духѣ той же методичности поставлено у германцевъ и управленіе государствомъ. Пруссія является классической страной вымуштрованной бюрократіи и притомъ бюрократіи въ хорошемъ смыслѣ этого слова, т.-е. чиновниковъ, которые умѣютъ распоряжаться и повиноваться, которые работаютъ съ полной методичностью и аккуратностью и съ знаніемъ своего дѣла. Не даромъ, напримѣръ, берлинскій почтъ-директоръ Стефанъ въ свое время стяжалъ себѣ міровую извѣстность; онъ былъ однимъ изъ главныхъ инициаторовъ всемірнаго почтоваго союза и ввелъ массу чрезвычайно рациональныхъ упрощеній и облегченій въ почто-

¹⁾ Характернымъ примѣромъ является извѣстный учебникъ римскаго права парижскаго проф. *Girard*, цѣликомъ написанный въ духѣ нѣмецкихъ приѣмовъ и получившій вездѣ заслуженное распространеніе.

выхъ сношеніяхъ. Въ германской арміи развита самая суровая дисциплина; отношеніе къ солдатамъ часто возмущаетъ самихъ нѣмцевъ своей безсердечностью и жестокостью, такъ что время отъ времени на этой почвѣ даже возникаютъ общественные скандалы; дѣлаются обличенія въ печати, а за ними слѣдуютъ судебные процессы противъ обличителей. Въ теченіе послѣдней войны все это подтвердилось; напомнимъ знаменитую девятихвостную плетку, найденную нами на германскомъ крейсерѣ „Магдебургъ“; напомнимъ также впечатлѣнія нашихъ военныхъ корреспондентовъ, которымъ приходилось наблюдать обращеніе плѣнныхъ германскихъ офицеровъ съ плѣнными же рядовыми ихъ арміи. Но германцамъ удалось достигнуть образцоваго порядка въ своей арміи, такъ что армія эта напоминаетъ хорошо слаженную машину. Какъ показала война, германцы слабы во всѣхъ пріемахъ, требующихъ инициативы и самодѣятельности солдатъ, на примѣръ, въ разсыпномъ строю; но при выполненіи операций сомкнутыми массами нѣмцы всѣхъ поражаютъ своей методичностью и машинообразной невозмутимостью; даже строевой шагъ нѣмецкаго солдата, съ его высокимъ подниманіемъ ноги и отбиваніемъ такта при ходьбѣ, имѣетъ въ себѣ что-то машинное. Военные корреспонденты отмѣчаютъ какой-то особо методической характеръ полетовъ германскихъ авіаторовъ въ сравненіи съ нашими ¹⁾. И этотъ духъ дисциплины и систематичности проявляется въ германской жизни рѣшительно во всемъ; даже антиправительственныя германскія партіи отличаются той же любовью къ организаци, къ согласованности дѣйствій ²⁾; германскіе соціаль-демократы въ организаци своей партійной дѣятельности во многомъ копируютъ организацию того самаго буржуазнаго государства, съ которымъ борются.

Началась война и въ ней сразу сказалась германская систематичность и стремленіе все рационализировать. Планъ

¹⁾ В. Брюсовъ, Рус. Вѣд. 1914 г. № 235.

²⁾ Тихтенбергъ, Современная Германія (рус. пер. 1914 г.), 405 сл.

будущей кампаніи былъ выработанъ до мелочей. Оказалось, что было предусмотрено и вторженіе въ Бельгію, и даже сроки тѣхъ побѣдъ; которыя будутъ одержаны нѣмцами. Въдѣ нашли-же въ отнятой у германцевъ во Франціи добычѣ медали, заранѣе заготовленные по поводу предполагаемаго на 2-е сентября вступленія нѣмцевъ въ Парижъ; когда нѣмцы вступали въ первый разъ въ Лодзь, то всѣмъ частямъ войска заранѣе были назначены подходящія помѣщенія. Офицеры прямо ѣхали въ опредѣленные дома и заявляли у подъѣзда: „здѣсь во второмъ этажѣ, есть свободная квартира, не угодно ли вамъ открыть ее“, или „въ квартирѣ № 5 я беру двѣ комнаты, выходящія на улицу“. И всѣ эти указанія были совершенно безошибочны. Варшава еще далеко не была взята, а уже на 18 октября въ домѣ генераль-губернатора въ этомъ городѣ былъ назначенъ большой балъ для нѣмецкаго офицерства ¹⁾. Конечно, во всемъ этомъ нѣмцамъ оказывала огромную помощь изумительно разработанная система шпіонажа. Шпіонажъ также былъ поставленъ съ нѣмецкой точностью и методичностью ²⁾. Послѣ начала войны англичане, французы, русскіе съ ужасомъ убѣдились, что ихъ страны наполнены германскими шпіонами, что нѣмцамъ удалось даже въ предѣлахъ чужихъ странъ заранѣе заготовить на территоріяхъ нѣмецкихъ фабрикъ и заводовъ бетонныя площадки для установки на нихъ германскихъ орудій въ случаѣ войны. И въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ во время войны германцы проявили обычную систематичность и привычку водворять порядокъ ³⁾. Промышленность потерпѣла страшное потрясеніе отъ войны: многія отрасли производства потеряли проторенные пути сбыта издѣлій, другія лишились сырого матеріала. Въ Германіи сейчасъ же создана была особая организація: „Kriegsausschuss der deutschen Industrie“, германскіе министры вступили въ сношенія съ профессиональными рабо-

1) Брюсовъ, Рус. Вѣд. 1914 г. № 246.

2) Діонео, Рус. Вѣд. 1914 г. № 265.

3) Лурье, Рус. Вѣд. 1914 г., № 277 и 283; 1915 г. № 9.

чими организаціями, учреждена центральная биржа труда „Reichscentrale der Arbeitsnachweise“, и въ результатъ промышленности была быстро и успѣшно переведена на новые рельсы. Фабрики и заводы стали работать на военныя нужды, при чемъ случалось, что электрическіе заводы начинали дѣлать гранаты, фабрики швейныхъ машинъ—шрапнели, а фабрики пишушихъ машинъ—велосипеды; во всякомъ случаѣ, дѣло наладилось и разстройство промышленности и безработица въ значительной степени были парализованы. Въ теченіе послѣдующихъ мѣсяцевъ, когда выяснилось, что война затягивается, приняты были правительствомъ самыя рѣшительныя мѣры для обезпеченія населенія продовольствіемъ, вплоть до введенія государственной хлѣбной монополіи ¹⁾. Любовь къ организаціи общественныхъ силъ сказалась и въ томъ, что во время войны въ Германіи, подарившей уже Европѣ мужскую воинскую повинность, стали серьезно говорить о введеніи всеобщей женской повинности. Эта повинность должна подготавливать женщинъ къ уходу за дѣтьми, за больными, къ шитью бѣлья и т. п. и въ моменты войны обезпечить государству достаточные кадры подготовленныхъ и дешевыхъ женскихъ силъ ²⁾. Точно также съ методической организованностью было устроено воздѣйствіе на общественное мнѣніе нейтральныхъ странъ. Сразу была заведена цѣлая система подкупленныхъ газетъ, широко организовано снабженіе этихъ странъ фальсифицированными въ германскомъ духѣ извѣстіями съ театра военныхъ дѣйствій. Правда, въ этомъ дѣлѣ, повидимому, германцы такого успѣха не имѣли, какъ въ другихъ своихъ предпріятіяхъ, такъ какъ у нихъ не хватило для этого вкуса и все дѣлалось слишкомъ грубо. Но вкусомъ нѣмцы, дѣйствительно, не отличаются, не сильны они и въ области деликатности и пониманія чужой психики. Пока рѣчь идетъ у насъ только о нѣмецкой систематичности и методичности, которая блестяще проявилась и въ этой области.

¹⁾ *Лурье*, Рус. Вѣд. 1915 г., №№ 14, 26, 27, 36.

²⁾ *Лурье*, Рус. Вѣд. 1915 г., № 15.

Культъ порядка достигаетъ у германцевъ какой-то религиозности. Всѣ мы обращаемъ вниманіе на то, какъ много въ Германіи всякихъ надписей, предписывающихъ обывателю, куда ему идти и куда ходить не полагается, и какъ пунктуально выполняются всѣ эти приказы; всѣмъ намъ извѣстны германскія проѣзжія дороги и тропинки, которыя нѣмцы не затрудняются обсаживать плодовыми деревьями, зная, что ни одинъ обыватель не рискнетъ сорвать съ нихъ фрукты; мнѣ передавали, что управленіе города Гейдельберга получаетъ значительный доходъ съ такихъ деревьевъ. Правильно замѣчаетъ кн. Трубецкой ¹⁾, что „въ Берлинѣ не только каждый шуцманъ, каждый кондукторъ трамвая смотритъ такъ, какъ будто онъ заранѣе скандализированъ возможнымъ правонарушеніемъ“ и что нѣмцы бываютъ очень озадачены, когда привычный гипнозъ порядка и власти вдругъ почему-нибудь оказывается недѣйствительнымъ.

Эта привычка къ порядку и системѣ иногда даже становится слабымъ и легко уязвимымъ пунктомъ германцевъ. Въ этомъ также могла убѣдить современная война. У нѣмцевъ все было разсчитано до мелочей. Но самые лучшіе раціональные разсчеты людей никогда не могутъ покрыть собой сплошь ирраціональную дѣйствительность. Такъ случилось и съ германскими планами. Разсчеты генеральнаго штаба съ самаго начала были въ значительной степени подорваны героическимъ сопротивленіемъ крошечной Бельгіи, которую не удалось ни подкупить, ни запугать, и поведеніемъ Англіи и Италіи. Тѣмъ не менѣе первоначально выработанный планъ не былъ оставленъ, и нѣмцы, не считаясь ни съ чѣмъ, продолжали его выполнять. Въ этомъ также проявляется черта культуры: какъ уже много разъ было отмѣчено въ нашей прессѣ, нѣмцы, столь привыкшіе къ порядку и къ методическимъ, заранѣе разсчитаннымъ дѣйствіямъ, теряются въ беспорядкѣ и продолжаютъ упрямо слѣдовать подготовленнымъ впередъ планамъ. На этой чертѣ нѣмцевъ,

1) Рус. Вѣд. 1914 г., № 277.

повидимому, основалъ свои планы защиты командиръ крѣпости Ивангородъ: онъ измѣнилъ размѣщеніе орудій въ крѣпости и достигъ этимъ того, что нѣмцы, знавшіе, благодаря своему грандіозному шпіонажу, всѣ подробности стараго плана, только даромъ тратили массы снарядовъ ¹⁾). Меня лично всегда поражала соотвѣтственная черта нѣмецкой академической жизни: тамъ также царить вѣками установленный порядокъ и отдѣльнымъ лицамъ не приходится въ голову отступить отъ него. Такъ, несмотря на огромную учебную литературу, многіе профессора продолжаютъ диктовать свои лекціи по параграфамъ, какъ это дѣлалось еще до изобрѣтенія книгопечатанія, а студенты добросовѣстно ихъ записываютъ и даже учатся для этого стенографіи. Профессорамъ не приходится въ голову, воспользовавшись печатнымъ учебникомъ, придать своимъ чтеніямъ характеръ болѣе соотвѣтствующій устному изложенію и, конечно, гораздо болѣе живой и полезный для слушателей, а слушатели не догадываются о возможности изданія профессорскихъ курсовъ. Когда я спрашивалъ знакомыхъ нѣмецкихъ профессоровъ о причинахъ такого поведенія, то не могъ получить иного объясненія, кромѣ простой ссылки, что таковъ принятый порядокъ и что отъ него отступать неудобно. Въ русскомъ университетѣ мнѣ приходилось наблюдать, какъ профессоръ-нѣмецъ упорно старался внѣдрить такой же порядокъ и въ преподаваніе русскимъ студентамъ, при чемъ также не могъ привести иныхъ аргументовъ, кромѣ того, что это-нѣмецкая система и потому уже превосходная; не русскимъ же варварамъ дозволить ея критику! Германцы привыкли къ тому, что ихъ прекрасно организованное государство обо всемъ заботится и во всемъ опекаетъ свое населеніе и имъ не приходится даже въ голову, что порядки эти могутъ быть несовершенны и что отдѣльныя лица свободно могли бы устроить свою жизнь иначе. Нѣмецъ вѣритъ въ теорію и упорно не допускаетъ

¹⁾ Усмовичъ, Рус. Слово, 1914 г., № 247.

мысли, чтобы продуманная нѣмецкая техника могла его подвести. Между тѣмъ, какъ указано выше, промахи обнаруживаются въ общихъ германскихъ планахъ дѣйствій; бывають они и въ мелкой техникѣ. Такъ, наши обозрѣватели обратили вниманіе на полную непригодность того вооруженія, которымъ снабжена германская кавалерія: „прусскіе уланы должны держать одной рукой пику на вѣсу, а другой поводья; они потому стѣснены въ движеніяхъ, не могутъ дѣйствовать быстро, теряются при схваткѣ съ казакомъ. Прусскіе кирасиры сидятъ на огромныхъ статныхъ лошадяхъ, но эти лошади пригодны только для парадовъ; нашихъ дорогъ и иного корма, которымъ приходилось довольствоваться въ Россіи, онѣ не переносятъ. Прусскій кирасиръ въ своемъ тяжеломъ вооруженіи неповоротливъ и, какъ средневѣковой рыцарь, выбитый изъ сѣдла, оказывается совершенно безпомощнымъ“¹⁾. Вообще, вооруженіе кавалеріи болѣе красиво, чѣмъ практично.

И вотъ въ результатъ оказывается, что этотъ чрезмѣрный культъ системы и техники, чрезмѣрное преклоненіе передъ порядкомъ, достигаемымъ съ помощью муштры, привелъ къ подавленію индивидуальнаго творчества и свободной изобрѣтательности. Война показала, что наша русская армія сильна въ сравненіи съ германской именно этимъ развитіемъ самостоятельнаго творчества и дѣятельности личнаго состава. Вся война производитъ впечатлѣніе *борьбы живой силы съ мертвымъ механизмомъ*²⁾. Даже солдаты наши это замѣтили и въ военныхъ корреспонденціяхъ часто приходится читать объ ихъ разсужденіяхъ на тему, что у нѣмца — сила машинная, что стоитъ въ этой машинѣ чему-нибудь испортиться, и вся машина грозитъ разсыпаться, не можетъ правильно и успѣшно дѣйствовать. Отсюда и пристрастіе нѣмцевъ къ дѣйствию сомкнутыми колоннами: вымуштрованный германскій пѣхотинецъ чувствуетъ себя хо-

¹⁾ Брюсовъ, Рус. Вѣд. 1914 г., № 256.

²⁾ Брюсовъ, Рус. Вѣд. 1914 г., № 235. См. также разсужденія Берсона, передаваемые въ „Рус. Вѣд.“ 1914 г., № 295.

рошо лишь тогда, когда имѣть тѣсное соприкосновеніе съ боевой единицей, къ которой принадлежить, и съ команднымъ составомъ; въ иныхъ условіяхъ онъ, не привыкшій быть самостоятельной личностью и не видящій надъ собой обычной опеки, теряется и перестаетъ что-либо понимать. Точно также теряются германскіе стратеги, разъ приходится имъ отказываться отъ заранѣе основательно продуманныхъ плановъ или дѣйствовать въ совершенно непривычной для нихъ обстановкѣ хотя бы польскаго бездорожья.

Какъ бы то ни было, но систематичность, аккуратность, совершенство техники, однимъ словомъ умѣніе рационализировать жизнь и вводить въ нее ясный и легко усвояемый порядокъ и планъ, составляютъ, въ общемъ, наиболѣе сильную сторону германской культуры и даютъ нѣмцамъ большой перевѣсъ въ сравненіи, напримѣръ, съ нашей русской растрепанностью и рѣдкой неспособностью поддерживать абстрактный порядокъ и уважать его. Правда, есть у нѣмцевъ и свои слабыя стороны въ этой систематичности, которыя только что были отмѣчены. Въ сравненіи, напримѣръ, съ англичанами, народомъ въ высшей степени практичнымъ, нѣмцы отличаются чрезмѣрнымъ довѣріемъ къ теоріи и къ способности человѣческаго разума все предусмотрѣть и со всѣмъ справиться. Но теперь намъ предстоитъ перейти къ другимъ сторонамъ германской культуры, въ которыхъ также иногда обнаруживается кое-что, заслуживающее подражанія, но которыя въ общемъ въ гораздо большей степени способны оттолкнуть отъ себя русскаго обозрѣвателя, а, пожалуй, и представителя всякой иной культуры.

Прежде всего отмѣчу тотъ цинизмъ и *отсутствіе правдивости*, которымъ отличается государственная политика современной Германіи. Конечно, въ дипломатіи мы никогда и нигдѣ не найдемъ особеннаго благородства и честности. Но, повидимому, современная Германія побила рекордъ въ этомъ отношеніи. Въ ея политикѣ всѣ средства считаются дозволенными и обманъ простирается не только на между-

народныя отношенія, но и на собственное населеніе. Въ этой области, какъ и во всей вообще политикѣ современной Германіи, господствуютъ традиціи національнаго героя современныхъ нѣмцевъ — Бисмарка. Бисмаркъ былъ убѣжденнымъ циникомъ въ политикѣ. Онъ неуклонно преслѣдовалъ свои ярко реалистическія цѣли и считалъ всѣ средства дозволенными. Какъ всегда бываетъ съ людьми, Бисмаркъ и весь окружающій міръ рисовалъ по аналогіи съ собой и однимъ изъ его характерныхъ изрѣченій была фраза: „все на свѣтѣ-лицемѣріе и гаерство“. Соотвѣтственно съ этимъ Бисмаркъ и дѣйствовалъ. Всѣмъ извѣстно то лицемѣріе, которое онъ проявилъ въ отношеніяхъ съ Австріей; въ то самое время, какъ австрійцы честно помогали Пруссіи завоевывать Шлезвигъ-Гольштейнъ, Бисмаркъ уже готовился къ войнѣ съ Австріей и весьма вѣроятно, что всѣ его расчеты были заранѣе построены на томъ, чтобы вызвать конфликтъ съ союзницей при раздѣлѣ добычи. Съ большою ловкостью Бисмаркъ достигъ того, что 19 іюля 1870 г. Франція сама объявила войну Германіи и явилась виновницей событій, доведшихъ ее же до величайшаго разгрома и униженія; достигнуто это было незначительнымъ по формѣ, но весьма существеннымъ по содержанію искаженіемъ знаменитой Эмской депеши, которую король поручилъ Бисмарку опубликовать во всеобщее свѣдѣніе. Намъ, русскимъ, особенно должна быть памятна та роль, которую Бисмаркъ сыгралъ въ Берлинскомъ конгрессѣ, сведшемъ къ минимуму результаты побѣдоносной войны Россіи съ Турціей; этимъ Бисмаркъ отплатилъ Россіи за ея содѣйствіе объединенію Германіи ¹⁾ и при этомъ, не краснѣя, давалъ себѣ эпитетъ „честнаго маклера“. Честность здѣсь была проявлена специфически германскаго типа: у германцевъ *честность мѣняется, смотря по тому, идетъ ли рѣчь объ*

1) Впрочемъ, подобныя событія бывали и до Бисмарка; въ 1851 г. вѣнскій министръ Шварценбергъ открыто заявлялъ, что Австрія собирается „поразить міръ своею неблагодарностью“ къ Россіи, что и было выполнено во время крымской кампаніи.

ихъ интересахъ или о чужихъ, и въ этомъ отношеніи ихъ мораль начинаетъ очень напоминать извѣстныя положенія готтентотской морали, гласящей: „хорошо, если я у тебя уведу корову, дурно, если ты у меня уведешь корову“.

Тѣ же самыя приемы примѣняются и въ наше время. Ложь и лицемѣріе являются высоко культивируемымъ средствомъ германской политики, какъ внѣшней, такъ и внутренней. Всѣмъ извѣстно, сколько лжи проявила германская дипломатія передъ началомъ послѣдней войны, стремясь, съ одной стороны, взвалить отвѣтственность за начало военныхъ дѣйствій на Россію и Францію, съ другой стороны, удержать Англію отъ вмѣшательства. Самый грубый цинизмъ проявленъ былъ относительно нейтралитета Бельгіи, такъ какъ договоръ, его обезпечивающій, руководителями германской политики беззащѣнно названъ былъ „клочкомъ бумаги“, хотя подъ нимъ стояла и подпись Германіи. Но ту же самую политику примѣняло правительство и въ предѣлахъ собственной страны. Теперь уже извѣстно, въ какой обстановкѣ произошло знаменитое засѣданіе германскаго рейхстага въ началѣ войны, въ которомъ съ рѣдкимъ единодушіемъ вотированы были военные кредиты. Правительство въ немъ сообщило депутатамъ рядъ завѣдомо ложныхъ свѣдѣній. Здѣсь говорилось и о внезапномъ и вѣроломномъ нападеніи русскихъ казаковъ на восточную и западную Пруссію, и о бросаніи французскими аэропланами бомбъ на желѣзнодорожный путь у Нюренберга, и о вступленіи французскихъ войскъ въ Эльзасъ безъ объявленія войны, и вообще широко распространялись всякія небылицы. Въ теченіе войны Германцы не скупились на распространеніе ложныхъ свѣдѣній о своихъ побѣдахъ не только въ своей странѣ, но и въ странахъ нейтральныхъ, хотя тамъ истина можетъ быть гораздо легче раскрыта. По показаніямъ военноплѣнныхъ германская армія также находится въ состояніи хроническаго заблужденія. Солдатамъ внушались систематически всякіе ужасы относительно русскаго плѣна; взятые въ плѣнъ на границѣ

Бельгіи нѣмцы спрашивали, видно ли Эйфелеву башню, а взятые на самой границѣ Пруссіи интересовались, далеко ли до Варшавы, которую они считали въ двухъ шагахъ; германское населеніе при началѣ войны было извѣщено о томъ, что въ Польшѣ происходитъ возстаніе, что въ Москвѣ и Петроградѣ бушуетъ революція; изъ дневниковъ убитыхъ солдатъ видно, что часто они убѣждены въ продолженіи побѣдоноснаго наступленія въ то время, какъ имъ приходится поспѣшно отступать. Военные корреспонденты совершенно согласно удостовѣряютъ тотъ фактъ, что въ атаку нѣмецкіе солдаты идутъ мертвецки пьяные. Все это нисколько не удивительно, такъ какъ секретные германскіе документы, опубликованные французскимъ правительствомъ, прямо подтверждаютъ бисмарковскіе девизы въ политикѣ. „Надо заставить народъ, говоритъ одинъ изъ этихъ документовъ ¹⁾, проникнуться мыслью, что наши вооруженія являются отвѣтомъ на вооруженія и политику Франціи. Надо приучить его думать, что наступательная война съ нашей стороны есть необходимость, чтобы сразить провокацію противника... Нужно вести дѣло такъ, чтобы подъ гнетущимъ впечатлѣніемъ огромныхъ вооруженій, значительныхъ жертвъ и напряженного политическаго положенія взрывъ разсматривался, какъ избавленіе, потому что послѣ него наступятъ десятилѣтія мира и процвѣтанія, какъ послѣ 1870 года... Нѣтъ надобности заботиться о судьбѣ нашихъ колоній. Конечный результатъ въ Европѣ самъ устроить ихъ судьбу. Зато слѣдуетъ позаботиться вызывать волненія на сѣверѣ Африки и въ Россіи. Это хорошее средство для поглощенія силъ противника... Въ будущей европейской войнѣ необходимо также, чтобы мелкія государства были принуждены слѣдовать за нами или же были побѣждены. При извѣстныхъ условіяхъ арміи и укрѣпленія ихъ могутъ быть быстро взяты или принуждены къ нейтралитету, что и предстоить, вѣроятно, по отношенію къ

¹⁾ См. „Желтая книга“ (русск. перев. издан. „Освобожденіе“, 1914 г.), стр. 12—15.

Бельгіи и Голландіи... Мы никоимъ образомъ не можемъ гарантировать Бельгіи ненарушимости ея нейтралитета“. Въ другомъ документѣ ¹⁾ намъ объясняется французскими агентами и то, кому особенно нужна была война; донесенія указываютъ на то, что правящія сферы въ Германіи страшно обезпокоены ростомъ демократическаго движенія, которое грозитъ подорвать устой прусской юнкерской политики; не менѣе напугана этимъ процессомъ и крупная буржуазія; весьма нужна война всѣмъ крупнымъ заводчикамъ, изготовляющимъ орудія и оружіе, купцамъ, требующимъ новыхъ рынковъ, банкирамъ, рассчитывающимъ на оживленіе дѣлъ послѣ войны и на большую контрибуцію. При такихъ условіяхъ правительство не стѣсняется вводить въ заблужденіе остальныхъ своихъ подданныхъ, широкія народныя массы, которыя „миролюбивы по инстинкту“.

Ко всей этой характеристикѣ не мѣшаетъ прибавить и картину изумительно поставленнаго германскаго шпіонажа, о которомъ уже упоминалось. Самые ловкіе шпіоны опредѣляются въ особый „дипломатическій департаментъ“, начальникомъ котораго состоитъ самъ императоръ Вильгельмъ. По кодексу морали прусской знати выполнять самому такое темное дѣло, какъ шпіонство, зазорно (и то съ оговорками); но приказать другому выполнить такое предпріятіе вполне допустимо ²⁾. Поэтому самъ императоръ принимаетъ дѣятельное участіе въ выработкѣ плановъ шпіонажа.

Новая и чрезвычайно важная черта германской культуры нашего времени состоитъ въ необыкновенномъ развитіи *матеріалистическаго міропониманія*. Я не хочу этимъ сказать, что матеріализмъ лежитъ въ основѣ современной германской философіи. Это было бы невѣрно, такъ какъ, по внѣшности, по крайней мѣрѣ, философія эта имѣетъ идеалистическую окраску: въ Германіи теперь въ большой мо-

¹⁾ См. тамъ-же, стр. 18—26. Ср. статью *Волнна* въ „Русск. Вѣдомост.“ 1914 г. № 279.

²⁾ *Дюнео* въ „Русск. Вѣдом.“ 1914 г. № 265.

дѣ имманентизмъ, сводящій всякую реальность только къ содержаніямъ сознанія. Но мы отмѣтимъ, во-первыхъ, что эта философія идеалистична только по внѣшности: такъ какъ она стремится устранить изъ своей области всякій психологизмъ и цѣликомъ проникнута раціонализмомъ, изгоняющимъ чувство, то, въ концѣ-концовъ, ея идеалы оказываются чрезвычайно низменными. Что же касается широкихъ массъ народа, практической жизни, то тамъ, несомнѣнно, господствуютъ чисто матеріалистическія тенденціи. Высшіе классы общества цѣликомъ поглощены мыслью о наживѣ, объ открытіи новыхъ рынковъ и новыхъ поприщъ для хозяйственной эксплуатаціи; низшіе классы проникнуты завистью къ хозяйственно сильнымъ, и всѣ ихъ помыслы направлены на то, чтобы завоевать для себя такое же экономическое благополучіе. Какъ правильно отмѣчено уже въ литературѣ ¹⁾, пресловутая „германская идея“ не идетъ дальше разсужденій о необходимости матеріальнаго роста Германіи, о новыхъ рынкахъ, потребныхъ для сбыта германскихъ продуктовъ, о вооруженныхъ силахъ, составляющихъ необходимую принадлежность цивилизаторской миссіи Германіи. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ, огромнымъ распространеніемъ въ широкихъ слояхъ общества пользуются матеріалистическія писанія такихъ авторовъ, какъ Геккель, хотя ихъ философская наивность лучше всего разоблачена самой же германской критикой. Что же касается практическаго міровоззрѣнія рабочихъ массъ, то оно опредѣляется евангеліемъ марксизма. Мнѣ нѣтъ нужды подробно останавливаться на развитіи той мысли, что ученіе экономическаго матеріализма, въ сущности, знаменуетъ собой отказъ отъ всякой нравственности, такъ какъ представляетъ весь историческій процессъ простымъ результатомъ желѣзныхъ законовъ политической экономіи, дѣйствующихъ помимо человѣческой воли, и, такимъ образомъ, не оставляетъ мѣста для человѣческой заслуги; это уче-

¹⁾ Кн. Грубецкой, „Русск. Вѣдом.“, 1914 г. № 277.

ніе объявляетъ всю „идеологію“ только несамостоятельной надстройкой надъ экономическимъ фундаментомъ и тѣмъ высшія культурныя цѣнности сводитъ на степень простыхъ иллюзій. Въ конечномъ счетѣ нравственнымъ идеаломъ марксизма остается только всеобщая сытость; какому Богу будутъ служить люди, добившіеся этой сытости, трудно представить, такъ какъ сущность марксизма въ томъ и состоитъ, что Богъ изъ него изгнанъ ¹⁾). Характерно, что только въ Германіи социализмъ принялъ такія ярко матеріалистическія формы. Въ Англіи марксизмъ мало распространенъ уже потому, что эта теорія содержитъ въ себѣ слишкомъ много чисто доктринерскихъ элементовъ, которые пріятны для нѣмецкаго вкуса, но совершенно неприемлемы для практической англосаксонской націи. Во Франціи социализмъ принялъ въ себя много революціонныхъ тенденцій, также не согласныхъ съ духомъ осторожнаго и расчетливаго марксизма. Въ Италіи марксизмъ не можетъ имѣть большого распространенія уже въ силу земледѣльческаго характера страны, къ которому ученія марксистовъ, рассчитанныя, главнымъ образомъ, на фабричную промышленность, плохо примѣнимы; итальянцы въ общемъ также болѣе склонны къ революціоннымъ теоріямъ социализма. Даже въ родственной Австріи правовѣрный марксизмъ довольно слабо представленъ, такъ какъ въ этой странѣ уже большая роль національной вражды препятствуетъ строгому проведенію марксистской идеи классовой борьбы, происходящей исключительно на экономическомъ основаніи. Сѣверная Америка и Австралія по характеру господствующихъ социалистическихъ доктринъ ближе стоятъ къ Англіи, чѣмъ къ Германіи. Такимъ образомъ, нигдѣ социализмъ не оказывается въ такой степени лишеннымъ идеализма и вѣры въ высшія цѣнности жизни, сравнительно съ чисто экономическими, какъ въ Германіи.

Въ полнѣйшей гармоніи съ этимъ расцвѣтомъ матеріа-

¹⁾ См. объ этомъ мои „Этюды по современной этикѣ“ (1906 г.).

лизма стоитъ *культъ силы*, проводимый на всей линіи. Германія давно забыла идеалистическія теоріи историческаго процесса, которыя когда-то создавались Гердеромъ, Кантомъ, Фихте, Гумбольдтомъ и даже Гегелемъ, при всей приверженности послѣдняго къ прусскому государству и его мировой роли. Уже съ пятидесятихъ годовъ минувшаго столѣтія въ германской литературѣ начинаетъ выясняться культъ силы какъ умственной, такъ и чисто физической. Въ это время закладываются основы экономическому материализму, который во главу угла ставитъ дѣйствіе извѣстныхъ намъ желѣзныхъ законовъ, которые неминуемо отдадутъ власть сильнѣйшему. Къ этому времени относится выступленіе Штирнера съ его знаменитой теоріей эгоизма и права сильнаго. Въ шестидесятихъ годахъ Лассаль развиваетъ свое воззрѣніе на сущность конституціи, изъ котораго слѣдуетъ, что „конституціонные вопросы суть въ своей основѣ не вопросы права, а вопросы силы“. Въ противовѣсъ прежней романтической теоріи, представлявшей право, какъ результатъ мирной эволюціи народнаго духа, Іерингъ выступаетъ съ проповѣдью, что въ основѣ права лежатъ самыя прозаическія практическія цѣли и интересы и что лучшимъ средствомъ для достиженія этихъ цѣлей и укрѣпленія самаго права является сила. При всемъ своемъ презрѣніи къ нѣмецкому филистерству, Ницше въ своей философіи является яркимъ выразителемъ германскихъ тенденцій. Не слѣдуетъ придавать слишкомъ большого значенія враждѣ Ницше къ Бисмарку, прусской государственности и милитаризму. Я беру основные принципы его философіи эпохи „Заратустры“ и утверждаю, что *mutatis mutandis* они могутъ быть положены въ основу современныхъ мечтаній германскаго народа ¹⁾. Ницше выступилъ съ своей проповѣдью „сверхчеловѣка“, которому его сила даетъ право на жестокое творчество. Для этого творчества весь окружающій міръ представляетъ только

¹⁾ См. объ этихъ принципахъ мою книгу „Этюды по современной этикѣ“ (1908 г.) и „Очеркъ исторіи этическихъ ученій“ (изд. 2-е, 1913 г.), § 17.

матеріалъ и никакой пощады этому матеріалу даваться не должно. Религія состраданія объявляется религіей слабыхъ натуръ; не только христіанство, но даже и Платонъ выбрасываются за предѣлы нравственнаго міровоззрѣнія. Ницше оказался пророкомъ современной Германіи. Подставьте только въ его проповѣдь сверхчеловѣка понятіе „сверхнарода“ и вы получите все современное германское міровоззрѣніе, которое отъ словъ перешло къ дѣламъ. Несомнѣнно, что нравственное міровоззрѣніе современной Германіи есть міровоззрѣніе „сверхнарода“, какъ оно мною и названо въ самомъ заглавіи настоящаго разсужденія.

Всѣ эти мысли были впервые въ полномъ объемѣ примѣнены на практикѣ все тѣмъ же Бисмаркомъ, традиціями котораго, какъ указано, опредѣляется и теперь политика Германіи. Вполнѣ въ духѣ только что описанной идеологіи Бисмаркъ также объявилъ, что въ вопросахъ политики *сила стоитъ выше права* и что объединеніе Германіи должно осуществиться при помощи „железа и крови“. Программа эта съ успѣхомъ была выполнена и германскому правительству пришлось отказаться отъ многихъ старыхъ принциповъ. Между прочимъ, совершенно былъ забытъ принципъ легитимизма, который съ такимъ жаромъ поддерживался австрійскимъ и прусскимъ правительствомъ въ эпоху блаженной памяти священнаго союза. При объединеніи Германіи железомъ и кровью не считались ни съ правами династій, ни съ желаніями населенія присоединяемыхъ къ Пруссіи странъ. Война 1914 г. показала намъ, въ какой степени принципомъ силы опредѣляется все міровоззрѣніе современнаго германца. Сила должна быть демонстрирована во всей ея ужасной наготѣ, не сдерживаемая никакими нравственными принципами. Всякое состраданіе только вредно и потому къ населенію оккупированныхъ странъ долженъ быть примѣняемъ самый безпощадный терроръ. Въ вышедшемъ въ 1911 году трудѣ генераль фонъ-Бернгарди даетъ намъ цѣлую апологію войны и того принципа, по которому право всегда на сторонѣ побѣдителя. Оказы-

вается, что даже христіанство говорить въ пользу подобныхъ теорій: по мнѣнію генерала, христіанство предписываетъ намъ любить нашихъ личныхъ враговъ, но вовсе не враговъ нашего отечества¹⁾. Генераль фонъ - Бернгарди, впрочемъ, все-таки частное лицо. Но и официальные военныя сферы Германіи держатся тѣхъ же воззрѣній. Въ руководствѣ германскаго генеральнаго штаба значитъ слѣдующее: „Энергично веденная война не можетъ быть направлена только противъ комбатантовъ непріятельскаго государства и противъ позицій, занимаемыхъ ими; она можетъ и должна стремиться также къ разрушенію всѣхъ интеллектуальныхъ и матеріальныхъ ресурсовъ государства. Гуманитарныя требованія, какъ защита людей и ихъ достоянія, могутъ быть приняты въ соображеніе лишь въ томъ случаѣ, если война позволяетъ“²⁾.

Этотъ культъ силы находится въ тѣсной связи еще съ одной важной особенностью нравственнаго міровоззрѣнія современныхъ германцевъ. Сила, ничѣмъ высшимъ не сдерживаемая и не поставленная на служеніе какимъ-нибудь высокимъ началамъ, но предоставленная самой себѣ, неминуемо превращается въ факторъ не объединяющій, но разъединяющій людей, не столько творческой, сколько разрушительный. Такъ и случилось съ Германіей. Германцы въ связи съ этимъ культомъ чистой силы *вернулись въ области морали къ той позиціи, на которой стоятъ дикари*. Историки нравственности давно уже установили ту истину, что нравственное развитіе человѣчества идетъ по линіи расширенія соціального чувства, его развитія не только въ глубину, интенсивно, но и въ ширину, экстенсивно. Дикарь признаетъ ближними только членовъ той орды, къ которой онъ принадлежитъ; все, что находится за предѣлами этой орды, представляетъ для него міръ не только чуждый, но и враждебный. По отношенію къ врагу не существуетъ

1) Діонео. Мнѣняющаяся Англія, ч. II (1915 г.), 301 слл.

2) Діонео, „Русск. Вѣдом.“. 1915 г. № 19. Ср. такъ-же ст. Г. Петрова „У Сталлупенена“, „Русск. Слово“, 1915 г. № 40.

никакихъ обязанностей и его можно безнаказанно убить, ограбить, обратить въ рабство. Для древняго Римлянина и грека также кругъ ближнихъ оказывается ограниченнымъ предѣлами небольшого государства—города; на чужеземца въ принципѣ не распространяется охрана права и религіи. Въ концѣ исторіи античнаго міра проводилось рѣзкое различіе между міромъ греко-римской культуры и окружающими его варварами. Современные германцы возвратились къ этой первобытной морали: они также проводятъ *рѣзкую черту различія между собой, избраннымъ народомъ, и остальнымъ міромъ*. Правда, и другіе культурные народы еще далеки отъ практическаго проведенія по всей линіи принципа уваженія къ человѣческой личности, какъ къ таковой. Въ колоніяхъ и англичане, и французы творили много жестокостей по отношенію къ туземцамъ; въ Америкѣ на негровъ до сихъ поръ смотрятъ, какъ на низшія существа; наши толки о „желтой“ опасности также включаютъ въ себя значительную долю расовой ненависти; несомнѣнно, что и женскій вопросъ повсемѣстно свидѣтельствуетъ о непризнаніи за женщиной полного человѣческаго достоинства ¹⁾. Но германцы въ данномъ отношеніи, несомнѣнно, сдѣлали огромный шагъ назадъ, въ сторону первобытной культуры, такъ какъ они даже въ предѣлахъ культурнаго европейскаго міра уничтожили принципъ уваженія къ чужому народу. Для современнаго германца полнымъ человѣческимъ достоинствомъ обладаетъ только германецъ. Все, что только сдѣлано великаго въ культурномъ отношеніи новыми народами, сдѣлано германцами. Не даромъ же появились такія книги, какъ извѣстныя сочиненія Вольтмана, гдѣ серьезно доказывается, что чуть ли не всѣ великіе люди самыхъ различныхъ европейскихъ странъ поголовно были нѣмцами, такъ что даже пресловутое Итальянское возрожденіе, въ сущности, было дѣломъ нѣмцевъ, переселив-

¹⁾ См. объ этомъ мою книгу „Женщина и человѣческое достоинство“ (1914 г.); см. также мою „Теорію историческаго процесса“ (изд. 2-е 1914 г.), § 15, III.

шихся въ Италію. Остальныя націи, конечно, съ нѣмцами сравняться не могутъ. Вѣдь даже самыя индо-европейцы въ германской наукѣ характерно превратились въ индо-германцевъ; все, что въ нихъ хорошо, имѣетъ германскій характеръ. Въ особенности же низкаго мнѣнія держатся германцы о славянахъ. Славяне представляются имъ расой, совершенно неспособной къ культурѣ и самой природой предназначенной для подчиненія высшей силѣ, каковую представляютъ изъ себя нѣмцы. Трейтчке обстоятельно доказывалъ, что всѣ попытки славянъ къ освобожденію отъ нѣмецкаго господства бесполезны, бессмысленны и тщетны. Въ случаѣ временной удачи потеряли бы сами славяне, такъ какъ они лишились бы руководства необходимыхъ для нихъ повелителей, учителей и обуздателей ¹⁾. Но не особенно высокаго мнѣнія германцы и о другихъ народахъ: французы—это слабая и вырождающаяся нація, англичане—жалкіе торгаши, у которыхъ даже армія имѣетъ наемный характеръ, и т. д.

Интересно, что и въ предѣлахъ самой Германіи принципы великаго Канта, который настаивалъ на безусловномъ уваженіи къ человѣческой личности, какъ таковой, очень мало нашли себѣ практическаго примѣненія. При всѣхъ успѣхахъ демократическихъ доктринъ въ современной Германіи, она, въ особенности же всѣмъ руководящая Пруссія, является одной изъ самыхъ антидемократическихъ странъ. *Соціальный феодализмъ*, т.-е. общественныя привилегіи господствующихъ сословій, ведущія свое начало еще отъ среднихъ вѣковъ, до сихъ поръ держится здѣсь съ особой силой. Пресловутое прусское юнкерство представляетъ собой непосредственное продолженіе средневѣковыхъ традицій въ самой яркой современности. Между тѣмъ юнкерство задаетъ тонъ политической жизни Пруссіи, а черезъ Пруссію и всей остальной Германіи. Юнкерство насквозь проникнуто сословнымъ духомъ, доходящимъ до степени

1) См. Анучинъ, „Русск. Вѣдом.“, 1914 г. № 227.

почти что кастовой замкнутости. Оно пропитано презрѣніемъ ко всему, что не входитъ въ рамки избранной касты. И это міровоззрѣніе импонируетъ остальному населенію. Замѣчено, что представители буржуазіи, которымъ удается купить дворянское помѣстье, чрезвычайно быстро ассимилируются съ юнкерствомъ и усваиваютъ себѣ всѣ его манеры, да и въ остальныхъ кругахъ населенія всѣ юнкерскія цѣнности въ большомъ почетѣ. Юнкерство является классомъ крупнаго землевладѣнія и военнымъ сословіемъ. Офицерскія мѣста, особенно въ гвардіи, заполнены представителями этого сословія. Съ одной стороны, этимъ объясняется то разобщеніе, которое замѣчается въ германской арміи между офицерами и солдатами, и грубое обращеніе первыхъ съ послѣдними, а также то развитіе принципа классовой борьбы, которое такъ характерно для германской социаль-демократической теоріи, но, съ другой стороны, нельзя не отмѣтить, что въ массѣ нѣмцы всетаки проникнуты еще величайшимъ уваженіемъ къ своему юнкерству. Объ этомъ свидѣтельствуетъ развитіе среди германской молодежи такого обычая, какъ студенческія дуэли, „мензуры“, о томъ же говорить свойственное Германіи явленіе, что мирный бюргеръ съ великимъ удовольствіемъ печатаетъ на своихъ визитныхъ карточкахъ свой титулъ: „офицеръ запаса“, такъ какъ это наименованіе придаетъ его личности нѣчто милитарное, т.-е. дворянское ¹⁾. Вообще весь юнкерскій стиль жизни въ почетѣ у нѣмцевъ и усиленіе арміи и флота въ общемъ очень популярно въ Германіи. Необходимость обладать хорошей арміей усиливается въ Германіи тѣми же юнкерскими воззрѣніями. Съ точки зрѣнія прусскаго юнкера уважающее себя военное сословіе не должно допускать со стороны сосѣдей никакой тѣни самостоятельности въ вопросахъ, интересующихъ Германію.

¹⁾ См. *Лоллосъ*, Письма изъ Берлина (1904), 249. Интересно отмѣтить, что Вильгельмъ II весьма сочувственно относится къ студенческимъ мензурамъ. См. *Арренъ*, Вильгельмъ II, что онъ говоритъ, что онъ думаетъ (рус. пер. 1914 г.), 126 сл.

Если какое нибудь правительство несогласно съ германской точкой зрѣнія, то оно уже является врагомъ Германіи; а такъ какъ врагу не должно давать никакихъ шансовъ на усиленіе, то огромной популярностью пользуется идея *превентивной войны*: разъ только замѣчается натянутость въ международныхъ отношеніяхъ, Германія должна быть готова къ вооруженному наступленію, чтобы предупредить нападеніе врага на нее самое. Такимъ образомъ, всякая война въ идеологіи прусскихъ военныхъ сферъ обращается въ оборонительную, хотя бы была начата Германіей ¹⁾. Это не слѣдуетъ забывать при оцѣнкѣ недавнихъ событій. На почвѣ этой идеологіи германскому правительству и удается поддерживать въ своемъ населеніи мысль, что на Германію напали ея злые сосѣди.

Въ области женскаго вопроса мы также находимъ яркое подтвержденіе тезиса, что въ современной Германіи не существуетъ уваженія къ личности, какъ къ таковой. Женщина правящими германскими сферами отсылается къ знаменитой теоріи четырехъ К (Kinder, Küche, Kirche, Kleider); ни въ одной странѣ Европы не наблюдалось такого явленія, какъ извѣстные съѣзды учителей въ Германіи, которые протестовали противъ допущенія женщинъ на должности начальницъ школъ на томъ основаніи, что мужчинамъ унижительно служить подъ начальствомъ женщинъ. Германскіе ученые серьезно разсуждаютъ о томъ, что наука очень пострадаетъ отъ допущенія къ ней женщинъ, такъ какъ вся сила ея заключается именно въ господствѣ въ ней мужскихъ принциповъ, и извѣстный химикъ Оствальдъ утверждаетъ, что не безъ вліянія на высокій уровеньъ науки въ Германіи осталось низкое социальное положеніе женщинъ въ этой странѣ ²⁾. Конечно, при характерномъ для нѣмцевъ культѣ абстрактнаго раціонализма всякое участіе въ куль-

¹⁾ Эта идеологія хорошо обрисована въ извѣстномъ романѣ *Зупитнеръ, Долой оружіе*.

²⁾ См. мою книгу „Женщина и человѣческое достоинство“ (1914 г.), стр. 500.

турѣ женщинъ, съ ихъ склонностью къ ирраціональному чувству, представляется вполне нежелательнымъ.

Современная германская философія также проникнута весьма любопытной борьбой съ такъ наз. „психологизмомъ“, который усердно пытаются изгнать не только изъ отвлеченной гносеологии, но даже изъ этики. А изгнаніе психологизма, какъ правильно уже было отмѣчено въ печати ¹⁾, равносильно изгнанію всякой человѣчности, всякихъ намековъ на живую личность въ угоду безстрастному и абстрактному рационализму.

При этомъ пренебреженіи къ живому человѣку совершенно понятенъ становится тотъ *культъ специализаціи*, который замѣчается въ Германіи ²⁾. Каждый порядочный нѣмецъ желаетъ прежде всего быть специалистомъ и гордится тѣмъ, что превосходно знаетъ свой узкій Fach, свою специальность, сколь бы это ни дѣлало его одностороннимъ. Поэтому и въ современной германской наукѣ и философіи давно миновало время широкихъ и смѣлыхъ синтезовъ; оно смѣнилось культивированіемъ всякихъ монографическихъ работъ, главной заслугой которыхъ является основательность, хотя бы обнаруживающая отсутствіе сколько нибудь широкихъ горизонтовъ.

Такой „специализированный“ человѣкъ, конечно, очень легко укладывается въ рамки всякаго рода социальныхъ организацій. Отдавая себя на служеніе какому нибудь узкому дѣлу, человѣкъ естественно сознаетъ себя, главнымъ образомъ, какъ члена болѣе обширнаго цѣлаго, а не какъ самостоятельную и самодовлѣющую личность. На этой почвѣ и укрѣпляется характерный для современныхъ германцевъ *культъ государственности*. Въ глазахъ нѣмца пріобрѣтаетъ огромное значеніе все, что связано съ государствомъ; самого себя онъ привыкъ цѣнить, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія своего положенія въ государствѣ. Это также находитъ себѣ яркое выраженіе въ распространенномъ въ

¹⁾ Гершнзонъ, Рус. Вѣд. 1914 г. № 240.

²⁾ Лихтенбержъ, Соврем. Германія, 403 слл.

Германіи обычаѣ титуловать людей не по ихъ имени, а по ихъ чину или должности. Это распространяется даже на женщинъ, которыя въ Германіи получаютъ сообразно званію своихъ мужей курьезныя наименованія г-жъ тайныхъ совѣтницъ или коммерціи совѣтницъ, г-жъ аптекаршъ или г-жъ докторовъ.

Вотъ на этой-то почвѣ и созданъ современный германскій культъ собственной національности, выраженный въ словахъ извѣстнаго гимна „Deutschland über alles“. При свойственномъ нѣмцамъ безвкусию и ихъ національной грубости, этотъ культъ получаетъ часто очень неэстетическій характеръ. Отмѣчено ¹⁾, что нигдѣ мы не встрѣчаемъ такъ много, какъ въ Германіи, памятниковъ, знаменующихъ германскія побѣды надъ врагами, и нигдѣ эти памятники, конечно, не проникнуты такой печатью безвкусицы, какъ знаменитая „колонна побѣды“ и „аллея побѣды“ въ Берлинѣ. Ко всему этому присоединилось свойственное современнымъ германцамъ настроеніе политическихъ выскочекъ, о причинахъ котораго рѣчь будетъ ниже. Это настроеніе привело къ той надутой надменности, которой такъ проникнуты современные нѣмцы и которая, какъ передаютъ наши военные корреспонденты, не оставляетъ прусскихъ офицеровъ и прусскихъ солдатъ даже въ плѣну. При этихъ условіяхъ намъ нечего удивляться, что военные генералы, вродѣ извѣстнаго уже намъ фонъ-Бернгарди, увѣренно объявляютъ, что нѣмцы—высшая раса. Психозъ овладѣлъ даже представителями науки, и русскія газеты обошло знаменитое письмо берлинскаго профессора юриста Адольфа Лассона ²⁾, гдѣ прямо дѣлается заявленіе, что нѣмцы въ нравственномъ и умственномъ отношеніи выше всѣхъ остальныхъ и имъ нѣтъ равныхъ, что Вильгельмъ II—*deliciae generis humani* и всегда покровительствовалъ миру, праву и чести, что канцлеръ Бетманъ-Гольвегъ самый выдающійся человекъ изъ всѣхъ, нынѣ живущихъ, что германская армія есть изображеніе

1) Кн. Грубецкой, Рус. Вѣд. 1914, № 277.

2) Рус. Вѣд. 1914 г. № 259.

въ уменьшенныхъ размѣрахъ разума и нравственности германскаго народа.

Послѣ этого нельзя не согласиться съ отзывомъ описываемаго однимъ газетнымъ корреспондентомъ англичанина ¹⁾, который утверждалъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы нѣмцы считали себя великой націей, но возмущался именно психологіей выскочки, которая проявляется въ столь необузданномъ самохвальствѣ. „Не надо быть *raguеu*, разсуждалъ этотъ англичанинъ. Не надо кричать на всю улицу: „Я теперь тоже графъ“, не надо звенѣть червонцами въ карманѣ и повторять на каждомъ шагу: „Сколько вы зарабатываете? Я зарабатываю больше васъ; моя квартира отдѣлана лучше вашей; моя дочка вышла замужъ за настоящаго Ротшильда; вы уже видѣли мой новый автомобиль“. Это, наконецъ, намъ надоѣло, заключаетъ свои размышленія англичанинъ, и терпѣніе наше лопнуло“.

Въ общемъ, и по этому поводу приходится вспомнить Бисмарка. Онъ впервые формулировалъ съ свойственной ему ясностью и отчетливостью идею *государственную эгоизма*, на почвѣ которой теперь выросли такіе плоды. „Единственное разумное основаніе въ политикѣ великаго государства— это государственный эгоизмъ, а не романтизмъ и недостойно всякой страны воевать за дѣла, не задѣвающія ея собственныхъ интересовъ“. Въ рукахъ теперешнихъ преемниковъ Бисмарка и тѣхъ поколѣній, которые смѣнили нѣмцевъ эпохи объединенія Германіи, этотъ государственный эгоизмъ на почвѣ легкихъ и быстрыхъ успѣховъ превратился въ смѣшную и недальновидную *государственную заносчивость*, которой теперь и опредѣляется поведеніе Германіи.

III. Культура формальная и идейная.

Теперь мы можемъ сдѣлать оцѣнку изложенныхъ фактовъ и отвѣтить на вопросъ, что же мы имѣемъ передъ собой: культуру или варварство, или же и то и другое вмѣстѣ, если только такой синтезъ возможенъ. Для этого намъ

¹⁾ См. *Жаботинскій*, Рус. Вѣд. 1914 г. № 259.

придется прежде всего разрѣшить вопросъ: *что же такое самая культура и въ чемъ заключается ея цѣнность?*

Въ общемъ, культуру можно опредѣлить, какъ торжество духа надъ тѣломъ; человѣческаго свободнаго творчества надъ темными силами природы. Самое филологическое происхожденіе слова говорить за такое опредѣленіе: „культурой“ мы называемъ то, что создано человѣкомъ, что имъ воздѣлано, въ отличіе отъ „натуры“, отъ того, въ основѣ чего лежитъ одна только природная необходимость. Мы потому такъ и цѣнимъ культуру, что въ ней проявляется превосходство человѣка надъ окружающимъ его природнымъ міромъ, въ ней сказывается та мощь, которую даютъ человѣку ему одному присущія духовныя силы.

Но культура есть понятіе сложное, въ ней слѣдуетъ различить двѣ стороны: во-первыхъ, сторону самой дѣятельности человѣческаго духа, тѣхъ его силъ, которыя проявляются въ культурномъ творествѣ въ постоянной борьбѣ съ препятствіями, воздвигаемыми силами природы; во-вторыхъ, тѣ цѣли, которыя ставитъ себѣ человѣкъ въ этой дѣятельности. Вѣдь вообще, когда мы имѣемъ дѣло съ духовными процессами, намъ приходится дѣлать различіе между самимъ духовнымъ актомъ и его содержаніемъ ¹⁾. Поэтому мы и можемъ различить въ культурѣ двѣ стороны: *формальную*, относящуюся къ самымъ актамъ культурнаго творчества, и *идейную*, относящуюся къ содержанію и смыслу этого творчества. Съ формальной точки зрѣнія для культурнаго творчества требуется развитіе разнаго рода силъ духовныхъ и физическихъ. Главнымъ образомъ, здѣсь имѣетъ цѣну интеллектъ, помогающій своими отвлеченными схемами справляться съ многообразіемъ процессовъ природы, укладывать ихъ въ рамки общихъ законовъ природы и, опираясь на нихъ, предвидѣть событія и направлять ихъ теченіе въ духѣ нашихъ интересовъ. Затѣмъ, большое значеніе имѣетъ развитіе воли, тѣхъ ея свойствъ,

¹⁾ Эту мысль подробно развиваетъ *Зеньковский*, Проблема психической причинности (1914 г.).

которыя даютъ возможность человѣку путемъ настойчиваго и напряженнаго труда доводить до конца самыя сложныя начинанія. Что же касается идейной стороны культурной дѣятельности, самаго ея содержанія, то оно опредѣляется создаваемымъ человѣкомъ *міромъ цѣнностей, міромъ идеаловъ*. Человѣкъ рисуетъ себѣ картину міра не такого, какимъ онъ выходитъ изъ рукъ природы, но такого, какимъ онъ хотѣлъ бы его видѣть, и стремится преобразовать міръ въ духѣ этихъ своихъ идеаловъ. Содержаніе человѣческихъ идеаловъ сводится къ давно уже установившейся тріадѣ истины, красоты и добра. Чѣмъ ближе подходятъ человѣческія задачи къ духу этихъ идеаловъ, тѣмъ выше ставимъ мы культурную дѣятельность. Ясно изъ изложеннаго, что для высокой культуры требуется развитіе какъ формальной, такъ и идейной ея стороны. Необходимо имѣть высокіе идеалы, но для ихъ реализаціи необходимо располагать и достаточными силами интеллекта, воли и часто даже мускуловъ.

Практика жизни показываетъ намъ однако, что *эти двѣ стороны культуры могутъ и не совпадать*. Культура силы или культура формальная можетъ не соотвѣтствовать уровню культуры содержанія или культуры идейной. Формальныя силы не связаны тѣсно съ служеніемъ опредѣленнымъ задачамъ и могутъ развивать свое дѣйствіе вовсе не въ духѣ идеаловъ истины, красоты и добра. Въ такомъ случаѣ, эти силы изъ творческихъ могутъ обратиться въ мощныя орудія разрушенія. Духъ обращается самъ противъ себя и, вмѣсто служенія цѣностямъ, открытымъ человѣческимъ же духомъ и поднимающимъ человѣка надъ уровнемъ природнаго міра, можетъ идти противъ этихъ цѣнностей. Возможно и то, что самыя цѣнности принимаются *не въ полномъ объемѣ* и при этомъ неизбежно содержаніе ихъ искажается. Напримѣръ, истина опирается не только на опытъ въ общенаучномъ смыслѣ этого слова и его обработку силами относительнаго интеллекта, но и на опытъ мистическо-религіозный, и оба эти вида опыта только въ соединеніи даютъ

полную истину ¹⁾); красота выражается не только въ формѣ, производящей эстетическое впечатлѣніе чисто внѣшними средствами, но и въ одухотворенномъ содержаніи и только при сочетаніи этихъ условій стоитъ на должной высотѣ; добро можетъ проявляться не только въ любви къ своей семьѣ, своимъ друзьямъ или своему народу, но принимать всеобъемлющій, общечеловѣческій характеръ и только тогда приводитъ и къ настоящей любви къ Богу, какъ источнику всякаго добра и любви. Но всѣ эти цѣнности могутъ выступать и въ урѣзанномъ видѣ и тогда ихъ содержаніе неизбежно искажается. Вотъ въ подобныхъ случаяхъ мы имѣемъ не полную культуру и получаемъ такія явленія, которыя заставляютъ насъ говорить о соединеніи культуры съ варварствомъ. Все это ясно было уже Аристотелю. Въ его „Политикѣ“ (I, 12; пер. Жебелева, стр. 8) мы читаемъ слѣдующія слова, могущія быть девизомъ для всякой полной культуры: „Природа дала человѣку въ руки оружіе—интеллектуальную и моральную силу, но онъ можетъ пользоваться этимъ оружіемъ и въ обратную сторону; поэтому человѣкъ безъ нравственныхъ устоевъ оказывается существомъ самымъ нечестивымъ и дикимъ, низменнымъ въ своихъ половыхъ и вкусовыхъ инстинктахъ“.

Только что сдѣланный нами очеркъ характерныхъ чертъ современной германской культуры позволяетъ намъ теперь безъ труда опредѣлить цѣнность этой культуры. Мнѣ кажется, что безъ всякаго преувеличенія ее можно подвести подъ понятіе *культуры съ сильно развитой формальной стороною, но съ весьма ограниченнымъ пониманіемъ идейнаго содержанія*. Нѣмцы очень высоко почитаютъ всѣ тѣ свойства человѣческой природы, которыя необходимы для развитія силы какъ физической, такъ и духовной. Они превозносятъ силу оружія, выражающуюся въ организациі арміи и флота. Чрезвычайнаго развитія достигла у нихъ культура интеллекта. Мы

¹⁾ См. объ этомъ мои книги: „Очеркъ исторіи этическихъ ученій“ (изд. 2-е, 1913 г.), § 22; „Теорія историческаго процесса“ (изд. 2-е, 1914 г.), §§ 7 и 9.

видѣли, какъ любятъ германцы отвлеченный порядокъ и организацію, какъ они культивируютъ настойчивость и упорство въ проведеніи намѣченныхъ плановъ. Они даже склонны преувеличивать значеніе человѣческихъ расчетовъ и ихъ слабой стороной является часто упорное проведеніе заранѣ продуманныхъ схемъ, несмотря на перемѣну обстоятельствъ. И при всемъ томъ, идейное содержаніе ихъ культуры крайне скудно и односторонне, почему германская культура въ нашихъ глазахъ и получаетъ характеръ *утопченную варварства*. На истину они смотрятъ очень односторонне: истиной для современнаго германца является только то, что доказано эмпирическими фактами и обработано схемами дискурсивнаго разума, то, что уложилось въ логическія рамки. Что же касается истины, достигающейся людямъ другими путями, истины интуитивной, того, что Кантъ называлъ моральнымъ знаніемъ, постулатами практическаго разума, то всего этого типичный германецъ нашихъ дней не знаетъ и не хочетъ знать. Въ области красоты германцы никогда особенно высоко не стояли и цѣнность ихъ творчества всегда была скорѣе въ идейномъ содержаніи ихъ поэзіи, чѣмъ въ красотѣ формы; въ настоящее же время, когда это идейное содержаніе оскудѣло, германское искусство стоитъ чрезвычайно невысоко и Германія во многихъ отношеніяхъ представляетъ изъ себя образецъ безвкусія. Главное наслажденіе нѣмецъ нашего времени находятъ опять-таки въ чисто рационалистической правильности линий, симметріи и порядкѣ. Эта сторона внѣшней культуры доведена здѣсь до крайняго развитія и такой современный германскій городъ, какъ Берлинъ, въ которомъ нѣтъ старыхъ кварталовъ, наводитъ совершенную тоску своимъ геометрическимъ однообразіемъ и полнымъ отсутствіемъ живописности и теплоты. Въ своихъ украшеніяхъ нѣмцы щеголяютъ обиліемъ аляповатой позолоты и кричащихъ красокъ; они не придаютъ значенія аристократической доброкачественности матеріала и ихъ промышленность изобилуетъ самыми безвкусными дешевыми поддѣлками подъ

дорогіе матеріалы. Но больше всего отражается односторонній характеръ идейныхъ содержаній германской культуры въ области добра и любви. Мы видѣли, что въ этомъ отношеніи современные германцы самымъ рѣшительнымъ образомъ приблизились къ дикарямъ, такъ какъ чрезвычайно сужили сферу примѣненія и уваженія любви къ человѣческой личности. Вся область добра, въ сущности, ограничена германской націей. Только въ ея предѣлахъ можно говорить о настоящемъ человѣческомъ достоинствѣ. Дальше же начинается міръ народовъ, которые на полное достоинство никоимъ образомъ претендовать не могутъ и все благополучіе которыхъ зависитъ только отъ того, когда они, наконецъ, согласятся подчинить себя дѣйствию германской власти, принудительно насаждающей внѣшнюю германскую культуру. Въ особенности это относится къ такимъ варварскимъ расамъ, какъ славянская. Въ соотвѣтствіи съ этимъ измѣнились и религіозныя представленія нѣмцевъ. Сами они составляютъ избранный народъ, сверхнародъ, а потому у нихъ и особыя отношенія къ Богу. Богъ современныхъ германцевъ—только по имени христіанскій Богъ. Это ни въ какомъ случаѣ не Богъ вселенской любви; онъ скорѣе напоминаетъ древнихъ античныхъ боговъ, сфера дѣйствія которыхъ ограничивалась однимъ какимъ-нибудь народомъ. Богъ предназначалъ германскому народу его міровую миссію и неуклонно ведетъ его по правильной дорогѣ. Всѣ остальные народы являются только матеріаломъ для германскаго творчества и самъ Богъ заставитъ ихъ признать, наконецъ, германское руководство.

Эта своеобразная *германская религіозность* представляетъ собой прямой результатъ всего характера современной германской культуры и лучше всего выражена ни кѣмъ инымъ, какъ самимъ *императоромъ Вильгельмомъ* въ его многочисленныхъ рѣчахъ. Я приведу нѣкоторые характерные отрывки изъ его разсужденій¹⁾. Вильгельмъ, несомнѣнно,

¹⁾ Заимствую ихъ изъ любопытной книги Аррена. „Вильгельмъ II, что онъ говоритъ, что онъ думаетъ“ (рус. пер. 1914 г.).

очень религіозенъ, считаетъ себя монархомъ Божіей милостью и вѣрнымъ истолкователемъ велѣній самого Бога. „Домъ Гогенцоллерновъ, говоритъ онъ, обладаетъ чувствомъ долга, чувствомъ, исходящимъ изъ сознанія, что Богъ поставилъ ихъ на тотъ постъ, который они занимаютъ, и что одному только Богу, да еще своей совѣсти, они обязаны отчетомъ въ томъ, что дѣлаютъ для блага страны“. „Мы соль земли, но мы должны стараться быть достойными нашей судьбы. Поэтому наша молодежь должна научиться отказывать себѣ, лишать себя того, что для нея не полезно, *остерегаться того, что заимствовано у другихъ народовъ, и культивировать добрые нравы, дисциплину, порядокъ, почтеніе къ старшимъ и религію*“. „Тогда-то *нашъ народъ станетъ той гранитной скалой, на которой Господу Богу угодно будетъ закончить свое дѣло просвѣщенія міра*. Тогда же исполнится слово поэта, который сказалъ, что міръ излѣчится силою нѣмецкаго духа“. „Готовый, вооруженный заново, нѣмецкій народъ стоитъ на стражѣ, какъ нѣкогда богъ Геймдаль, охраняя миръ на землѣ, у вратъ храма мира и не только въ Европѣ, но и на всей землѣ“. „Для насъ, нѣмцевъ, идеалъ еще продолжаетъ существовать, какъ одно изъ національныхъ сокровищъ, между тѣмъ какъ другіе народы отъ него болѣе или менѣе отреклись. Одинъ только нѣмецкій народъ призванъ прежде всего защищать, культивировать и развивать великія идеи“. Вильгельмъ въ восторгѣ даже отъ современнаго германскаго искусства. „Я могу заявить, господа, провозглашаетъ онъ, что на иностранцевъ „Аллея побѣдъ“ произвела потрясающее впечатлѣніе; повсюду раздается неслыханное восхищеніе нѣмецкой скульптурой“. То же самое относится и къ германской наукѣ. „Нѣтъ ничего въ области современной науки, увѣряетъ свою аудиторію германскій кайзеръ, что не было бы написано на нашемъ языкѣ, и нѣтъ такой мысли, которая не была бы высказана нами, чтобы быть потомъ уже перенятою другими націями“.

При такихъ воззрѣніяхъ нѣтъ ничего удивительнаго, что

этотъ христіанскій монархъ уже въ 1898 году объявилъ себя другомъ Ислама и въ настоящее время нашелъ вѣрныхъ союзниковъ въ лицѣ турокъ, которые не постѣснились ради Вильгельма объявить даже „священную войну“. Дѣйствительно, христіанство въ пониманіи Вильгельма и его приближенныхъ очень смахиваетъ на воинствующую религію Ислама.

Подводя итоги всей этой характеристикѣ германской культуры, нельзя не согласиться съ высказаной П. Д. Боборыкинымъ¹⁾ мыслью, что германское иго, въ случаѣ побѣды германскаго милитаризма, было бы много горше татарскаго; у татаръ была хоть та почтенная черта, что они ограничивались взиманіемъ дани съ покоренныхъ и не вмѣшивались въ ихъ внутреннія дѣла. Германцы же стали бы насъ воспитывать на свой ладъ и подобная перспектива можетъ привести въ полнѣйшій ужасъ всякаго человѣка, у котораго есть хоть малѣйшее чувство достоинства.

IV. Нравственный смыслъ переживаемыхъ событій.

Невольно возникаетъ вопросъ, было ли еще когда нибудь въ исторіи нѣчто подобное современному германскому милитаризму и психологіи „сверхнарода“? Отвѣтить на этотъ вопросъ не такъ легко. Исторія, въ сущности, никогда не повторяется и потому безусловной аналогіи провести никогда нельзя. Несомнѣнно, однако, что отдѣльные элементы, напоминающіе теперешнее положеніе Германіи, встрѣчались въ самыхъ различныхъ эпохи въ исторіи разнообразныхъ народовъ, но не было, конечно, никогда такого именно синтеза, который выработала современная Германія. Уже въ античной исторіи намъ встрѣчаются примѣры головокружительныхъ плановъ завоеваній и основанія всесвѣтнаго господства. Нѣкоторые изъ этихъ плановъ завершались удачнымъ исходомъ, другіе терпѣли крушеніе. Въ исторіи Греціи видное мѣсто занимаютъ персидскія войны, которыя

¹⁾ „Русск. Слово“, 1914 г., № 297.

знакомить насъ съ подобной идеей персидскаго царя Ксеркса, походъ котораго не только кончился разгромомъ его арміи, но сыгралъ большую роль въ оживленіи греческой культурной и политической жизни, съ большой силой пробудилъ греческое національное самосознаніе и заложилъ основы дальнѣйшему развитію Аѳинъ. Но и сами Аѳиняне не избѣгли участи Ксеркса. Алкивиадъ, этотъ замѣчательный индивидуалистъ и честолюбецъ, поклонникъ силы, на подобіе императора Вильгельма ¹⁾, былъ инициаторомъ знаменитой Сицилійской экспедиціи, столь плачевно окончившейся и положившей начало полному разгрому самихъ Аѳинъ. Наряду съ этимъ приходится отмѣтить походы Александра Македонскаго, не приведшіе, впрочемъ, къ созданію прочнаго политическаго тѣла, а затѣмъ первостепенной важности историческое дѣло римлянъ, которымъ дѣйствительно удалось создать всемірное для того времени государство. Но и римляне, въ концѣ-концовъ, начали терпѣть неудачи, при чемъ починъ положили германцы, предки нашихъ теперешнихъ враговъ. Римляне долго не могли забыть плачевной катастрофы, постигшей армію Квинтилія Вара въ Тевтобургскомъ лѣсу. Да и окончательное распаденіе Западной Римской имперіи было обусловлено въ значительной степени тѣмъ, что германцы со всѣхъ сторонъ просачивались въ составъ войскъ и мирнаго населенія, что и облегчило переходъ власти къ германскимъ-же вождямъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что завоеванія Александра Македонскаго и римлянъ имѣютъ крупное положительное значеніе: походы Александра повели къ распространенію греческой культуры въ отдаленныхъ странахъ и притомъ распространенію совершенно свободному, не навязанному насильно; точно также и Римская имперія дала много культурныхъ благъ человѣчеству, такъ какъ обезпечила на долго внутренній миръ странамъ средиземнаго района, при чемъ римляне никогда не стремились подавить

¹⁾ См. его характеристику у Бузескула, „Исторія Аѳинской демократіи“, (1909 г.), 308 сл.

національныя культуры покоряемыхъ ими народовъ и ихъ господство только укрѣпляло вездѣ порядокъ и правовые принципы. Въ средніе вѣка мы вновь встрѣчаемся съ идеей всемірной монархіи. Интересно отмѣтить, что уже въ эту эпоху идея универсализма императорской власти находила себѣ главныхъ носителей въ лицѣ германскихъ властителей. Въ то время какъ французскіе короли главное вниманіе обращали на усиленіе своей власти внутри страны, Германскіе императоры гораздо больше заботились о расширеніи своихъ владѣній, стремясь сдѣлаться такими же свѣтскими властителями всего міра, какими въ области духовныхъ дѣлъ хотѣли быть папы. Наибольшую славу составили себѣ въ этомъ отношеніи Габсбурги, которымъ принадлежитъ и знаменитое толкованіе гласныхъ алфавита въ смыслѣ: *Austriae Est Imperare Orbi Universo*. Въ погонѣ за міровымъ владычествомъ германскіе императоры запустили внутреннія дѣла Германіи и это привело къ ослабленію въ этой странѣ центральной власти и къ крайнему развитію партикуляризма. На этой почвѣ для Германіи стали очень страшны усилившіе свою власть французскіе короли, которые въ лицѣ Людовика XIV также даютъ намъ новый примѣръ стремленія къ міровому господству. Этотъ король считалъ себя преемникомъ Карла Великаго и принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы достигнуть первенства въ Европѣ, при чемъ совершенно не былъ склоненъ считаться съ національностями. Замыслы Людовика XIV не увѣнчались успѣхомъ, но черезъ столѣтіе Франція выдвинула новаго всемірнаго завоевателя, который въ теченіе нѣкотораго времени дѣйствительно былъ распорядителемъ всѣхъ дѣлъ въ Европѣ. Наполеонъ I началъ свои походы еще какъ генераль революціонной арміи, которой была поставлена задача отстоять независимость Франціи въ рѣшеніи своихъ дѣлъ и защитить освободительные принципы революціи отъ натиска реакціонныхъ силъ коалиціи. Но въ его рукахъ скоро направленіе политики измѣнилось. Наполеонъ также возмнилъ себя законнымъ наслѣдникомъ Карла

Великаго, преслѣдоваль планъ созданія всемірной монархіи, и войны его приняли ярко завоевательный характеръ, при чемъ принципы національностей и легитимизма игнорировались. Наполеонъ въ широкихъ размѣрахъ практиковаль и тѣ приемы войны, которые примѣняютъ теперь германцы, на примѣръ, содержаніе своихъ армій путемъ грабежей и взиманія огромныхъ контрибуцій въ оккупированныхъ странахъ. Насильственно насаждалась и французская культура, въ смыслѣ, по крайней мѣрѣ, политическихъ порядковъ. Но въ защиту Наполеона можно было сказать, что эта культура была, дѣйствительно, по общему признанію, культура передовая, въ значительной степени основанная на освободительныхъ общечеловѣческихъ идеяхъ вѣка просвѣщенія. Она далека была отъ того узко-формальнаго характера, который присущъ современной германской культурѣ. И нѣкоторыя насажденія Наполеона I остались въ силѣ даже послѣ прекращенія французскаго владычества. На примѣръ, французскій гражданскій кодексъ кое-гдѣ привился довольно прочно и до сихъ поръ составляетъ дѣйствующее гражданское право хотя бы нашей Польши. Съ тѣми же планами всемірной монархіи носился и Наполеонъ III, который только не унаслѣдовалъ генія своего знаменитаго предка. Наполеону III также очень нравилась роль вершителя судебъ всей Европы; она льстила и самолюбію французскаго народа, который съ большимъ энтузіазмомъ отнесся въ 1870 г. къ роковому для Франціи объявленію войны Пруссіи. Наполеонъ III однако клалъ въ основу своей международной политики принципъ національностей. Это, впрочемъ, не мѣшало и ему пользоваться всякимъ случаемъ для округленія французской территоріи. Слѣдуетъ отмѣтить, наконецъ, что послѣднія десятилѣтія всѣхъ крупныхъ государствъ Европы продолжали вести завоевательную политику, но только направлена она была на внѣевропейскія страны и потому сравнительно мало волновала широкія массы европейскаго населенія. При этомъ, какъ правильно

отмѣчается въ печати¹⁾, по отношенію къ малокультурнымъ народамъ повсюду примѣнялись тѣ же самыя приемы устрашительныхъ и истребительныхъ войнъ, которые Германія въ наше время пробуетъ примѣнить уже и къ европейскимъ народамъ. Правда, Англія, покоривъ бурскія республики, успѣшила дать имъ полное самоуправленіе и теперь пожинаетъ плоды этой мудрой политики; правда, въ оправданіе свое европейскіе народы ссылаются на то, что имъ приходится имѣть дѣло съ дикарями; но все-таки слѣдуетъ помнить, что принципы христіанства не дѣлаютъ различія между національностями и требуютъ любви между всѣми людьми и что на этихъ же завѣтахъ христіанства настаивалъ величайшій моралистъ новаго времени Иммануиль Кантъ, идеи котораго больше всего забыты на его собственной родинѣ.

Несомнѣнно, что современный германскій милитаризмъ не представляетъ собой буквального повторенія прежнихъ завоевательныхъ плановъ, возникавшихъ, какъ мы видѣли, въ разныя времена у разныхъ народовъ. Его особенно неприятною черту составляетъ то, что онъ возникъ на почвѣ черезъ чуръ формальной культуры, слишкомъ бѣдной идейнымъ содержаніемъ и потому уже неприемлемой для другихъ народовъ. Эта скудость внутренняго содержанія и придаетъ нѣмецкому націонализму его чрезмѣрно агрессивный, насильственный по отношенію къ другимъ народностямъ характеръ. Вѣдь нѣмцы не могутъ рассчитывать, что ихъ узкій культъ „сверхнарода“ будетъ мирно и безъ протестовъ принятъ другими народами. Идеи, разносимыя арміями Наполеона, отличались все-таки общечеловѣческимъ характеромъ. И тѣмъ не менѣе, войны Наполеона кончились тѣмъ, что пробудилось національное самосознаніе во всей Европѣ и французское иго было свергнуто. Къ эпохѣ Наполеоновскихъ войнъ относится и зарожденіе современнаго германскаго агрессивнаго націонализма.

1) *Бълюголовый*, въ „Рус. Вѣд.“, 1914 г., № 232.

Конечно, первыя основы этого націонализма заложены далеко въ глубинѣ вѣковъ. Мы уже отмѣтили, что именно германскимъ императорамъ искони присуща была идея универсальной монархіи. Съ самыхъ первыхъ своихъ шаговъ въ исторіи германцы проявляютъ себя грубымъ воинственнымъ народомъ. Національное самосознаніе также у нихъ проснулось довольно давно. Уже германскій гуманизмъ и германская реформація обращаютъ на себя вниманіе историковъ своимъ націоналистическимъ характеромъ. Но во всякомъ случаѣ въ прежнія времена нѣмцамъ далеко было до современнаго состоянія. Мы знаемъ, что такой собиратель Прусской земли и патріотъ своего отечества, какъ Фридрихъ II, даже не хотѣлъ читать книгъ на нѣмецкомъ языкѣ, до такой степени низкаго мнѣнія онъ былъ объ уровнѣ нѣмецкой духовной культуры. Идеалы Лейбница цѣликомъ носятъ космополитическій характеръ. Лейбницъ, хотя въ теоріи высоко ставилъ нѣмецкій языкъ, не пользовался имъ въ своей литературной дѣятельности, всю свою жизнь мечталъ о всемірной республикѣ ученыхъ и строилъ планы объединенія церквей. Въ своей философіи Лейбницъ проводилъ идею гармоническаго примиренія разнообразныхъ индивидуальностей. Въ XVIII вѣкѣ Гердеръ выступаетъ съ своей философіей исторіи, основанной на принципѣ широкой общечеловѣческой „гуманности“. Кантъ проповѣдуетъ безусловное уваженіе къ достоинству человѣческой личности вообще и защищаетъ теорію вѣчнаго мира между народами ¹⁾. Гёте и Шиллеръ проводятъ повсюду общечело-

1) Насколько Кантъ не одобрилъ бы современной германской политики, совершенно ясно изъ слѣдующей цитаты. „Идея международнаго права предполагаетъ раздѣльное существованіе многихъ сосѣднихъ государствъ, независимыхъ другъ отъ друга. Несмотря на то, что такое состояніе само по себѣ уже есть состояніе войны (если федеративный союзъ государствъ не предотвращаетъ проявленія враждебности), все же оно лучше по идее разума, чѣмъ сплоченіе государствъ воедино державой, превосходящей другія и переходящей въ универсальную монархію: такъ какъ законы съ увеличивающейся областью правленія все болѣе и болѣе теряютъ въ силѣ и бездушный деспотизмъ, искоренивъ зачатки добра, въ концѣ-концовъ впадаетъ въ анархію. Между тѣмъ стремленіе каждаго государства (или его верховнаго главы) заключается въ

вѣческіе идеалы, увлекаются античной культурой и идеями революціи. Если нѣмцы въ это время и мечтають о задачахъ германскаго народа и иногда даже о его первенствѣ, то эти мечтанія носятъ туманно-мистическій характеръ и мало чѣмъ отличаются отъ нашего славянофильства и польскаго мессіанизма первой половины XIX столѣтія. Переломъ въ настроеніи нѣмцевъ относится, какъ сказано, къ эпохѣ Наполеоновскихъ войнъ. Испытанныя Германіей великія униженія, наконецъ, заставили пробудиться національное самосознаніе. Фихте немедленно послѣ знаменитой битвы при Іенѣ выступаетъ со своими „рѣчами къ германскому народу“, гдѣ этотъ народъ впервые объявляется „избраннымъ“ народомъ, а въ теченіе первыхъ десятилѣтій девятнадцатаго вѣка Гегель сооружаетъ свой всемірно-историческій синтезъ, въ которомъ германскій народъ провозглашается носителемъ заключительной фазы раскрытія объективнаго духа, а прусская монархія—послѣднимъ словомъ политической мудрости челоувѣчества. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше укрѣпляется идея, что объединеніе Германіи возможно только путемъ оружія и въ соотвѣтствіи съ этимъ развивается та идеологія силы, съ которой мы уже познакомились. Бисмарку удается, наконецъ, осуществить завѣтную мечту нѣмцевъ и именно силою крови и желѣза создать Германскую имперію. Впервые послѣ долгихъ вѣковъ слабости и политическаго униженія нѣмцы почувствовали себя могучей политической и военной силой. Послѣ

томъ, чтобы, завладѣвъ по возможности всѣмъ міромъ, добиться такимъ путемъ для себя продолжительнаго мирнаго состоянія. Но природа не хочетъ этого. Двумя средствами пользуется она для того, чтобы удерживать народы отъ смѣшенія и разъединять ихъ,—различіемъ языковъ и религій. Это различіе, конечно, влечетъ за собою склонность ко взаимной ненависти и поводъ къ войнѣ, однако, съ ростомъ культуры и при постепенномъ приближеніи людей къ большому согласію въ принципахъ, ведетъ къ согласію въ мирѣ, который осуществляется и обезпечивается не ослабленіемъ всѣхъ силъ, какъ деспотизмъ (на кладбищѣ свободы), но ихъ равновѣсіемъ въ живѣйшемъ соревнованіи“. *Кантъ*, Вѣчный миръ (рус. пер. подъ ред. гр. Камаровскаго, 1905 г.), стр. 39—40. Въ этомъ трактатѣ находятъ себѣ самое рѣзкое осужденіе и всѣ приемы веденія войны, допускаемые теперъ Германіей.

франко-прусской войны, отчасти на основахъ богатой кон-трибуціи, взятой съ Франціи, быстро развивается промыш-ленная и торговая мощь Германіи, такъ что эта страна, въ концѣ-концовъ, является опасной конкуренткой самой Ан-глии. На почвѣ этихъ быстрыхъ успѣховъ у нѣмцевъ на-чинаетъ кружиться голова; въ эту-то эпоху и развивается то самомнѣніе и та заносчивость, которая такъ восстано-вляетъ теперь весь свѣтъ противъ Германіи; все это явля-ется обычнымъ психическимъ состояніемъ выскочки. Психоло-гія современныхъ германцевъ напоминаетъ безсмертный типъ Θомы Θомича Опискина, съ такимъ мастерствомъ об-рисованный Достоевскимъ въ его повѣсти о „селѣ Степан-чиковѣ и его обитателяхъ“. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что, помимо заносчивости и самомнѣнія, нѣмцы отчасти страдаютъ бредомъ преслѣдованія. Такое совмѣщеніе психо-логически вполне возможно. Ихъ побѣды въ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ создали имъ много враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, такъ какъ, присоединяя завое-ванные земли, нѣмцы совершенно не считались съ желаніями присоединяемаго населенія, а центральное положеніе на территоріи Европы заставляетъ ихъ себя чувствовать по-стоянно окруженными врагами и завистниками ¹⁾. Уже это побуждало ихъ непрерывно вооружаться, а, вооружаясь, они проникались сознаниемъ своей мощи и сами становились не въ мѣру агрессивными. Результаты и сказались въ со-бытіяхъ 1914 года.

Въ интересахъ не только Германіи, но и всего человѣ-

¹⁾ Какъ указываютъ спеціалисты военного дѣла, это же центральное поло-женіе Германіи придало и военнымъ операціямъ жестокой характеръ „боя на уничтоженіе“: ведя войну на два фронта, Германія могла рассчитывать на успѣхъ только при полномъ уничтоженіи живой силы противника на одномъ фронтѣ, которое дало бы ей возможность затѣмъ свободно обрушиться на другой. Разъ Германія обратилась къ этому методу, то его *вынуждены* были принять и ея противники. См. *С. М-скій* въ „Рус. Вѣд.“ 1915 г., № 1. По мнѣнію этого автора этимъ въ значительной степени объясняется и герман-ская тактика „обхватовъ“, и „система короткихъ ударовъ“, и добиваніе ране-ныхъ, злоупотребленія бѣлыми флагами и краснымъ крестомъ, терроризирова-ніе населенія.

чества слѣдуетъ желать, чтобы событія послѣдняго времени отрезвили нѣмцевъ и излѣчили ихъ какъ отъ бреда величія, такъ и отъ бреда преслѣдованія. Въ такомъ случаѣ можно будетъ надѣяться, что Германія вновь обрѣтетъ утраченное ею идейное содержаніе культуры и поставитъ свои, дѣйствительно, большія формальныя силы на служеніе общечеловѣческимъ, а не узко-національнымъ цѣлямъ. Что же касается другихъ народовъ, то да послужитъ имъ примѣръ Германіи урокомъ на будущее. Германія заставляетъ насъ вспомнить этическихъ ученія древнихъ грековъ, которые уже обратили вниманіе на то, что величайшую опасность для человѣка представляетъ гордыня и заносчивость, то, что еще Гомеръ называетъ словомъ ὕβρις. Человѣкъ, подавшійся этой опасности, непременно погибаетъ, ибо своимъ поведеніемъ раздражаетъ боговъ и его караетъ Немезида. И эта теорія много разъ оправдывалась въ исторіи. Историческая Немезида, покаравшая Ксеркса и Алкивіада, Карла V и Филиппа II, Людовика XIV и Наполеоновъ, теперь занесла свою руку надъ Германіей и ея вдохновителемъ и выразителемъ, Вильгельмомъ II.

Итакъ, да не будемъ, какъ нѣмцы! Не забудемъ, что цѣнность культуры состоитъ не только въ развитіи ея формальной стороны, но и въ расширеніи ея идеаловъ, которыми опредѣляется содержаніе человѣческаго творчества. Только на почвѣ уваженія къ человѣческой личности всегда и вездѣ, на почвѣ уваженія къ чужимъ національностямъ, на почвѣ вселенской любви и правды возможна истинная культура, которая никогда при этихъ условіяхъ не превратится въ утонченное варварство. слѣдуетъ помнить также, что не однимъ холоднымъ, все расчленяющимъ и все мертвящимъ интеллектомъ живъ человѣкъ. Кромѣ истины рационалистической, которая далеко не есть полная истина, есть еще истина религіозная, моральная и мистическая, гораздо болѣе глубокая и теплая. И, если забыта эта истина, то самыя интеллектуальныя цѣнности теряютъ свой творческій характеръ и обращаются въ орудія смерти и раз-

рушенія. Не случайностью, конечно, является, что наиболѣе глубокихъ мистиковъ нашего времени создали тѣ страны, которыя теперь въ первыхъ рядахъ борются съ Германскимъ нашествіемъ: героическая Бельгія, подарившая человечеству Метерлинка ¹⁾, и величественная Россія, обогатившая людей Достоевскимъ и Толстымъ. Интересно отмѣтить, что эту сторону русской культуры въ послѣднее время начинаютъ цѣнить и другіе наши союзники. Напримѣръ, во время войны англійскіе литераторы обратились съ своимъ извѣстнымъ адресомъ къ русскимъ писателямъ ²⁾, а одинъ изъ самыхъ вдумчивыхъ беллетристовъ современной Англии—Уэллсъ, который въ своихъ прежнихъ романахъ вовсе не склоненъ былъ приписывать большое значеніе русской культурѣ, въ романѣ „Освобожденный міръ“, написанномъ передъ самой войной, очень видную роль въ будущей обновленной культурѣ Европы отводитъ именно русскому мистику. Будемъ надѣяться, что послѣ великаго потрясенія, постигшаго культурный миръ, сбудутся именно такія мечтанія и что культура сверхнарода будетъ побѣждена мощной и всеобъемлющей *культурой вселенской любви*.

В. М. Хвостовъ.

¹⁾ См. мою брошюру „Этика Метерлинка“, 1913 г.

²⁾ См. „Рус. Слово“ 1914 г. № 288.

Къ вопросу объ отношеніи между психологіей и культурой.

(Докладъ, читанный въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ
21 февраля 1915 года).

Въ 1909 году извѣстный голландскій психологъ Геймансъ при вступленіи въ должность ректора Гронингенскаго университета произнесъ рѣчь на тему «Будущій вѣкъ психологіи». ¹⁾ Противопоставляя минувшему вѣку естествознанія будущій вѣкъ психологіи, Геймансъ сдѣлалъ попытку въ самыхъ общихъ чертахъ отвѣтить на вопросъ, чего можемъ мы ждать отъ психологіи для нашей культуры.

Этотъ вопросъ, по его мнѣнію, подсказываетъ сама жизнь. Быстрое развитіе естествознанія и естественно-научной техники въ XIX вѣкѣ не оправдало возлагавшихся на него надеждъ. Чѣмъ обильнѣе притекали къ людямъ блага внѣшней культуры, тѣмъ глубже чувствовали они недостатки своей внутренней жизни, ея безсодержательность, беспорядочность, безцѣльность. Поэтому XIX вѣкъ былъ вѣкомъ, когда жили и пользовались большою популярностью пессимисты Шопенгауэръ и Гартманъ; когда литература и искусство въ самыхъ мрачныхъ краскахъ изображали окружающую жизнь;—былъ вѣкомъ безпокойныхъ исканій, безнадежнаго унынія, вѣкомъ неврастениковъ и самоубійць. ²⁾

Какъ же объяснить этотъ рѣзкій контрастъ? Почему одновременно съ пышнымъ расцвѣтомъ матеріальной культуры мы отмѣчаемъ такое сильное паденіе духовныхъ цѣнностей? Источникъ контраста Геймансъ видитъ въ одностороннемъ направле-

¹⁾ Я пользуюсь нѣмецкимъ переводомъ его рѣчи „Das künftige Jahrhundert der Psychologie“ von G. Heymans. 1911.

²⁾ Op. cit., стр. 13.

ни интересовъ научной техники. Степень достигаемаго въ жизни удовлетворенія зависитъ не только отъ среды, которая черезъ посредство органовъ чувствъ воздѣйствуетъ на человѣка, но также—и не въ меньшей мѣрѣ—отъ душевнаго склада самого человѣка, который испытываетъ это воздѣйствіе. А между тѣмъ, все вниманіе естественно-научной техники сосредоточивалось на усовершенствованіи матеріальныхъ условій нашей жизни, психическій же факторъ ея оставался въ тѣни.

Вредныя послѣдствія такой односторонности научно-техническихъ интересовъ особенно чувствуются въ настоящее время. Жизнь стала сложнѣе, она предъявляетъ къ современному человѣку все болѣе высокія требованія. Чтобы удовлетворить имъ, чтобы найти свое мѣсто въ жизни, нужно хорошо знать себя, свои психическія достоинства и недостатки. Но мы, въ большинствѣ случаевъ, беспомощно блуждаемъ въ собственной душѣ, не имѣя въ своемъ распоряженіи никакого плана, который помогъ бы намъ найти выходъ изъ душевныхъ сомнѣній и заблужденій при рѣшеніи самыхъ важныхъ житейскихъ вопросовъ: при выборѣ профессіи, образа жизни, соціальной среды и т. п. Еще меньше мы знаемъ другихъ людей. А такъ какъ съ усложненіемъ жизни все больше дифференцируются окружающіе насъ люди,—наши ошибки въ пониманіи ихъ и въ обращеніи съ ними становятся все болѣе грубыми. Такимъ образомъ нарушается гармонія совмѣстной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ появляется и неудовлетворенность. Все болѣе непонятнымъ, наконецъ, становится для насъ и основной смыслъ жизни. Религіозныя воззрѣнія постепенно теряютъ свою власть надъ нами, но въ то же время не появляется ничего, что могло бы ихъ замѣнить, могло бы придать жизни тотъ смыслъ, который въ теченіе тысячелѣтій давала ей религія. ¹⁾

Какой же выходъ изъ создававшагося грознаго положенія? Что предпринять? Не должны ли мы бороться съ духомъ времени, не должны ли вернуться къ прежней простотѣ жизни и воскресить отжившія міровоззрѣнія? Можно съ увѣренностью утверждать, по мнѣнію Гейманса, что ни одно мощное умственное движеніе никогда не удавалось удержать искусственными средствами.—Естественнымъ же средствомъ борьбы съ упадкомъ или—въ лучшемъ

¹⁾ Op. cit., стр. 18—23.

случаѣ—съ застоємъ духовной культуры, онъ считаетъ лишь перенесеніе центра научнаго интереса съ внѣшняго міра явленій на внутренній, съ матеріальной среды на душевную жизнь человѣка. При всѣхъ попыткахъ улучшенія жизни нужно помѣщать точку приложенія силы не во внѣшнюю среду, а въ воспринимающую и реагирующую личность. ¹⁾ Не внѣ человѣка, а въ немъ самомъ залогъ истиннаго развитія культуры.

Исторія не разъ уже доказывала,—возразить на это,—что мы не въ состояніи измѣнить человѣческую природу; всѣ попытки подобнаго рода нужно считать обреченными на полную неудачу.—Геймансъ предвидитъ эти возраженія и вполне согласенъ съ тѣмъ, что всѣ попытки, опирающіяся на назидательныя поученія и тому подобныя приемы, къ которымъ постоянно прибѣгали проповѣдники внутренняго обновленія, совершенно безнадежны. По его мнѣнію, новая постановка старой проблемы должна быть построена именно на увѣренности, что успѣхи научной психологіи приведутъ насъ къ лучшей психологической технику, чѣмъ назидательныя поученія; ²⁾ что настанетъ время, когда психологія выйдетъ изъ тѣснаго круга чисто теоретическихъ интересовъ для служенія интересамъ жизни; настанетъ время, когда свѣтъ прикладнаго психологическаго знанія проникнетъ въ самые тайники человѣческой личности и будетъ освѣщать ей путь къ достиженію высшихъ культурныхъ цѣнностей. Въ этомъ насъ убѣждаетъ исторія развитія естественныхъ наукъ. Вѣдь за каждой побѣдой естествознанія слѣдовало триумфальное шествіе естественно-научной техники. Нѣтъ никакого основанія думать, что успѣхи научной психологіи не дадутъ отвѣта на запросы практической жизни.

Но когда же наступитъ этотъ вѣкъ психологіи, а вмѣстѣ съ нимъ и золотой вѣкъ духовной культуры? Чувствуетъ ли научная психологія себя уже въ настоящее время настолько зрѣлой, чтобы не бояться открыть широкій доступъ въ свои лабораторіи проблемамъ практической жизни, или же она еще долго будетъ строго соблюдать обѣтъ отреченія отъ міра?—Геймансъ относитъ этотъ вѣкъ психологіи къ неопредѣленному будущему. Онъ позволяетъ себѣ заглянуть въ это будущее не среди повседнев-

1) Op. cit., стр. 15.

2) Op. cit., стр. 16.

ной научной работы, а лишь въ торжественный день академическаго праздника. Онъ не ищетъ еще въ этомъ предполагаемомъ будущемъ точныхъ директивъ для постановки текущихъ психологическихъ изслѣдованій, но уносится въ него пока однимъ лишь воображеніемъ, чтобы въ сознаніи высокаго культурнаго назначенія научной психологіи почерпнуть воодушевленіе для предстоящей работы. ¹⁾

Болѣ рѣшительную позицію занимаетъ въ этомъ вопросѣ американскій психологъ, профессоръ Гарвадскаго университета Мюнстербергъ, въ особенности въ своемъ послѣднемъ большомъ трудѣ, посвященномъ принципиальному и фактическому обоснованію прикладной психологіи. ²⁾ Этотъ трудъ Мюнстерберга—не популярная рѣчь для широкой публики, какъ у Гейманса, а специальное изслѣдованіе основъ новой науки, предназначенное для настоящихъ и будущихъ ея дѣятелей; для Мюнстерберга, далѣе, прикладная психологія—наука не будущаго, а настоящаго, для него она больше чѣмъ отвлеченное требованіе, больше, чѣмъ простая совокупность разрозненныхъ стремленій подчинить практическую жизнь указаніямъ теоретическаго изслѣдованія, больше, чѣмъ чисто внѣшнее сопоставленіе данныхъ прикладной психологіи, полученныхъ въ различныхъ областяхъ культурной дѣятельности,—для него это внутренне единая всеобъемлющая наука, которая развивается, при этомъ, въ силу условій своего собственнаго роста. ³⁾

Главнымъ образомъ въ упомянутомъ трудѣ, отчасти и въ другихъ, болѣ раннихъ произведеніяхъ, Мюнстербергъ рассматриваетъ преимущественно принципиальныя основанія новой науки, считая болѣ важной задачей въ настоящее время правильную постановку проблемъ, чѣмъ поспѣшное разрѣшеніе ихъ. При этомъ, дѣлая обзоръ методовъ, примѣнявшихся при психологическихъ изслѣдованіяхъ въ различныхъ областяхъ культурной дѣятельности, и полученныхъ уже результатовъ, онъ рассматри-

¹⁾ Op. cit., стр. 10.

²⁾ Grundzüge der Psychotechnik, von Hugo Münsterberg. 1914. Въ послѣдующихъ ссылкахъ я обозначаю этотъ трудъ римской цифрой I; цифрой II—другой трудъ: „Психологія и экономическая жизнь“ (переводъ съ нѣмецкаго. 1914 г.) и цифрой III—„Психологія и учитель“ (переводъ съ англійскаго).

³⁾ Ц, стр. 19.

ваетъ и методы и результаты лишь какъ первыя попытки и примѣры возможныхъ научныхъ изслѣдованій, которые пока должны указать только новыя пути развитія культуры, предъявить новыя требованія къ экспериментальной психологiи, предварительно установивъ ихъ принципиальную правомѣрность, и выяснитъ новыя возможности совмѣстной научной работы въ интересахъ культуры психологовъ и представителей практической дѣятельности. ¹⁾ Онъ прекрасно сознаетъ, что въ настоящее время во многихъ случаяхъ ожиданія и надежды должны еще занимать мѣсто точно установленныхъ фактовъ и предписаній; что не время еще писать универсальные рецепты, а нужно сдѣлать лишь первый опытъ, предоставить въ широкихъ размѣрахъ въ распоряженіе могущественнаго механизма культурной дѣятельности новыя, еще не испытанныя средства. ²⁾ И этотъ первый опытъ онъ дѣлаетъ въ надеждѣ, что такая постановка вопроса не оттолкнетъ отъ новой области научнаго изслѣдованія, а, наоборотъ, подниметъ къ ней интересъ и привлечетъ новыя рабочія силы.

Исходя изъ тѣхъ же побужденій и надеждъ, я имѣю въ виду въ настоящемъ докладѣ познакомить со взглядами Мюнстерберга на предметъ, источники, задачи и методы прикладной психологiи, а также на ея положеніе среди нѣкоторыхъ другихъ научныхъ дисциплинъ.

Прикладная психологiя охватываетъ всѣ области, въ которыхъ можно использовать данныя научнаго изслѣдованія душевной жизни въ интересахъ культуры. А эти послѣднія можетъ использовать и учитель, чтобы развить умъ, чувство и волю ребенка; и адвокатъ, чтобы расположить присяжныхъ въ пользу подсудимаго; и проповѣдникъ, чтобы разбудить заснувшую совѣсть паствы; и врачъ, чтобы воздѣйствовать на нервную систему пациента; и купецъ, чтобы привлечь къ своимъ товарамъ вниманіе публики; и фабрикантъ, чтобы вызвать большее напряженіе у рабочихъ; и политикъ, чтобы получить одобреніе своей политической программы у избирателей; и естествоиспытатель, чтобы поставить наблюденіе въ безупречныя психическія условія; и художникъ, чтобы эстетически воздѣйствовать на душу слушателя

¹⁾ Ц, стр. 37; I, стр. VI.

²⁾ Ц, стр. 27.

или зрителя и т. д. ¹⁾ Но чтобы быть въ состояніи вызывать или регулировать душевные процессы у себя или у другихъ людей, мы должны точно знать, какіе душевные процессы имѣются въ виду въ томъ или иномъ случаѣ и какъ на нихъ слѣдуетъ воздѣйствовать. А для того, чтобы установить условія, при которыхъ психическое воздѣйствіе вѣрнѣ всего достигаетъ своей цѣли, необходимо очень основательное и точное научное изслѣдованіе. Не меньшую роль могутъ играть данныя научной психологіи и въ томъ случаѣ, когда для насъ важно просто предвидѣть наступленіе тѣхъ или иныхъ явленій душевной жизни. И въ томъ и въ другомъ случаѣ необходимо знаніе не только общихъ законовъ сознанія, но и данныхъ групповой психологіи, а нерѣдко требуется, сверхъ того, еще индивидуально-психологическое изслѣдованіе.

Въ зависимости отъ особенныхъ условій отдѣльныхъ видовъ культурной дѣятельности и задачи, которыя стоятъ передъ прикладной психологіей, носятъ отчасти специфическій характеръ. Чтобы не быть голословнымъ, я укажу точки соприкосновенія психологіи съ нѣсколькими областями культурной дѣятельности. При этомъ, я нахожу излишнимъ останавливаться на характеристкѣ проблемъ, которыя могутъ быть разрѣшены при помощи психологіи въ области воспитанія. Необходимость тѣсной связи между научной психологіей и педагогической дѣятельностью пользуется въ настоящее время почти всеобщимъ признаніемъ. Что же касается принципиальныхъ выводовъ, то они будутъ носить общій характеръ, такъ что легко можно будетъ распространить ихъ и на такъ называемую «экспериментальную педагогику».

Не меньшимъ признаніемъ пользуется прикладная психологія и у психіатровъ. Среди средствъ, которыми пользуются психіатры для анализа ненормальной душевной жизни своихъ паціентовъ, данныя научной психологіи занимаютъ и теперь уже весьма почетное мѣсто. Мюнстербергъ указываетъ, однако, на то, что не только психіатръ, но и всякій клиницистъ вноситъ въ свою практику нѣкоторую долю психологіи. Онъ нерѣдко старается проникнуть въ сознаніе больного и оказать на него вліяніе. Для этого до сихъ поръ врачъ принужденъ былъ пользоваться самодѣльной психологіей, которая оперируетъ съ самыми тривіальными

¹⁾ I, стр. 6.

психологическими понятіями. 1) А между тѣмъ, для предохраненія отъ болѣзней, распознаванія и лѣченія ихъ можно было бы использовать и данныя научной психологіи.

Въ значительной мѣрѣ новой, но въ то же время чрезвычайно важной областью культурной дѣятельности, гдѣ, по мнѣнію Мюнстерберга, психологіи суждено сыграть, можетъ быть, рѣшающую роль, является сфера хозяйственной жизни. Въ современной хозяйственной жизни научную работу сосредоточили на товарахъ, машинахъ, средствахъ сообщенія и тому подобныхъ физическихъ условіяхъ ея успѣха, и оставили совершенно безъ вниманія то обстоятельство, что нигдѣ хозяйственная работа не производится безъ участія въ ней людей, психофизическій аппаратъ которыхъ, несомнѣнно, нужно изслѣдовать и учитывать въ интересахъ хозяйственной жизни не въ меньшей степени, чѣмъ физическія условія ея. Вѣдь психофизическіе и психические процессы входятъ въ качествѣ неотъемлемой составной части въ механизмъ хозяйственной дѣятельности. И научное изслѣдованіе техническихъ, гигиеническихъ и экономическихъ сторонъ этой дѣятельности, безусловно, весьма важное само по себѣ, не можетъ, однако, служить замѣной анализа психическихъ условій. 2)

Всѣ отрасли хозяйственной дѣятельности предъявляютъ требованіе, чтобы для каждаго дѣла подыскивались подходящіе люди. Средствами отбора служатъ экзаменныя барьеры, свидѣтельства о прежней дѣятельности или же просто личное впечатлѣніе. Этими средствами можно обезпечить лишь исключеніе весьма неспособныхъ индивидуумовъ для той или другой дѣятельности, да и то, не отдавая себѣ отчета, почему они именно неспособны. О дѣйствительномъ же приспособленіи индивидуумовъ къ необозримому разнообразію хозяйственныхъ задачъ не можетъ быть и рѣчи. Даже въ лучшемъ случаѣ, всѣ характеристики свидѣтельствъ относятся, по преимуществу, къ приобрѣтеннымъ свѣдѣніямъ и навыкамъ, а не къ природнымъ дарованіямъ и недостаткамъ 3). Нельзя въ этихъ случаяхъ руководиться, собственно, и личнымъ удовлетвореніемъ, которое испытываетъ работающій индивидуумъ, такъ какъ оно далеко не всегда сви-

1) Ц, стр. 17.

2) I, стр. 221, 359; II, стр. 22.

3) Ц, стр. 43—44.

дѣлаетъ о высокой продуктивности его труда, къ достиженію которой должна стремиться хозяйственная жизнь. Совершенно не обоснованной нужно считать и вѣру въ то, что природныя наклонности человѣка сами направляются въ то русло жизни, которое наиболѣе соотвѣтствуетъ его психическимъ особенностямъ и психофизиологическимъ предрасположеніямъ. Какъ удовлетворенію своей дѣятельности, такъ и интересу нельзя придавать рѣшающаго значенія, такъ какъ онъ часто обуславливается побочными обстоятельствами: личностью учителя, методомъ преподаванія, вліяніемъ окружающей среды, семейными традиціями и т. п. ¹⁾ Ни одинъ молодой человѣкъ не знаетъ своихъ силъ и недостатковъ: подобно дальтонизму, остается незамѣченной для него слабость вниманія, памяти, сужденія, воли и т. п. Не знаетъ онъ и тѣхъ требованій, которыя предъявить къ его психикѣ избираемая имъ дѣятельность. Выборъ профессіи обуславливается, обыкновенно, мимолетной склонностью или случайнымъ увлеченіемъ, простымъ подражаніемъ или надеждой на быструю выгоду, случайной рекомендаціей или просто удобствомъ. Для такого выбора профессіи нѣтъ никакого внутренняго оправданія. Вѣдь потребность подыскивать подходящихъ людей для извѣстной дѣятельности и подходящій трудъ для каждаго человѣка свидѣтельствуетъ о томъ, что исполненіе работы больше всего зависитъ отъ личнаго фактора, отъ индивидуальныхъ особенностей, которыя не могутъ быть измѣнены однимъ стараніемъ или продолжительнымъ опытомъ. Ошибки, порожденныя такимъ случайнымъ выборомъ профессіи, оказываются часто непоправимыми. Когда впоследствии открываются глаза на несоотвѣтствіе между психическими способностями и требованіями профессіи, то часто бываетъ уже поздно. Человѣкъ устремился уже по фарватеру опредѣленной профессіи, затратилъ много силъ на подготовку къ данной дѣятельности; не хватаетъ больше энергіи еще разъ ломать весь строй своей жизни и приниматься за новое дѣло. При томъ, вѣдь и новыя попытки приходится предпринимать при тѣхъ же случайныхъ условіяхъ, не приобрѣтя изъ горькаго опыта никакихъ знаній о своихъ положительныхъ качествахъ и тѣмъ болѣе о психическихъ требованіяхъ какой-нибудь другой профессіи ²⁾.

¹⁾ II, стр. 44.

²⁾ II, стр. 45, 47, 120—121.

Въ результатѣ такого безвыходнаго положенія утрачивается вѣра въ свои силы и въ свою социальную пригодность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и желаніе работать. И въ этомъ положеніи можетъ оказаться всякій. Вѣдь даже гимназистъ въ концѣ періода обученія по большей части случайно рѣшаетъ, будетъ ли онъ врачомъ, юристомъ, учителемъ и т. д. Еще въ большей мѣрѣ, конечно, бываетъ случайнымъ выборъ профессіи тамъ, гдѣ имѣется налицо всего лишь низшее образованіе. Соціальная статистика показываетъ съ ужасающей несомнѣнностью, какое бремя и опасность грозитъ общественному организму со стороны огромнаго множества вытѣсненныхъ изъ круга своей дѣятельности и поэтому отчаявшихся и озлобленныхъ. Между тѣмъ, при иной постановкѣ дѣла, быть можетъ, каждому, въ концѣ-концовъ, нашлось бы подходящее мѣсто, и каждый успѣшно могъ бы дѣлать свое дѣло, а слѣдовательно каждому могли бы улыбнуться и внѣшній успѣхъ и внутреннее удовлетвореніе ¹⁾).

Въ частности, къ мысли о необходимости психологическаго подбора рабочихъ приводитъ и популярное въ Америкѣ движеніе въ пользу научнаго руководства промышленными предприятиями. Стремясь къ повышенію производительности труда, представители этого движенія нашли возможнымъ осуществить его путемъ измѣненій въ раздѣленіи труда и путемъ преобразования самого труда, его методовъ, средствъ, условій. Очень скоро выяснилось, однако, что для особыхъ формъ труда пригодны далеко не всѣ рабочіе. Эти новыя формы труда потребовали значительнаго осложненія индивидуальной дѣятельности рабочаго, а простое побужденіе къ ней воли оказалось психологически ложнымъ, вело лишь къ напрасной растратѣ психофизической энергіи ²⁾).

Къ тому же выводу приводитъ и разсмотрѣніе самихъ орудій хозяйственной дѣятельности. Ни одна машина, съ которой долженъ работать человѣкъ, не можетъ выйти побѣдительницей изъ борьбы за техническое существованіе,—говоритъ Мюнстербергъ,—если она не будетъ въ достаточной степени приспособлена къ психофизическому аппарату рабочаго, къ его нервной и мышечной системѣ, къ возможностямъ воспріятія, вниманія,

¹⁾ II, стр. 48—50.

²⁾ II, стр. 64; I, стр. 371.

памяти, воли и т. п. ¹⁾. Исторія технических усовершенствованій показываетъ, по мнѣнію Мюнстерберга, что эти послѣднія, и безъ планомѣрнаго психологическаго изслѣдованія, всегда обусловливались, въ концѣ-концовъ, психическими моментами ²⁾. Какъ индивидуальныя особенности человѣка должны стоять въ соотвѣтствіи съ внутренними требованіями того вида хозяйственной дѣятельности, которому онъ отдаетъ свои силы, такъ и орудія производства, въ свою очередь, должны гармонировать съ общими или индивидуальными психическими условіями ея. Напримѣръ, особенности вниманія могутъ опредѣлять наиболѣе цѣлесообразное расположеніе отдѣльныхъ частей аппарата, темпъ психической дѣятельности можетъ опредѣлять скорость хода машины и т. д.

Иногда въ хозяйственной жизни самая простая, на первый взглядъ, отношенія таятъ въ себѣ сложныя психологическія проблемы. Такъ, принято думать, что однообразіе работы является бичемъ живого интереса къ ней. Между тѣмъ факты говорятъ, что многіе изъ рабочихъ находятъ интересной для себя самую, казалось бы, однообразную дѣятельность. Одной женщинѣ приходилось около 13000 разъ въ день заворачивать электрическія лампочки, и, по ея словамъ, у нея всегда было что-нибудь новое: то она лампочку не такъ возьметъ, то бумагу, то сама упаковка ей не задается, то она себя чувствуетъ бодрѣе, то работа у нея подвигается медленнѣе—словомъ, всегда есть надъ чѣмъ-нибудь подумать ³⁾. Съ другой стороны, встрѣчалось немало рабочихъ, трудъ которыхъ представлялся постороннему дѣйствительно интереснымъ и разнообразнымъ, сами же они жаловались на скуку и монотонность фабричной работы. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что чувство однообразія гораздо меньше зависитъ отъ характера работы, чѣмъ отъ психическихъ особенностей работающаго индивидуума ⁴⁾.

Можно ограничиться приведенными уже соображеніями, чтобы имѣть право утверждать, что научная психологія найдетъ въ хозяйственной жизни чрезвычайно широкое поприще для приложенія своихъ выводовъ и методовъ, и что психическіе факторы въ

¹⁾ II, стр. 151.

²⁾ II, стр. 154.

³⁾ II, стр. 181.

⁴⁾ II, стр. 183.

хозяйственной дѣятельности заслуживаютъ отнюдь не меньшаго вниманія, чѣмъ ея внѣшнія, физическія условія.

Не менѣе благодарной для прикладной психологіи можно считать, далѣе, сферу судебной дѣятельности. И здѣсь можно намѣтить цѣлый рядъ проблемъ, при разрѣшеніи которыхъ психологіи должно принадлежать очень видное мѣсто. Во-первыхъ, законодатель долженъ знать психическій механизмъ судьи и присяжныхъ, чтобы имѣть возможность предвидѣть, какое дѣйствіе произведутъ его установленія въ народной жизни ¹⁾. То же самое можно сказать о выборѣ и примѣненіи наказаній. Законодатель и здѣсь стоитъ передъ психологическими проблемами. Наказаніе, какъ средство устрашенія, относится къ чисто психологической области. Требуется весьма тщательное разсмотрѣніе психическихъ факторовъ, чтобы получить увѣренность, что наказаніе, дѣйствительно, предохранитъ отъ преступленій въ будущемъ. Противоположность между одиночнымъ и совмѣстнымъ заключеніемъ, напримѣръ, изобилуетъ индивидуальнопсихологическими проблемами. Для однихъ одиночное заключеніе будетъ дѣйствительнымъ наказаніемъ, другихъ же оно, вслѣдствіе ихъ легкой возбудимости, избавитъ отъ постоянныхъ недоразумѣній. Опасность криминальной инфекции при совмѣстномъ заключеніи неодинаково велика для различныхъ типовъ преступниковъ ²⁾.

Чрезвычайно важныя услуги можетъ оказать психологія при анализѣ свидѣтельскихъ показаній. Положимъ, что изъ двухъ свидѣтелей сцены, которая интересуетъ судъ, одинъ обстоятельно расскажетъ содержаніе слышаннаго имъ разговора, но окажется не въ состояніи описать внѣшность разговаривавшихъ; другой же съ мельчайшими подробностями опишетъ ихъ одежду, цвѣтъ лица, волосы, ростъ и т. п., но не сумѣетъ передать разговора. Если мы, теперь, посредствомъ психологическаго испытанія установимъ, что первый свидѣтель принадлежитъ къ лицамъ зрительнаго типа представленія, а второй къ лицамъ слухового типа, то различіе ихъ показаній мы признаемъ вполне естественнымъ; если же мы установимъ обратное распредѣленіе типовъ представленія, то въ правѣ будемъ подозрѣвать свидѣ-

¹⁾ I, стр. 460.

²⁾ I, стр. 468, 526.

телей въ неискренности ихъ показаній и придавать этимъ послѣднимъ иное, чѣмъ въ первомъ случаѣ, практическое значеніе ¹⁾).

Уже на этомъ простомъ примѣрѣ можно ясно видѣть, что въ судебномъ дѣлѣ положительно нельзя обойтись безъ помощи психологіи. Въ дѣйствительности, къ ней всегда и прибѣгали. Опредѣлялъ ли судья мотивы преступленія, критиковалъ ли адвокатъ или прокуроръ показанія свидѣтелей; опредѣлялъ ли законодатель характеръ и размѣры наказанія,—всегда приходилось обращаться за совѣтомъ къ даннымъ популярной психологіи или къ своему внутреннему опыту. Но едва ли можно возражать противъ того, что правильнѣе въ этихъ случаяхъ вмѣсто указаній популярной психологіи и случайнаго личного опыта пользоваться результатами научныхъ психологическихъ изслѣдованій и испытаній ²⁾).

Нельзя, далѣе, исключить изъ сферы вліянія научной психологіи и вопросы художественнаго творчества, научной дѣятельности и многіе другіе. Что касается первой области, то задачу психологіи здѣсь Мюнстербергъ видитъ не въ развитіи искусства ради него самого, но въ усиленіи, углубленіи, обогащеніи и расширеніи эстетическаго удовольствія, которое доставляютъ произведенія искусства ³⁾. Въ дѣйствительности, психологическими данными и въ настоящее время художникъ пользуется не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ другими техническими свѣдѣніями, и весь вопросъ лишь въ болѣе планомѣрномъ и сознательномъ примѣненіи психологіи.

Въ области же науки, по мнѣнію Мюнстерберга, прикладная психологія можетъ имѣть значеніе прежде всего постольку, поскольку она указываетъ научному изслѣдованію психическіе источники ошибокъ. Вѣдь какъ ни сторонится, напримѣръ, естествознаніе психологіи, какъ ни старается оно при собраніи научнаго

¹⁾ I, стр. 484.

²⁾ I, стр. 485.

³⁾ I, стр. 602. Въ другихъ мѣстахъ этой книги Мюнстербергъ выразительно ограничиваетъ поле примѣненія психологіи въ области искусства: она не можетъ, конечно, создавать художниковъ, она указываетъ только пути къ наиболѣе рациональному достиженію тѣхъ цѣлей, которыя поставилъ себѣ художникъ; съ другой стороны, за-то, она и стѣсняетъ художественное творчество ен больше, чѣмъ чисто техническія правя ещ обращенія съ красками, камнемъ и другими матеріалами (I, стр. 610).

матеріала устранить вмѣшательство субъективнаго фактора, замѣняя для этой цѣли показанія органовъ чувствъ показаніями очень чувствительныхъ аппаратовъ,—въ лучшемъ случаѣ, ему удастся лишь создать благопріятныя условія для чувственного воспріятія, но не исключить его совершенно, такъ какъ всегда дѣло сводится къ переводу показаній съ менѣе надежнаго органа чувствъ на болѣе надежный ¹⁾. Къ тому же, наблюденіе вѣдь не исчерпывается чувственнымъ воспріятіемъ. Поэтому самымъ рациональнымъ обезпеченіемъ достовѣрности научнаго матеріала должно быть устраненіе или точный учетъ источниковъ ошибокъ психическаго или психофизическаго происхожденія. А для этого необходима систематическая помощь психологіи, необходима не менѣе, чѣмъ помощь естественно научной техники при конструціи научныхъ аппаратовъ ²⁾.

Несомнѣнно, что еще шире можетъ быть поле дѣйствія прикладной психологіи въ тѣхъ научныхъ областяхъ, гдѣ субъективный факторъ играетъ почти исключительную роль, слѣдовательно, прежде всего, въ самой теоретической психологіи. Если мы желаемъ, чтобы результаты самонаблюденія были свободны, напри- мѣръ, отъ ошибокъ, которыя вытекаютъ изъ особенностей психики испытуемаго, мы должны стремиться къ тщательному ознакомленію съ индивидуальнымъ душевнымъ складомъ этого испытуемаго ³⁾.

Въ историческихъ наукахъ къ весьма интереснымъ выводамъ можетъ привести психологическая критика источниковъ. Такъ, мы склонны думать, что, если всѣ источники согласно утверждаютъ или отрицаютъ какой-нибудь историческій фактъ, такое согласіе можно считать гарантіей правильности соответствующихъ показаній. Подъ впечатлѣніемъ же нѣкоторыхъ психологическихъ данныхъ, однако, вполне возможнымъ представляется

¹⁾ Такъ, если мы теплоту опредѣляемъ посредствомъ термометра, то вмѣсто температурныхъ ощущеній пользуемся зрительными.

²⁾ Мюнстербергъ сообщаетъ (I, стр. 675—676) объ опытахъ астронома Ньюкомба, который посредствомъ психологическихъ экспериментовъ установилъ, что темныя линіи, видимыя на Марсѣ, отчасти субъективнаго происхожденія. Самъ Ньюкомбъ высказываетъ пожеланіе, чтобы въ будущемъ прежде, чѣмъ дѣлать выводы изъ аналогическихъ наблюденій, посредствомъ особенныхъ экспериментовъ устанавливали индивидуальныя психическія тенденціи наблюдателей.

³⁾ I, стр. 720.

вопросъ, не переоцѣнивается ли достовѣрность такихъ источниковъ. Психологическія лабораторіи, говоритъ Мюнстербергъ, съ разныхъ сторонъ сообщаютъ о томъ, что теченію душевныхъ процессовъ въ высокой степени присущъ типическій характеръ, такъ что и у весьма различныхъ индивидуумовъ при извѣстныхъ условіяхъ могутъ появиться одинаковыя ошибки, иллюзіи и ложныя истолкованія... Въ одномъ и томъ же специальномъ кругу одинаковыя ассоціаціи нерѣдко выходятъ за предѣлы всякой объективной вѣроятности ¹⁾.

Спорадически указанные выше точки соприкосновенія между научной психологіей и культурной дѣятельностью человѣка затрогиваютъ достаточно разнообразныя области этой дѣятельности для того, чтобы дать представленіе о силѣ и широтѣ возможнаго вліянія прикладной психологіи на развитіе культуры. Неограниченной сферу этого вліянія считать, однако, нельзя, и вотъ почему. Оно опредѣляется, конечно, той первенствующей ролью, которую играетъ въ этомъ развитіи культуры человѣческое сознаніе—предметъ научной психологіи. Но, по мнѣнію Мюнстерберга, было бы въ высшей степени ошибочнымъ думать, что всякое воззрѣніе на душевную жизнь можетъ быть включено въ кругъ понятій психологіи. Человѣческое мышленіе, чувствованіе, хотѣніе можетъ быть разсматриваемо съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія, но только одна изъ нихъ имѣетъ значеніе для научной психологіи. Отъ психологіи въ научномъ смыслѣ слова мы должны требовать, именно, чтобы она разсматривала душевную жизнь, какъ нѣкоторое содержаніе сознанія, которое должно быть разложено на свои составныя части и изслѣдовано въ отношеніи его причинъ и слѣдствій. И наоборотъ, передъ нами отнюдь не научная психологія, если въ ней идетъ рѣчь о сущности и внутреннихъ взаимоотношеніяхъ, о значеніи и цѣнности душевныхъ явленій. Съ научной психологіей мы имѣемъ дѣло лишь тамъ, гдѣ душевныя явленія: воспріятія, воспоминанія, чувства и т. п. понимаются какъ объекты, передъ которыми сознаніе стоитъ въ роли размышляющаго пассивнаго зрителя. Какъ и всѣ объекты, они допускаютъ лишь вопросъ о томъ, каковы ихъ составныя части и какъ эти по-

¹⁾ I, стр. 705.

слѣдніа связаны между собою, каковы, далѣе, вызывающія ихъ причины и вызванныя ими дѣйствія ¹⁾).

Итакъ, психологъ разсматриваетъ душевную жизнь какъ содержаніе сознанія и считаетъ своей задачей отыскать элементы этого содержанія и установить управляющіе ими законы. Его исключительной задачей, такимъ образомъ, нужно считать описаніе и объясненіе этихъ психологическихъ объектовъ, при чемъ объясненіе носить фізіологическій характеръ. Рѣшающимъ же основаніемъ въ силу котораго эта причинная психологія должна видѣть въ психическихъ процессахъ явленія, сопровождающія фізіологическіе нервные процессы, протекающіе въ мозгу, служитъ невозможность понять, какъ одно представленіе вызываетъ другое, какъ оно возбуждаетъ чувство или влечетъ за собою волевой актъ. Функціи же нервной системы подчиняются законамъ причинности. Именно для того, чтобы хоть косвенно получить причинныя взаимоотношенія для психическихъ процессовъ, мы должны построить такую теорію, которая признавала бы параллелизмъ между психическими и нервно-мозговыми явленіями. Въ этомъ смыслѣ послѣдовательность и распредѣленіе состояній мозга объясняютъ порядокъ психическихъ процессовъ ²⁾).

Кто же доискивается не составныхъ частей и причинъ душевныхъ явленій, въ указанномъ выше пониманіи, а ихъ смысла, кто интересуется ихъ внутренними, чисто духовными взаимоотношеніями и цѣнностью ихъ, тотъ выходитъ за предѣлы собственно научной психологіи и переходитъ въ область телеологической психологіи, которая лишь интерпретируетъ душевную жизнь и старается понять ее какъ связь значеній и цѣлей ³⁾).

Съ этими двумя точками зрѣнія на душевную жизнь мы постоянно встрѣчаемся въ повседневной жизни. Если я вижу на улицѣ незнакомаго ребенка, — говоритъ Мюнстербергъ, — который странно ведетъ себя, и подозреваю поэтому, что передо мною душевно-больной, я сразу невольно становлюсь въ положеніе наблюдателя, въ положеніе объясняющаго психолога. Я наблюдаю его особыя психическія черты, выдѣляю отдѣльныя функціи, подмѣчаю, какъ вліяютъ различныя условія на эмоціи, чувство-

¹⁾ II, стр. 21.

²⁾ I, стр. 162.

³⁾ II, стр. 25, 287.

ванія и представленія ребенка, и считаю своей обязанностью слѣдить за его поведеніемъ съ научной тщательностью. Въ другомъ случаѣ, я представляю себѣ, какъ я говорю со своимъ собственнымъ ребенкомъ, умственно вполне здоровымъ, здѣсь, въ своей комнатѣ, и моя отцовская любовь заставляетъ меня радоваться счастью юной души. Какъ бессмысленно показалось бы мнѣ наблюдать эту душу и расчленять ее на ея различныя части. Мое теплое чувство схватываетъ всю маленькую личность, какъ одно цѣлое, и я испытываю эмоцію вмѣстѣ съ нею. Въ первомъ случаѣ мы видимъ отношеніе ученаго, во второмъ жизненное отношеніе; въ первомъ—безстрастное наблюденіе, во второмъ—личную заинтересованность; въ первомъ—объясненіе, во второмъ—оцѣнку; въ первомъ—исканіе причинъ и слѣдствій, во второмъ—пониманіе единства намѣреній ¹⁾.

Какая же изъ этихъ точекъ зрѣнія существенна для прикладной психологіи?—Психологія можетъ быть практически полезной, по мнѣнію Мюнстерберга, только въ томъ случаѣ, когда опредѣленныя, почему-либо намѣченныя дѣйствія, благодаря психологическому знанію, могутъ быть связаны съ ихъ причинами. Поэтому для прикладной психологіи имѣетъ значеніе только та точка зрѣнія, которая интересуется причинными связями ²⁾. Собственно говоря, только прикладная психологія и убѣждаетъ въ необходимости, а слѣдовательно и въ законности такой искусственной, далекой отъ жизни точки зрѣнія на душевную жизнь ³⁾. Возможность для прикладной психологіи использовать лишь одну точку зрѣнія, однако, принципиально не ограничиваетъ еще сферы примѣненія психологіи въ жизни; именно потому, что, по мнѣнію Мюнстерберга, каждое душевное явленіе можетъ быть разсматриваемо и съ той и съ другой точки зрѣнія, и въ качествѣ цѣпи

¹⁾ III, стр. 83.

²⁾ I, стр. 14.

³⁾ Этой искусственной точкѣ зрѣнія Мюнстербергъ придаетъ большое практическое значеніе. Онъ считаетъ даже, что побѣда современной педагогической психологіи въ томъ именно и заключается, что она не захотѣла довольствоваться точкой зрѣнія повседневной жизни и создала свой совершенно своеобразный методъ изслѣдованія. Процессы въ дѣтской душѣ и въ сознаніи учителя были проанализированы и объяснены при помощи методовъ лабораторной психологіи, и тѣмъ самымъ были найдены средства для дѣйствительнаго овладѣнія этого рода явленіями. Только на этомъ базисѣ, по его мнѣнію, и могла развиться современная педагогика (II, стр. 25).

причинъ и слѣдствій и въ качествѣ цѣпи внутреннихъ взаимоотношеній. Такимъ образомъ, область прикладной психологіи можетъ охватывать всю сферу душевной жизни. Практически однако представляется болѣе рациональнымъ, въ зависимости отъ условій, то одно то другое возрѣніе на душевную жизнь, т.-е. иногда прикладная психологія фактически устраняется отъ участія въ развитіи культуры ¹⁾.

Далѣе, требуетъ точнаго опредѣленія самое понятіе прикладной психологіи. Въдѣ о примѣненіи можно говорить въ двухъ смыслахъ. Во первыхъ, когда съ помощью данной науки разрѣшаютъ теоретическія проблемы какой-нибудь другой науки. Если мы пользуемся законами физики для объясненія вулканическихъ явленій, которыя имѣли мѣсто при образованіи коры нашей планеты, или законами химіи для объясненія процесса обмѣна веществъ,—то въ этихъ случаяхъ примѣненіе не выходитъ изъ предѣловъ теоретической области. Но совершенно въ иномъ смыслѣ мы говоримъ о примѣненіи физики при проведеніи туннелей, или о примѣненіи химіи при составленіи лѣкарствъ. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ физика и химія примѣняются для достиженія нѣкоторой цѣли, осуществленіе которой является лишь предметомъ желанія. Понятіе примѣненія здѣсь имѣетъ иной смыслъ, это—примѣненіе не для теоретическихъ, а для практическихъ цѣлей ²⁾.

Такая двойственность возможна для всякой прикладной науки, слѣдовательно и для прикладной психологіи. Если подвергается изслѣдованію психика какого-нибудь художника или ученаго, государственнаго дѣятеля или основателя религіи; если открываются психическіе источники нравовъ и обычаевъ у первобытныхъ или культурныхъ народовъ; если изслѣдуется съ психологической точки зрѣнія, какъ возникъ и развился тотъ или иной языкъ, то или иное право, тотъ или иной мѣръ,—во всѣхъ этихъ случаяхъ историческія и культурныя явленія изслѣдуются на основаніи научнаго ученія о душевной жизни, оперирующаго причинными понятіями,—именно производится психологическій анализъ имѣющагося уже матеріала и объясненіе его возникновенія, то есть психологія примѣняется къ исторіи культуры. Задача объ-

1) I, стр. 15; II, стр. 26.

2) II, стр. 29; I, стр. 1—5.

ясненія здѣсь, однако, та же, что и у обыкновенной теоретической психологіи. Намъ данъ міръ культурныхъ фактовъ, и для пониманія ихъ генезиса мы прибѣгаемъ къ помощи науки о сознаниі; разница лишь въ томъ, что психологическому объясненію здѣсь поставлены болѣе сложныя задачи, чѣмъ въ теоретической психологіи ¹⁾.—Но научную психологію можно использовать и для того, чтобы выяснить, какимъ образомъ извѣстныя цѣли, почему-либо цѣнныя для человѣка, могутъ быть достигнуты путемъ воздѣйствія на душевный механизмъ. Когда мы примѣняемъ психологію для того, чтобы вывести на свѣтъ затаеннѣйшія мысли свидѣтелей, чтобы внѣдрить въ сознаніе ученика учебный матеріалъ, чтобы возстановить нарушенныя душевныя функціи пациента и т. д.,—психологія будетъ прикладной въ послѣднемъ смыслѣ. Здѣсь должны быть выполнены извѣстныя задачи, цѣныя съ точки зрѣнія общественныхъ интересовъ, и психологія указываетъ средства и пути для ихъ выполненія ²⁾.

Итакъ, общее выраженіе «прикладная психологія» значитъ или то, что мы примѣняемъ психологическія знанія для ретроспективного объясненія культурныхъ явленій, или то, что мы желаемъ съ помощью психологіи формировать въ будущемъ практическую жизнь въ соотвѣтствіи съ требованіями культурнаго развитія человѣчества; первую Мюнстербергъ предлагаетъ называть психологіей культуры, вторую же—психотехникой. На принципиальномъ и фактическомъ обоснованіи этой послѣдней онъ и сосредоточиваетъ свое вниманіе ³⁾.

Психотехника можетъ быть полезной, слѣдовательно, въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно примѣнить научную психологію для осуществленія нѣкотораго дѣйствія, намѣченнаго ради опредѣленной культурной цѣли, для реализаціи нѣкотораго состоянія или явленія въ будущемъ. Но иногда психотехника можетъ привести насъ и къ процессамъ, которые лежатъ въ прошломъ, поскольку, опять-таки, это обращеніе къ прошлому руководится намѣреніемъ дѣйствовать въ будущемъ, поскольку цѣль его будетъ не теоретическая, не объясненіе прошлаго, а практическая—осуществленіе въ будущемъ. Такъ, если мы анализируемъ игру ребенка съ точки зрѣнія вліянія этой игры на него и съ цѣлью устранить изъ

¹⁾ I, стр. 4, 8, 272; II, стр. 28.

²⁾ I, стр. 5; II, стр. 30.

³⁾ I, стр. 6.

нея вредные моменты и усилить полезные, т.-е. съ цѣлью усовершенствовать игру,—передъ нами психотехническая, а не культурно-психологическая проблема ¹⁾.

Для полного уясненія понятія прикладной психологіи въ смыслѣ психотехники, о принципахъ и методахъ которой въ дальнѣйшемъ идетъ рѣчь, необходимо сдѣлать еще одно различеніе, а именно, необходимо постоянно имѣть въ виду, что въ психотехникѣ вопросъ идетъ о техническомъ знаніи, а не о практическомъ умѣніи. Для приобрѣтенія послѣдняго наука должна соединяться съ искусствомъ, т.-е., въ данномъ случаѣ, психотехническое изслѣдованіе—съ упражненіемъ, вмѣстѣ съ которымъ приходится уже элементъ чуждый наукѣ, и даже технической наукѣ, какъ таковой. Такъ, искусство врача есть нѣчто иное, чѣмъ научная медицина. И это отношеніе между знаніемъ и умѣніемъ повторяется во всѣхъ прикладныхъ наукахъ, слѣдовательно, и въ психотехникѣ. И здѣсь, напримѣръ, искусство учителя есть нѣчто иное, чѣмъ основательное знаніе педагогической психотехники ²⁾.—Научная прикладная психологія должна быть только наукой.

Наконецъ, изъ круга психотехническихъ задачъ нужно, по мнѣнію Мюнстерберга, совершенно исключить оцѣнку цѣлей, осуществленію которыхъ содѣйствуетъ психотехника. Съ совершенно объективнымъ безпристрастіемъ долженъ описывать психотехникъ исключительно взаимоотношенія между отдѣльными психологическими средствами и возможными или уже поставленными ему цѣлями. Выборъ же этихъ послѣднихъ, вопросъ о желательности извѣстныхъ дѣйствій онъ долженъ всецѣло предоставить другимъ, нормативнымъ наукамъ. Какъ для прикладныхъ наукъ вообще, такъ и для психотехники въ частности, цѣль должна быть всегда заранее указанной. Психотехникъ только тогда выполняетъ свою задачу, если довольствуется указаніемъ того, что такія-то средства могутъ вести къ осуществленію поставленной цѣли, что именно этими средствами долженъ воспользоваться тотъ, кто поставилъ себѣ данную цѣль. «Если вы хотите достигнуть такой-то цѣли, вы должны итти къ ней по такому-то пути»—вотъ формула, опредѣляющая кругъ дѣятель-

1) I, стр. 46.

2) I, стр. 23.

ности всякой технической науки, слѣдовательно и психотехники ¹⁾. Такъ, если дѣло идетъ о дѣйствиі единства въ произведеніяхъ искусства, то психотехникъ долженъ лишь установить условія, при которыхъ можно усилить впечатлѣніе единства среди многообразія содержаній. И эстетическая психотехника при этомъ занѣе должна быть увѣрена въ томъ, что сознаніе единства полно эстетическаго значенія ²⁾. Такое ограниченіе круга дѣятельности психотехники, по мнѣнію Мюнстерберга, нельзя считать лишь временнымъ, обусловленнымъ недостаточной зрѣлостью новой науки,—оно вытекаетъ изъ самой природы ея, какъ науки, изучающей причинныя связи ³⁾.

Мюнстербергъ признаетъ, однако, что въ извѣстныхъ предѣлахъ психотехника съ своей стороны можетъ оказать вліяніе на выборъ цѣли, именно, косвенное вліяніе, внося ясность въ борьбу взглядовъ относительно желательности той или иной цѣли при данныхъ условіяхъ. Вѣдь часто только психологъ можетъ показать, возможно ли вообще достигнуть намѣченной цѣли; часто только тотъ, кто знаетъ психологическую природу средствъ, можетъ опредѣлить необходимыя условія примѣненія этихъ средствъ. А это отражается и на отношеніи къ самимъ цѣлямъ. Такъ, то обстоятельство, что извѣстныя цѣли не могутъ быть осуществлены по психологическимъ основаніямъ, является неопровержимымъ аргументомъ противъ оправданія этихъ цѣлей. А тотъ фактъ, что нѣкоторые психическіе механизмы весьма пригодны для осуществленія извѣстныхъ цѣлей, можетъ служить доводомъ или въ пользу того, чтобы осуществленіе этихъ цѣлей было выдвинуто на первый планъ, если цѣли хороши; или же въ пользу того, чтобы приняты были особыя мѣры для противодѣйствія ихъ осуществленію, если онѣ дурны. Поэтому задачей психотехники можно считать между прочимъ и критику философіи культуры. Прямо, однако, психотехника можетъ отвѣтить только на вопросъ, что достижимо и что недостижимо, но не на вопросъ, что хорошо и что дурно ⁴⁾.

¹⁾ II, стр. 34—35; I, стр. 39.

²⁾ I, стр. 633.

³⁾ I, стр. 40.

⁴⁾ I, стр. 196—197.

Мы выяснили, такимъ образомъ, кругъ дѣятельности и задачи психотехники. Мы видѣли, далѣе, что задачи эти заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія, и что научно-обоснованное рѣшеніе ихъ является неотложной необходимостью.—Почему же, однако, до сихъ поръ научная психологія удѣляла мало вниманія этимъ практическимъ задачамъ? Не преждевременно ли для нея и теперь выходить за предѣлы теоретическаго изслѣдованія?—Въ отвѣтъ на эти вопросы Мюнстербергъ высказываетъ слѣдующія соображенія.

До сихъ поръ научная психологія не обращала достаточно вниманія на индивидуальныя различія испытуемыхъ, сосредоточивая его исключительно на общихъ законахъ душевной жизни. Индивидуальныя психическія различія интересовали ее лишь какъ источники ошибокъ, они не были еще самостоятельной проблемой для научнаго психологическаго изслѣдованія.—Имъ удѣляла за-то много вниманія популярная психологія, изобиловавшая разнаго рода анекдотическими описаніями индивидуальныхъ психическихъ особенностей. Это обстоятельство отталкивало серьезныхъ изслѣдователей отъ индивидуально-психологическихъ проблемъ и вело къ переоцѣнкѣ научнаго знанія общихъ психологическихъ законовъ. Между тѣмъ, душевная жизнь безъ индивидуальныхъ различій есть абстракція, слишкомъ далекая отъ дѣйствительности. Для успѣшнаго развитія теоретической психологіи эта фикція была даже необходима, съ практическими же задачами прикладной психологіи она несовмѣстима. Несовмѣстима потому, что даже и тамъ, гдѣ дѣло идетъ о воздѣйствіи на массу, намъ всегда необходимо имѣть въ виду, что и коллективная душевная жизнь этой массы отклоняется отъ искусственно конструируемой средней человѣческой души теоретической психологіи въ силу различій національности, расы, профессіи, возраста, пола, общихъ интересовъ, и т. п. Общая психологія, въ большинствѣ случаевъ, можетъ лишь издали подходить къ жизненнымъ ситуаціямъ, такъ какъ она забываетъ, что существуютъ не люди вообще, а способные и неспособные, умные и глупые, сильные волей и слабovolные и т. д. индивидуумы¹⁾. Вотъ почему до сихъ поръ научная психологія и не могла принимать участія въ разрѣшеніи практическихъ культурныхъ задачъ.

¹⁾ I, стр. 24—27; II, стр. 14.

Сверхъ того, въ началѣ періода научной экспериментальной работы психологія должна была сторониться соприкосновенія съ хаосомъ повседневной жизни, чтобы окончательно вылиться въ самостоятельную форму. Въдѣ самостоятельность науки неизбѣжно страдаетъ, если ея проблемы и методы приспособляются къ требованіямъ жизни, когда еще не выяснены основныя понятія этой науки, еще не испробованы въ достаточной мѣрѣ методы изслѣдованія, еще не очень богатъ ея фактическій матеріалъ ¹⁾. Поэтому первоначальное самоограниченіе научно-психологическаго изслѣдованія нужно считать вполне законнымъ.

Иную картину представляетъ состояніе научной психологіи въ наше время. Во-первыхъ, глубокой интересъ къ индивидуальнымъ психическимъ различіямъ можно отмѣтить уже у серьезныхъ изслѣдователей. Индивидуальныя особенности представляютъ для нихъ теперь не только источникъ ошибокъ, но самостоятельную и очень важную область научнаго психологическаго изслѣдованія. Во-вторыхъ, за послѣднія 30 лѣтъ собранъ необозримый фактическій матеріалъ, и настолько развиты методы изслѣдованія, что даже для такихъ психическихъ дѣятельностей какъ память и вниманіе, психологи имѣютъ въ своемъ распоряженіи цѣлыя десятки методовъ, въ точности приспособленныхъ къ тончайшимъ варіаціямъ этихъ психическихъ дѣятельностей. Въ-третьихъ, наконецъ, психологія порвала традиционную тѣсную связь съ философіей и заняла совершенно независимое отъ умозрѣнія положеніе эмпирической науки, благодаря чему ея основныя понятія выливаются постепенно въ болѣе научныя формы. — Экспериментальная психологія достигла, слѣдовательно, той стадіи развитія, когда обмѣнъ между теоріей и практикой становится не только возможнымъ, но и чрезвычайно полезнымъ какъ для той, такъ и для другой ²⁾.

Конечно, это утвержденіе нельзя принимать безусловно. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можно и слѣдуетъ спорить о томъ, достаточно ли надежны научныя данныя, чтобы ихъ можно было использовать для осуществленія практическихъ культурныхъ цѣлей. Однако, для разработки новыхъ психотехническихъ проблемъ нѣтъ никакой необходимости ждать полнаго завершенія работы

¹⁾ II, стр. 10.

²⁾ I, стр. 20; II, стр. 11, 113.

въ теоретической области. Если бы научная психологія отложила служеніе практическимъ задачамъ до того времени, когда ея научный багажъ не будетъ нуждаться болѣе въ пополненіи, то моментъ, оправдывающій выступленіе прикладной психологіи, пришлось бы отнести къ весьма неопредѣленному будущему. Вѣдь медицина не ждала, пока анатомія, фізіологія и патологія скажутъ свое послѣднее слово. Возможны, конечно, и такія положенія, когда съ примѣненіемъ научныхъ данныхъ можно и подождать: такъ, съ воздухоплаваніемъ техника, конечно, могла не спѣшить, пока физика не обезпечила ей полного успѣха. Но воспитаніе, правосудіе, хозяйственная жизнь и другіе виды культурной дѣятельности, на каждомъ шагу встрѣчаясь съ психическими факторами, не могутъ обойтись безъ психотехническихъ указаній и прибѣгаютъ поэтому къ помощи популярной психологіи. Едва ли это будетъ соответствовать интересамъ культуры, если психологія не дастъ ей ничего только потому, что она не можетъ дать всего ¹⁾).

Мюнстербергъ не считаетъ убѣдительнымъ и то возраженіе, что въ теоретической психологіи слишкомъ много своихъ неотложныхъ проблемъ, чтобы расточать научныя силы по другимъ областямъ. И не считаетъ его убѣдительнымъ прежде всего потому, что постановка новыхъ, практическихъ проблемъ не повлечетъ обязательно отлива силъ изъ области теоретической психологіи; можно надѣяться, что она подыметъ интересъ къ психологіи и въ тѣхъ кругахъ, которымъ чужда сама по себѣ теоретическая психологія, а такимъ образомъ она можетъ вызвать приливъ новыхъ силъ ко всѣмъ областямъ психологическаго изслѣдованія. ²⁾

Всѣ приведенныя выше соображенія имѣли своей предпосылкой то положеніе, что прикладная психологія находится въ тѣсной зависимости отъ теоретической. Однако, было бы большой ошибкой связывать въ такой степени судьбу психотехники съ успѣхомъ теоретической психологіи. Прикладная психологія, по мнѣнію Мюнстерберга, должна жить своей собственной жизнью.

¹⁾ I, стр. 20—21.

²⁾ I, стр. 21.

Вѣдь не нужно забывать, что для практическаго использованія психологіи нужны исключительно факты. А въ настоящее время въ достаточной мѣрѣ уже завоевало себѣ права гражданства убѣжденіе, что принципиальные вопросы относятся, преимущественно, къ общимъ тенденціямъ міросозерцанія, а не къ фактической сферѣ. Часто одни и тѣ же факты можно одинаково правильно передать на языкѣ противоположныхъ теорій; и практическая оцѣнка ихъ ничуть не измѣнится отъ того, какую изъ этихъ теорій мы предпочтемъ. Прикладная психологія стоитъ въ сторонѣ отъ теоретическихъ споровъ. Какъ только начинается борьба за жизненные интересы культуры, такъ сейчасъ-же становятся неумѣстными партійные раздоры философскаго характера. Можно пользоваться, на примѣръ, внушеніемъ, не примыкая опредѣленно ни къ теоріи, которая объясняетъ внушеніе фізіологическими процессами, ни къ теоріи, которая относитъ его къ области безсознательнаго. Можно достигнуть количественно опредѣляемыхъ результатовъ при испытаніи вниманія, памяти, утомленія и т. д., совершенно не затрогивая принципиальнаго вопроса объ измѣримости психическихъ явленій. Цифры, которыя мы получимъ, будутъ лишь точками на нѣкоторой количественной скалѣ для процессовъ, которые сами по себѣ различны лишь качественно. И такимъ фактическимъ положеніемъ дѣль психотехника вполне можетъ удовлетвориться для достиженія своихъ собственныхъ цѣлей. ¹⁾

Меньшую научную требовательность прикладной психологіи можно констатировать и по отношенію къ методамъ изслѣдованія. Если бы такъ называемые «тесты» предназначались для разрѣшенія теоретическихъ проблемъ, то ихъ, безусловно, слѣдовало бы считать недостаточными. Они представляютъ собою слишкомъ грубый методъ для теоретическаго научнаго изслѣдованія индивидуальности, которое требуетъ всесторонняго и продолжительнаго наблюденія и экспериментированія. Но прикладная психологія совершенно не интересуется личностью во всей совокупности ея признаковъ, такъ какъ ея разрѣшенію каждый разъ подлежитъ совершенно опредѣленная практическая задача, ея научныя стремленія съ самаго начала введены въ узкія рамки. Поэтому и тесты, несмотря на ихъ недостаточность для разрѣшенія теорети-

¹⁾ I, стр. 30—31, 98.

ческихъ задачъ, нужно считать вполне пригодными въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о служеніи интересамъ практики. ¹⁾

Если прикладная психологія отграничится отъ теоретической въ самостоятельную область научнаго изслѣдованія, и будетъ совершенно устранено незаконное перенесеніе и проблемъ и методовъ изъ одной науки въ другую, то исчезнутъ и недоразумѣнія между ними. Теоретическая психологія освободится отъ отвѣтственности за психотехническія изслѣдованія, вполне цѣлесообразныя для прикладной дисциплины, но недостаточно глубокия и слишкомъ узкія съ точки зрѣнія чистаго знанія. Психотехника же не будетъ связана соображеніями теоретическаго характера и выработаетъ собственные принципы и методы изслѣдованія. ²⁾

Самостоятельность новой науки должна проявиться прежде всего при выборѣ изъ двухъ возможныхъ направленій ея работы. Или она сначала отвѣчаетъ на вопросъ о томъ, каковы законы, управляющіе чувственнымъ воспріятіемъ, памятью, вниманіемъ и т. д., и затѣмъ уже старается установить то, для осуществленія какихъ практическихъ цѣлей можно использовать каждый изъ этихъ законовъ. Или же первый ея вопросъ будетъ о томъ, какія цѣнныя практическія проблемы ждуть разрѣшенія, и затѣмъ уже она будетъ отыскивать психологическія средства, которыя ведутъ къ ихъ разрѣшенію. Наиболѣе естественнымъ можетъ показаться первый путь изслѣдованія — постепенное разсмотрѣніе одного психическаго процесса за другимъ и опредѣленіе его значенія для различныхъ видовъ культурной дѣятельности. Каждая психическая функція играетъ вѣдь ту или иную роль въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ культурной дѣятельности. Такъ, вниманіе стараются вызвать и учитель у учениковъ и судья у присяжныхъ, и фабрикантъ у рабочихъ, и лекторъ у слушателей и т. д. ³⁾

Мюнстербергъ не соглашается, однако, что это лучший путь. Если психотехника пойдетъ по этому пути, то весь характеръ ея работы будетъ находиться въ очень большой зависимости отъ интересовъ теоретической психологіи, а использование психологическихъ данныхъ для осуществленія культурныхъ цѣлей займетъ

¹⁾ I, стр. 93—94.

²⁾ I, стр. 22.

³⁾ I, стр. 189.

второстепенное положеніе, окажется, собственно, случайнымъ побочнымъ результатомъ теоретическаго изслѣдованія. При такомъ способѣ работы мы никогда не будемъ увѣрены въ томъ, что не упустили изъ вида очень важныхъ практическихъ задачъ, хотя бы теоретическое разсмотрѣніе психическихъ функцій и было исчерпывающимъ. ¹⁾ Вѣдь съ чисто психологической точки зрѣнія невозможно опредѣлить, какіе психическіе процессы и въ какомъ именно составѣ будутъ играть особенно видную роль въ той или иной сферѣ культурной дѣятельности. Исключительно спеціальныя условія этой дѣятельности выдвигаютъ на первый планъ ту или иную комбинацію душевныхъ процессововъ. ²⁾

Какъ легко въ этомъ случаѣ упустить изъ вида полныя практическаго значенія психическіе акты, такъ же легко ввести и ненужные или даже недопустимые съ культурной точки зрѣнія элементы. Вѣдь не слѣдуетъ забывать, что многое изъ того, что съ точки зрѣнія психологическаго интереса вполне допустимо, приходится исключать изъ области психотехники, какъ только выяснится, что оно не служитъ цѣннымъ культурнымъ задачамъ. Такъ, съ чисто психологической точки зрѣнія можно считать вполне дѣйствительнымъ средствомъ внушеніе обвиняемому въ состояніи гипноза. Съ юридической точки зрѣнія, однако, этотъ способъ воздѣйствія недопустимъ. ³⁾ Психотехника же должна интересоваться лишь тѣми психологическими средствами, которыя ведутъ къ разрѣшенію цѣнныхъ задачъ культуры.

Противъ такого порядка психотехническаго изслѣдованія говорить также и то, что каждая глава будетъ имѣть тогда дѣло съ пестрой смѣсью практическихъ цѣлей, которыя не будутъ стоять другъ съ другомъ ни въ какой связи. Разсужденія о практическомъ примѣненіи сведутся къ механическому нагроможденію случайныхъ иллюстрацій психическихъ процессововъ. ⁴⁾

Поэтому важнѣе и принципиальнѣе плодотворнѣе долженъ быть другой путь, исходной точкой котораго служатъ сами практическія задачи. Постановка вопроса тогда такая: какіе факты и законы душевной жизни могутъ быть использованы въ интересахъ хозяйственной жизни, преподаванія, воспитанія,

¹⁾ I, стр. 190.

²⁾ I, стр. 480.

³⁾ I, стр. 440.

⁴⁾ I, стр. 190.

правосудія, науки, искусства и т. д. При такой постановкѣ возможно будетъ отобразить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ дѣйствительно существенные для интересующей насъ культурной дѣятельности психическіе акты. Поэтому, если мы желаемъ вывести психотехнику изъ ея собственныхъ источниковъ, — говоритъ Мюнстербергъ, — руководящимъ принципомъ должно быть подчиненіе всей научной работы, во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ, мысли о цѣляхъ, къ осуществленію которыхъ мы стремимся. Тогда и пограничныя линіи между отдѣльными областями прикладной психологіи будутъ даны сами собою, вмѣстѣ съ подлежащими разрѣшенію задачами. Такой порядокъ работы надежнѣе всего гарантируетъ также и полноту обзора психотехническихъ проблемъ, хотя неизбѣжно влечетъ за собою извѣстныя повторенія. ¹⁾

Въ пользу такого направленія психотехнической работы говорить и исторія взаимныхъ отношеній между психологіей и культурой. Не психологія пошла навстрѣчу культурѣ, а наоборотъ, сначала педагогика и медицина, а затѣмъ юриспруденція и наконецъ хозяйственная жизнь въ силу своихъ собственныхъ внутреннихъ потребностей обратились за помощью къ научной психологіи. Въ частности, напримѣръ, педагогическія проблемы мало-по-малу сами стали опредѣлять направленіе экспериментальныхъ изслѣдованій. Методы лабораторной психологіи были предоставлены въ распоряженіе самостоятельныхъ задачъ воспитанія, и лишь благодаря этому могла возникнуть дѣйствительная экспериментальная педагогика на психологической основѣ. ²⁾

Мы пришли, такимъ образомъ, къ выводу, что психотехникѣ въ выборѣ проблемъ должна быть предоставлена полная самостоятельность. Но вѣдь проблемы въ той или иной степени опредѣляютъ содержаніе и приемы изслѣдованія науки. Поэтому естественно спросить себя, какъ отражается эта самостоятельность на содержаніи и методахъ новой науки; будутъ ли своеобразными, по сравненію съ теоретической психологіей, факты душевной жизни, которыми интересуется психотехника, и должна ли она изобрѣтать особенные приемы изслѣдованія или же можетъ просто заимствовать ихъ у теоретической психологіи. Имѣющійся уже въ распоряженіи психотехники конкретный

¹⁾ II, стр. 36—37; I, стр. 190.

²⁾ II, стр. 16—17.

матеріаль даетъ право утверждать, что иногда возможно и простое заимствованіе.

Если свидѣтель въ судебномъ процессѣ сообщаетъ, что онъ ночью, проходя по открытому мѣсту, слышалъ вдали крикъ прямо передъ собою, или же показываетъ, что онъ позднимъ вечеромъ узналъ вдали женщину по красному цвѣту ея платья, то для установленія степени достовѣрности этихъ показаній можно использовать даже данныя общей психологіи: именно, что направленіе звука воспринимается до извѣстной степени увѣренно, если онъ исходитъ съ правой или съ лѣвой стороны отъ насъ, но оно можетъ быть весьма ошибочнымъ, когда источникъ звука находится впереди или позади насъ; что при слабомъ освѣщеніи цвѣтовые оттѣнки не воспринимаются, всѣ цвѣта кажутся сѣрыми и въ особенности это относится къ красному цвѣту, который раньше другихъ становится безцвѣтнымъ. ¹⁾ Можно утверждать, напримѣръ, и въ общей формѣ, что всѣ моменты, которые считаетъ существенными для привлеченія или отвлеченія вниманія общая психологія, могутъ быть использованы и психотехникой въ цѣляхъ воздѣйствія.

Можно использовать въ нѣкоторыхъ случаяхъ и методы общей психологіи. Такъ, если мы придаемъ значеніе тому, что обвиняемый или свидѣтель въ извѣстныхъ условіяхъ краснѣетъ или блѣднѣетъ, что у него на глазахъ появляются слезы, или рѣчь становится прерывистой, то вполне естественно прибѣгнуть къ помощи пневмографа, сфигмографа, плетисмографа и тому подобныхъ аппаратовъ для болѣе чувствительной регистраціи фізіологическихъ измѣненій, сопровождающихъ эмоціональныя переживанія, когда есть основаніе думать, что интересующій насъ индивидуумъ всѣми способами старается скрыть свои душевныя движенія. ²⁾

Пользуется психотехника и данными групповой психологіи, изучающей характерныя душевныя черты опредѣленныхъ человѣческихъ группъ. Эта групповая психологія сама по себѣ теоретическая наука, но ея выводы очень близки кругу интересовъ прикладной психологіи. Когда приходится имѣть дѣло съ однимъ или съ нѣсколькими индивидуумами, которые сами не подвер-

¹⁾ I, стр. 480.

²⁾ I, стр. 507.

гались психологическому изслѣдованію, но принадлежать зато къ хорошо изученной группѣ, то, съ извѣстной вѣроятностью, и у нихъ можно предполагать психическія особенности, свойственныя этой группѣ. Если передъ нами десятилѣтній ребенокъ въ качествѣ свидѣтеля на судѣ, то къ его показаніямъ мы должны подходить съ опредѣленными психологическими данными, характеризующими данный возрастъ. Но выводы групповой психологіи могутъ быть дѣйствительно цѣнными, собственно, лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о значительномъ количествѣ индивидуумовъ, принадлежащихъ къ изученной группѣ; при такихъ условіяхъ можно, съ извѣстной достовѣрностью, предполагать опредѣленный комплексъ психическихъ качествъ. По отношенію же къ отдѣльнымъ лицамъ только индивидуальный психологическій анализъ можетъ устранить предразсудки групповой психологіи. Такъ, данными групповой психологіи относительно психическихъ различій между мужчиной и женщиной никогда нельзя пользоваться при рѣшеніи практическаго вопроса, годится ли та или иная женщина для той или иной опредѣленной профессіи. ¹⁾

Вообще въ громадномъ большинствѣ случаевъ, психотехника чувствуетъ подъ собою твердую почву лишь въ томъ случаѣ, если въ точности извѣстенъ личный факторъ. Поэтому для прикладной психологіи особенное значеніе должна имѣть психологія индивидуальныхъ различій. Изученіе этихъ послѣднихъ само по себѣ, опять-таки, не есть еще прикладная психологія, но оно является предпосылкой, безъ которой прикладная психологія была бы иллюзіей. ²⁾ При этомъ нужно отмѣтить, что именно при изслѣдованіи индивидуальныхъ различій съ практической цѣлью, наряду съ тѣсной связью между теоретической и прикладной психологіей, обнаруживается, однако, притомъ съ особенной ясностью, и самостоятельность психотехники не только въ постановкѣ проблемъ, но и въ характерѣ методовъ изслѣдованія.

Обходиться имѣющимися уже результатами психологіи индивидуальныхъ различій безъ самостоятельныхъ изслѣдованій психотехника не можетъ. Какъ мы видѣли выше, выборъ проблемъ у нихъ долженъ быть различнымъ. Поэтому ей приходится въ отдѣль-

¹⁾ Ц, 129, 131.

²⁾ I, стр. 403; II, стр. 15.

ныхъ случаяхъ производить психологическія экспериментальныя изслѣдованія и испытанія прямо съ точки зрѣнія поставленныхъ ей практическихъ задачъ. 1) Перенесеніе методовъ не только изъ теоретической психологіи въ прикладную, но даже изъ одной области прикладной психологіи въ другую часто бываетъ совершенно нецѣлесообразнымъ. Такъ, далеко не все, что имѣетъ значеніе при опытахъ надъ нормальными индивидуумами, годится и для психіатра. Этотъ послѣдній часто не можетъ пользоваться психологическими методами уже потому, что они предъявляютъ слишкомъ большія требованія къ вниманію душевнобольного. 2) Надежда на планомѣрные и существенные успѣхи психотехники будетъ поэтому тѣмъ болѣе обоснованной, чѣмъ значительнѣе эта наука разовьетъ свои собственные, независимые отъ теоретической психологіи методы.—Собственный кругъ проблемъ, собственная классификація ихъ и собственные методы—вотъ что единственно можетъ обезпечить психотехникѣ постоянный и систематическій ростъ ея знаній въ будущемъ.

Необходимость развитія самостоятельной методики для научной психотехнической работы легко видѣть при опредѣленіи соотвѣтствія между внутренними требованіями профессіи и душевнымъ складомъ индивидуума, который долженъ удовлетворять этимъ требованіямъ. Иногда практическая проблема можетъ быть разрѣшена посредствомъ анализа умственной работы на составляющіе ее частичные акты и посредствомъ изолированнаго изслѣдованія каждаго изъ этихъ частичныхъ актовъ. Въ такихъ случаяхъ психотехника можетъ въ широкомъ масштабѣ пользоваться знакомыми уже изъ теоретической психологіи экспериментальными методами. Ея собственная задача заключается, преимущественно, въ томъ, чтобы установить, какія именно психическія функціи нужно изслѣдовать и какъ практически оцѣнить полученные результаты. Такъ, для изслѣдованія пригодности къ службѣ на телефонѣ сверхъ антропометрическихъ измѣреній: длины пальцевъ, дыханія, скорости пульса и тому подобнаго, а также сверхъ испытаній остроты зрѣнія, слуха и ясности произношенія, Мюнстербергъ нашелъ нужнымъ произвести и

1) I, стр. 224, 361.

2) I, стр. 313.

чисто психологическія испытанія: памяти на числа, вниманія, умственной одаренности, различенія пространственныхъ промежутковъ, быстроты и точности двигательныхъ актовъ и времени ассоціаций ¹⁾. Но и на этомъ примѣрѣ можно видѣть, какъ особенность практической проблемы въ той или иной мѣрѣ опредѣляетъ характеръ самихъ методовъ индивидуально-психологическаго испытанія. Такъ, при испытаніи быстроты и точности двигательныхъ актовъ Мюнстербергъ старался воспроизвести требованія, которыя предъявляются къ телефонисткѣ при попаданіи въ правильныя отверстія доски съ номерами телефоновъ на центральной телефонной станціи. Именно, испытуемая должна была попасть карандашомъ въ середину нарисованнаго на доскѣ маленькаго крестика, при чемъ опредѣлялось время, необходимое для совершенія движенія, и точность движенія. Индивидуальный характеръ изслѣдованія сказался, слѣдовательно, не только въ выборѣ подлежащихъ испытанію психофизическихъ функций, но и въ постановкѣ самого эксперимента. Изслѣдованія, подобныя только что упомянутымъ, требуютъ, конечно, тщательнаго предварительнаго анализа соотвѣтствующей дѣятельности съ психологической точки зрѣнія.

Но экспериментъ можетъ быть—и часто долженъ быть—произведенъ и по другому принципу. А именно, психическій актъ, котораго требуетъ интересующая психотехнику дѣятельность, устанавливается, какъ неразложимое цѣлое; затѣмъ отыскиваются такія экспериментальныя условія, при которыхъ этотъ сложный психическій процессъ можетъ выявиться въ наиболѣе чистомъ видѣ. Достигается это путемъ схематизаціи внутреннихъ условій изслѣдуемой психической дѣятельности. Такъ какъ эти внутреннія условія мѣняются въ зависимости отъ характера практической дѣятельности, то и необходимые для ихъ реализаціи эксперименты приходится каждый разъ создавать вновь, строго приспособляя ихъ къ подлежащей разрѣшенію задачѣ.

Примѣромъ могутъ служить слѣдующіе опыты, произведенные Мюнстербергомъ съ цѣлью экспериментально освѣтить вопросъ о томъ, какое вліяніе оказываетъ совѣщаніе присяжныхъ на правильность рѣшенія. Эти опыты были вызваны тѣмъ обстоятельствомъ, что громко раздавались голоса противниковъ совѣщанія, указы-

¹⁾ II, стр. 104.

вавшихъ на преимущества голосованія на основаніи непосредственнаго впечатлѣнія отъ судебного разбирательства. Они были произведены слѣдующимъ образомъ. На большихъ листахъ картона въ безпорядкѣ были наклеены отъ 90 до 100 неправильныхъ, вырѣзанныхъ изъ бумаги формъ. Испытуемые должны были, на основаніи воспріятія, рѣшить, больше или меньше формъ наклеено на верхнемъ листѣ, чѣмъ на нижнемъ. Каждый записывалъ свое мнѣніе, а затѣмъ поднятіемъ руки давалъ знать, каково оно. За этимъ, въ продолженіе 5 или 10 минутъ, слѣдовало обсужденіе вопроса. При этомъ приводились различные доводы, чтобы переубѣдить лицъ, державшихся противоположнаго мнѣнія. Указывали или на то, что на одномъ листѣ эти формы, положимъ, больше по своему размѣру; или на то, что въ извѣстной части его онѣ болѣе скучены; или на то, что разстоянія между формами на такомъ-то участкѣ очень велики; или на то, что впечатлѣніе въ такомъ-то мѣстѣ опредѣляется также обманомъ зрѣнія и т. д.—въ общемъ, происходило дѣйствительное всестороннее обсужденіе вопроса. Послѣ него вновь были собраны голоса вышеупомянутымъ способомъ. За вторымъ голосованіемъ слѣдовалъ второй періодъ обсуждения и послѣ него окончательное голосованіе. Оказалось, что при первомъ голосованіи правильныя сужденія составляли всего лишь 51% всѣхъ сужденій. Окончательное же голосованіе дало 78% правильныхъ сужденій, т. е. на 27% больше. Аналогичные опыты были произведены со студентками; и въ результатѣ ихъ оказалось, что при первомъ голосованіи число правильныхъ сужденій составляло 45%, слѣдовательно на 6% меньше, чѣмъ у мужчинъ. Затѣмъ участницы опытовъ очень оживленно и обстоятельно обсуждали всѣ возможности ошибочнаго сужденія. Окончательное голосованіе дало весьма интересную цифру,—именно, опять 45% правильныхъ сужденій. Этотъ результатъ не показываетъ, однако, большаго постоянства въ убѣжденіяхъ женщинъ, такъ какъ въ цѣлыхъ 19% случаевъ, подъ вліяніемъ дебатовъ, произошли измѣненія сужденій,—но одинаково, какъ въ положительномъ, такъ и въ отрицательномъ направленіи. Вотъ почему обсужденіе вопроса не привело ни къ какому результату ¹⁾.

¹⁾ I, стр. 462—464.

Въ этихъ опытахъ схематически воспроизведена внутренняя процедура совѣщанія присяжныхъ, въ нихъ воспроизведенъ сложный психическій процессъ въ цѣломъ.— Не проще ли, —возразятъ на это, —собрать свѣдѣнiя объ ошибочности рѣшенiй присяжныхъ въ реальныхъ условiяхъ судебного разбирательства?— Можетъ быть, и проще! Но что, однако, могли бы выяснитъ намъ такiя фактическiя данныя?— Они поставили бы насъ передъ фактомъ, совершенно не указывая опредѣляющихъ его факторовъ, между тѣмъ какъ описанные выше опыты, при извѣстной постановкѣ, могутъ дать категорическiй отвѣтъ на вопросъ о роли главнаго фактора совѣщанія присяжныхъ—о роли совмѣстнаго обсужденiя дѣла.

Въ такомъ случаѣ, не больше ли гарантiй за достовѣрность результатовъ изслѣдованiя при возможномъ приближенiи его постановки къ естественнымъ условiямъ, въ которыхъ протекаетъ интересующая психотехнику культурная дѣятельность? Не слѣдуетъ ли, по возможности, экспериментально копировать жизнь, чтобы не сомнѣваться въ свѣдемъ правѣ облекать результаты экспериментовъ въ форму практическихъ предписанiй?— Такiе опыты, дѣйствительно, производились и привели къ вполне прiемлемымъ практически выводамъ. Такъ, въ Геттингенѣ, во время одного объединеннаго научнаго засѣданiя юристовъ, психологовъ и врачей, въ залу засѣданiя, съ вѣдома одного только предсѣдателя, который былъ посвященъ во всѣ подробности этой заранѣе подготовленной и хорошо разученной сцены, во-рвалась карнавальная процессiя. Когда, послѣ вынужденнаго перерыва, засѣданiе возобновилось, присутствовавшихъ ученыхъ попросили составить, каждаго въ отдѣльности, протоколъ о происшедшемъ. Содержанiе протоколовъ убѣждаетъ въ очень невысокой достовѣрности показанiй этихъ лицъ. Изъ 40 сообщенiй было только одно, въ которомъ было забыто меньше 20% частичныхъ дѣйствiй. У 14 лицъ недоставало ихъ до 40%, у 12 лицъ отъ 40 до 50% и у 13 лицъ больше 50%. Наряду съ пропусками встрѣчались совершенно ложныя показанiя. Въ 24 протоколахъ было до 10% ложныхъ утверждений, въ цѣлой 1/4 протоколовъ было даже больше 10% невѣрныхъ показанiй. Изъ 40 присутствовавшихъ только четверо замѣтили, что одѣтый негромъ участникъ карнавала былъ съ непокрытой головой. Нѣкоторые видѣли у него на головѣ шляпу изъ валеной шер-

сти, другіе цилиндръ и т. п. Въ дѣйствительности онъ былъ одѣтъ въ бѣлые брюки, черный жакетъ и красный галстукъ,— по описаніямъ же протоколовъ онъ оказывался то въ красномъ то въ коричневомъ, то въ полосатомъ костюмѣ и т. д. ¹⁾).

Если принять во вниманіе, что свидѣтелями въ данномъ случаѣ исключительно были научно-образованные наблюдатели, то результаты такого опыта можно считать весьма поучительными. Съ полной увѣренностью можно признать ихъ за энергичное предостереженіе противъ довѣрія къ показаніямъ свидѣтелей, даже очевидцевъ. Однако, цѣнность выводовъ, получаемыхъ на основаніи такихъ опытовъ, едва ли можетъ выходить за предѣлы самыхъ общихъ указаній; какъ только требуется болѣе подробное указаніе, указаніе частичныхъ факторовъ и значенія каждаго изъ нихъ, то отъ такой близости къ жизни въ постановкѣ эксперимента приходится отказываться и изолированно изучать участіе и роль того или другого фактора.

При этомъ, однако, далеко не всегда необходимо доходить до такой абстракціи, какъ, напримѣръ, въ экспериментахъ съ бессмысленными слогами. Нерѣдко слѣдуетъ искать нѣкоторую среднюю область, въ которой образцомъ все еще остается сложная жизненная ситуація, но въ то же время изъ этого образца исключаются нѣкоторые, случайные элементы, чтобы можно было независимо отъ нихъ прослѣдить основные процессы со всѣми ихъ видоизмѣненіями ²⁾). Мы не должны упускать изъ вида основного смысла подобнаго рода испытаній, задача которыхъ состоитъ не въ копированіи всей жизненной ситуаціи, а въ изолированномъ опредѣленіи нѣкоторой существенной черты. Мы должны получить формулу, опредѣляющую степень участія этой особенной функціи, чтобы быть въ состояніи заранѣе учитывать поведеніе индивидуума въ сложныхъ положеніяхъ дѣйствительной жизни. Простое же повтореніе или предвосхищеніе всей жизненной ситуаціи лишено этого самаго существеннаго момента, характеризующаго испытанія съ практической цѣлью. Наблюденіе случая изъ жизни не есть психологическій тестъ. Мы съ большей увѣренностью придемъ къ знанію существенныхъ факторовъ, если упростимъ и схематизируемъ жизненную

¹⁾ I, стр. 491.

²⁾ I, стр. 491.

ситуацію, если посредствомъ искусственныхъ условій заставимъ интересующую насъ психическую дѣятельность вылиться въ самыя элементарныя формы ¹⁾.

Итакъ, по мнѣнію Мюнстерберга, не только нѣтъ никакой необходимости, но даже нецѣлесообразно при постановкѣ экспериментовъ стремиться къ внѣшнему сходству между экспериментомъ и практической дѣятельностью, которая подлежитъ изслѣдованію. Зато нужно стремиться къ внутреннему сходству, т.-е. къ близости душевнаго состоянія испытуемаго въ искусственныхъ условіяхъ эксперимента къ его душевному состоянію въ естественныхъ условіяхъ этой дѣятельности. Что же вполне гарантируетъ это внутреннее, психическое сходство?—Конечно, не внѣшняя форма опыта ²⁾. Чтобы достигнуть его, нужно итти по прямому пути, т.-е. о душевномъ состояніи справляться у самонаблюденія. И Мюнстербергъ, дѣйствительно, обращаетъ большое вниманіе на то, есть ли у испытуемыхъ ясное сознаніе, что дѣятельность, которую они производятъ въ искусственныхъ условіяхъ эксперимента, обладаетъ очень большимъ внутреннимъ сходствомъ съ ихъ профессиональной дѣятельностью.

Говоря объ опытахъ съ морскими офицерами, Мюнстербергъ указываетъ на то, что во время экспериментовъ у испытуемыхъ ярко обнаружались тѣ же душевныя особенности, которыя проявлялись у этихъ лицъ и при дѣйствительномъ исполненіи своихъ обязанностей ³⁾. Онъ отмѣчаетъ, что одни изъ нихъ при опытахъ совершенно теряли голову; для другихъ опытъ представлялъ чрез-

¹⁾ I, стр. 135. Самый процессъ работы Мюнстербергъ описываетъ въ другомъ мѣстѣ слѣдующимъ образомъ.—Различныя профессіи и предъявляемыя ими психическія требованія слѣдуетъ сначала тщательно проанализировать, чтобы имѣть возможность удовлетворительно приспособить тесты къ подлежащей изслѣдованію ситуаціи. Даже очень сложныя ситуаціи могутъ быть переданы въ весьма простой формѣ. Необходимое условіе заключается лишь въ томъ, чтобы дѣйствительно характерный психическій элементъ у лабораторнаго эксперимента былъ общимъ съ жизненной ситуаціей (I, стр. 129).

²⁾ Такъ, при изслѣдованіи вагоновожатыхъ Мюнстербергъ нашелъ совершенно непригоднымъ опытъ съ миниатюрными моделями трамваевъ, такъ какъ такія копии, по его мнѣнію, могутъ вызвать душевныя переживанія, имѣющія весьма мало общаго съ переживаніями дѣйствительной жизни. Онъ высказываетъ при этомъ вообще отрицательное отношеніе къ опытамъ подобнаго рода (II, стр. 76).

³⁾ II, стр. 98—99.

вычайно мучительное занятіе, на которое они тратили очень много времени, такъ какъ постоянно находились въ состояніи нерѣшительности; наоборотъ, третьи легко справлялись съ предложенной имъ экспериментальной задачей и были вполне увѣрены въ правильности своихъ дѣйствій, но объективныя данныя не оправдывали этой увѣренности, и т. д. Сравнивая эти наблюденія съ тѣмъ, что испытуемые сами сообщали относительно своего поведения въ моменты сложныхъ и неожиданныхъ ситуаций, требовавшихъ отъ нихъ быстрого рѣшенія, а также съ тѣмъ, чего могли ожидать отъ нихъ ихъ друзья и близкіе, можно было убѣдиться во внутреннемъ сходствѣ душевныхъ состояній во время эксперимента и въ жизни ¹⁾).

При разсмотрѣніи опытовъ съ вагоновожатыми Мюнстербергъ также выразительно указываетъ, что наиболѣе важнымъ результатомъ для него было то обстоятельство, что опытные вагоновожатые при условіяхъ, исключавшихъ всякую возможность внушенія, единогласно показали, что, освоившись съ условіями опыта, они испытывали совершенно такое же душевное состояніе, какъ и во время веденія трамвая по оживленной улицѣ. И дѣйствительно, въ результатѣ опытовъ и здѣсь обнаружались тѣ различія, о которыхъ и безъ эксперимента могутъ рассказать трамвайные рабочіе. Среди нихъ оказались и черезчуръ медлительные и слишкомъ торопливые люди; были такіе, которые вначалѣ превосходно справлялись со своей задачей, но уже при пятомъ-восьмомъ тестѣ не могли выдерживать такого напряженія вниманія и т. д. Короче говоря, всѣ тѣ особенности и слабости трамвайныхъ вагоновожатыхъ, которыя столь опасны для правильного уличнаго движенія, проявились при весьма несложныхъ и непродолжительныхъ условіяхъ съ такой яркостью, что сами испытуемые часто приходили въ изумленіе ²⁾). Подобныя свидѣтельства самонаблюденія и нужно считать наиболѣе надежнымъ критеріемъ внутренняго сходства.

Итакъ, возможны два типа методовъ для экспериментальнаго разрѣшенія сложныхъ практическихъ задачъ. Какой изъ нихъ предпочесть,—это зависитъ отъ характера изслѣдуемой проблемы

¹⁾ Ц, стр. 92.

²⁾ Ц, стр. 82.

въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Нѣкоторыя дѣятельности требуютъ ряда психическихъ функций, которыя въ сущности только внѣшне соприкасаются другъ съ другомъ, не сливаясь въ одно цѣлое. Для другихъ же, напротивъ, самымъ существеннымъ является именно этотъ синтезъ частичныхъ психическихъ процессовъ¹⁾. И къ тѣмъ и къ другимъ методамъ можно предъявить нѣкоторыя общія требованія. Всюду, гдѣ рѣчь идетъ о практическихъ задачахъ педагогики, правосудія, медицины, хозяйственной жизни и т. д., психическіе методы должны быть тончайшимъ образомъ приспособлены къ поставленнымъ имъ специальнымъ задачамъ и должны позволять при помощи короткаго ряда экспериментовъ подвергнуть испытанію личность именно со стороны тѣхъ ея функций, которыя въ данной культурной дѣятельности играютъ главную роль²⁾.

Но такое приспособленіе экспериментальныхъ условій къ особеннымъ психическимъ требованіямъ различныхъ видовъ культурной дѣятельности возможно лишь при компетентномъ соединеніи психологическихъ знаній со специальными практическими. Въ этомъ отношеніи психотехнику можно считать связующимъ звеномъ между теоретической лабораторной психологіей и жизнью³⁾. А такое положеніе ея опредѣляетъ, въ свою очередь, и тѣ требованія, которыя она должна предъявлять къ своимъ изслѣдователямъ. Психологи-теоретики, какъ таковые, по мнѣнію Мюнстерберга, недостаточно подготовлены для того, чтобы играть роль изслѣдователей психотехническихъ проблемъ. Какъ физикъ безъ специальной подготовки не можетъ быть инженеромъ, такъ и психологъ-теоретикъ безъ специальной подготовки не можетъ быть психотехникомъ въ любой области культурныхъ задачъ. Психотехническія изслѣдованія и испытанія требуютъ независимаго развитія, какъ особенныя формы самостоятельной науки, которыя всецѣло должны быть подчинены практическимъ задачамъ культуры⁴⁾. Поэтому должны образоваться специалисты, которые получали бы особенную выучку, согласно требованіямъ новой научной работы⁵⁾.

1) II, стр. 68—69.

2) II, стр. 59, 114.

3) II, стр. 7.

4) I, стр. 91.

5) I, стр. 223.

Въ такомъ случаѣ, можетъ быть, сами практики-спеціалисты: педагоги, врачи, инженеры, юристы и др.—легко справятся съ такими, повидимому, несложными задачами, и безъ специальной психологической подготовки? Мнѣніе о несложности испытаній, подобныхъ указаннымъ выше, основывается на внѣшней простотѣ обстановки, въ которой производятся эти экспериментальныя испытанія. Но внѣшность здѣсь очень обманчива. Люди, незнакомые съ психологической лабораторной работой, склонны думать, что такія испытанія можно производить чисто механически, безъ тщательнаго учета условій и различныхъ второстепенныхъ обстоятельствъ. Они жестоко ошибаются. Весьма важнымъ условіемъ надежнаго изслѣдованія является тщательное наблюденіе за мѣняющимися субъективными отношеніями. Эмоціональное состояніе испытуемаго, его утомленность или свѣжесть, внимательность или разсѣянность, знакомство или незнакомство съ матеріаломъ, степень навыка, интересъ или равнодушіе къ эксперименту и тому подобныя внутреннія условія могутъ оказать рѣшающее вліяніе на результаты. Поэтому необходимо, какъ достаточное самонаблюденіе со стороны испытуемыхъ, такъ и умѣнье зарегистрировать и оцѣнить данныя самонаблюденія со стороны изслѣдователя.

Удовлетворительное выполненіе этого требованія возможно лишь при значительной психологической освѣдомленности и опытности. Сама внѣшняя обстановка опыта, даже настолько схематическая, что отпадаютъ всѣ ассоціаціи, свойственныя жизненной ситуациі, и дѣятельность сознанія пріобрѣтаетъ почти безразличную форму, все же не обеспечиваетъ однозначности результатовъ. Поэтому поверхностные и наскоро произведенные опыты, которые не контролируются самонаблюденіемъ и психологическимъ анализомъ, и при которыхъ не учитываются внѣшніе и внутренніе источники ошибокъ, не имѣютъ никакой—ни научной ни практической цѣнности ¹⁾. Молніеносные опыты, безъ вдумчиваго анализа всѣхъ условій, не могутъ привести къ цѣннымъ результатамъ. А между тѣмъ опытный лабораторный психологъ почти инстинктивно учтетъ всѣ существенные побочные факторы. Сверхъ того, вѣдь только психологъ достаточно компетентенъ, чтобы судить о томъ, въ какихъ случаяхъ необхо-

¹⁾ I, стр. 100—102; II, стр. 115.

димо разложить практическую дѣятельность на ея составные акты и подвергнуть послѣдніе изолированному экспериментальному испытанію, и въ какихъ случаяхъ сложная психическая дѣятельность необходимо должна быть сохранена во всей своей цѣлости ¹⁾.

Всѣ эти соображенія заставляютъ отказаться отъ мысли вполне довѣрить разрѣшеніе психотехническихъ проблемъ специалистамъ-практикамъ. Однако, совсѣмъ безъ ихъ помощи психотехники едва ли будутъ въ состояніи обойтись. Во-первыхъ, только сами педагоги, врачи, юристы, экономисты и другіе практическіе дѣятели могутъ указать цѣнныя проблемы, подлежащія планомѣрному психотехническому изслѣдованію. Во-вторыхъ, анализъ той или иной профессиональной дѣятельности можетъ производиться, несомнѣнно, лишь при посредничествѣ опытныхъ специалистовъ. Поэтому для успѣшнаго развитія новой науки необходимо доброжелательное сотрудничество компетентныхъ представителей изъ различныхъ областей культурной дѣятельности со специалистами-психологами. Единственно при такомъ взаимномъ содѣйствіи между психотехнической теоріей и практической дѣятельностью на фабрикѣ, въ школѣ, въ судѣ, въ лѣчебницѣ и тому подобныхъ культурныхъ учрежденіяхъ можетъ быть достигнуто экономное распредѣленіе труда и органическое развитіе проблемъ въ рассматриваемой нами научной области ²⁾.

Это сотрудничество осуществимо, въ свою очередь, лишь при наличности еще нѣкоторыхъ условий. Специалисты-практики должны быть настолько освѣдомлены въ психологіи, чтобы они могли отличать психотехническія проблемы отъ другихъ, ограничивать психическіе факторы дѣятельности отъ не-психическихъ. Такъ, юристъ, который производитъ допросъ, долженъ быть достаточно ориентированъ въ психологіи показаній. Только при этомъ условіи онъ будетъ въ состояніи выдѣлить существенные съ психологической точки зрѣнія моменты и представить экспертизу ихъ психотехнику. Послѣдній долженъ знать, что интересуется юриста въ данномъ свидѣтелѣ или обвиняемомъ: чувственное воспріятіе, воображеніе, память, наблюдательность, внушаемость и т. д.; онъ долженъ знать, какаѳ изъ этихъ функцій и

¹⁾ II, стр. 116.

²⁾ II, стр. 4, 122; I, стр. VI, 515.

съ какой стороны важна съ практической точки зрѣнія,—только тогда его психотехническая задача будетъ вполне опредѣленной. Всестороннее испытаніе всѣхъ психическихъ функцій въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ невозможно и излишне для практическихъ цѣлей. Правильно же задавать такія психотехническія задачи можетъ только человѣкъ психологически образованный. На обязанности психотехника должно лежать лишь рѣшеніе ихъ. Съ другой стороны, конечно, и психологъ долженъ быть ориентированъ въ той области культурной дѣятельности, интересамъ которой онъ призванъ служить. Вѣдь само собою понятно, что нельзя, напримѣръ, приспособить экспериментальное испытаніе къ практической дѣятельности, о которой нѣтъ достаточно яснаго представленія. А мы видѣли, что такое приспособленіе необходимо.—Итакъ, совмѣстная работа требуетъ отъ специалистовъ-психологовъ и практическихъ дѣятелей не только желанія пойти навстрѣчу другъ другу, но и взаимнаго пониманія.

Какія же конкретныя формы должна принять такая совмѣстная работа?—Не можетъ быть сомнѣнія, что по самой своей сущности она требуетъ особенныхъ конкретныхъ условій. Въ этомъ смыслѣ мы, собственно, уже предрѣшили отвѣтъ на поставленный выше вопросъ, когда рассматривали отношеніе между психотехникой и теоретической психологіей. Разъ мы пришли къ выводу, что по выбору проблемъ и классификаціи ихъ, по своему содержанію и методу психотехника есть наука независимая отъ теоретической психологіи, то и въ организациі психотехническихъ изслѣдованій нужно итти по тому же пути. И дѣйствительно, Мюнстербергъ настаиваетъ на томъ, что должны быть организованы спеціальныя научныя учрежденія, въ которыхъ при помощи всѣхъ возможныхъ средствъ экспериментально-психологическаго изслѣдованія разрабатывались бы психотехническія проблемы. Эти проблемы по самой своей природѣ выходятъ изъ сферы компетенціи теоретической психологіи. Поэтому, если психотехническіе эксперименты хотятъ перерасти нынѣшнюю стадію робкихъ попытокъ и оказать дѣйствительное содѣйствіе развитію культуры, они не должны быть случайными гостями въ университетской лабораторіи, они должны переселиться въ собственныя научныя учрежденія, въ психотехническіе институты ¹⁾.

¹⁾ I, стр. 265, 371.

Такіе институты должны стянуть къ себѣ силы, какъ опытныхъ психологовъ, такъ и представителей всѣхъ видовъ практической культурной дѣятельности ¹⁾. А съ созданиемъ такихъ благопріятныхъ условій для совмѣстныхъ научныхъ изслѣдованій можетъ наступить, наконецъ, моментъ и для планомѣрнаго введенія психотехническаго изслѣдованія въ обиходъ повседневной жизни. Хотя и медленно, но все же постепенно будетъ вырабатываться тогда, по предположенію Мюнстерберга, нѣкоторая устойчивая система предписаній и правилъ, которую можно будетъ примѣнять такъ же шаблонно и безъ знанія дѣла, какъ, напримѣръ, можно разговаривать по телефону, не имѣя ни малѣйшаго понятія объ электрическомъ токъ. Однако, такое автоматическое примѣненіе психотехническихъ знаній и тогда будетъ возможнымъ не во всѣхъ случаяхъ. Мюнстербергъ самъ указываетъ на то, что въ такихъ вопросахъ, какъ, напримѣръ, подборъ подходящихъ для извѣстной профессіи людей, всегда будутъ необходимы эксперименты, которые профанъ имѣетъ такъ же мало права производить, какъ и дѣлать впрыскиванія морфія ²⁾.

Это—картина отдаленнаго будущаго. Въ настоящемъ Мюнстербергъ не считаетъ полученные уже результаты психотехническихъ изслѣдованій плодомъ прочнаго знанія,—ихъ единственное назначеніе онъ видитъ въ иллюстраціи того пути, по которому можетъ и должна итти прикладная психологія ³⁾. На этотъ путь, думаетъ онъ, выйдетъ то научное движеніе, которое характеризуетъ психологію нашего времени ⁴⁾.

Вотъ выводы, къ которымъ пришелъ одинъ изъ наиболѣе компетентныхъ современныхъ психологовъ, посвятившій разрѣшенію вопроса объ отношеніи между психологіей и культурой много вниманія и труда. Самый вопросъ, поставленный Геймансомъ: «Чего можемъ мы ожидать отъ психологіи для нашей культуры?» онъ замѣнилъ вопросомъ: «Что и какъ должна изучать научная психологія, чтобы содѣйствовать развитію культуры?» И его отвѣтъ на этотъ второй вопросъ можно резюмировать такъ: науч-

¹⁾ II, стр. 267.

²⁾ II, стр. 263.

³⁾ II, стр. 264.

⁴⁾ I, стр. 733.

ная психологія должна указывать средства, необходимыя для достиженія цѣльныхъ, съ точки зрѣнія культуры, цѣлей. Для этого она въ особенныхъ, специально приспособленныхъ къ новымъ требованіямъ научныхъ учрежденіяхъ должна объединить психологовъ съ представителями практической культурной дѣятельности, которые исходя изъ потребностей самой жизни, выработаютъ совмѣстно специфическіе методы психологическихъ изслѣдованій и испытаній и создадутъ постепенно систему полезныхъ предписаній.

Что же общаго между первой и второй постановкой интересующаго насъ вопроса и почему произошла такая замѣна?—Общее у Гейманса и у Мюнстерберга то, что они придаютъ особенное значеніе психическому фактору культурной дѣятельности и оба видятъ спасеніе для культуры въ привлеченіи къ участию въ ея развитіи прикладной психологіи. Но Мюнстербергъ не останавливается на общихъ контурахъ картины будущаго сотрудничества психологіи и практической культурной дѣятельности, какъ это дѣлаетъ Геймансъ,—онъ вступаетъ *in medias res* текущей и предстоящей научной работы. Поэтому онъ ясно сознаетъ необходимость выяснитъ прежде всего предметъ и методы научнаго психологическаго изслѣдованія практическихъ проблемъ, понимая, что лишь впоследствии, при достаточномъ развитіи его можно будетъ опредѣлить степень участія психологіи въ развитіи культуры, а слѣдовательно и тотъ вкладъ, который она можетъ сдѣлать въ сокровищницу культурныхъ пріобрѣтеній.

Признавая вполне своевременной лишь вторую постановку вопроса и считая взглядъ Мюнстерберга на принципы и методы прикладной психологіи по существу вполне правильнымъ, я вкратцѣ отмѣчу лишь нѣкоторыя недоумѣнія, которыя вызвало уже или можетъ вызвать изложенное выше ученіе.

Различеніе Мюнстерберга между двумя видами прикладной психологіи—между психологіей культуры и психотехникой вызвало возраженія со стороны Гельпахъ, одного изъ рецензентовъ его книги «Психологія и хозяйственная жизнь»¹⁾. Гельпахъ допускаетъ, что для прикладной психологіи можетъ быть на первомъ планѣ то задача чистаго познанія, то задача практическаго при-

1) Willy Hellpach въ Zeitschrift für angewandte Psychologie, B d. 8, Heft 5 и 6.

мѣненія, что она можетъ имѣть то «гностическій», то «технический» оттѣнокъ, оставаясь, однако, единой, нераздѣльной наукой. Гельпахъ аргументируетъ свое утвержденіе указаніемъ на то, что практическое примѣненіе всегда требуетъ предварительнаго изученія вопроса; и, наоборотъ, изученіе тѣхъ проблемъ которыя Мюнстербергъ относитъ къ области психологіи культуры, всегда, въ концѣ концовъ, имѣетъ въ виду практическія цѣли. Онъ признаетъ возможнымъ, правда, иногда отдѣлять психогностическую работу отъ психотехнической, но только практически, а не принципиально ¹⁾.

Но вѣдь Мюнстербергъ самъ видитъ работу психотехники, собственно, не въ примѣненіи, а въ изученіи средствъ, ведущихъ къ достиженію культурныхъ цѣлей. И, по моему мнѣнію, онъ совершенно правильно указываетъ, что разница между психологіей культуры и психотехникой заключается именно въ выборѣ проблемъ, который, въ свою очередь, опредѣляетъ уже выборъ методовъ. Въ одномъ и томъ же явленіи для культурно-психологическаго и психотехническаго изслѣдованія существенными будутъ далеко не одни и тѣ же моменты. Въ этомъ нужно видѣть принципиальное различіе, различіе въ уклонѣ всего изслѣдованія. Скорѣе, наоборотъ, трудно себѣ представить такого психолога, который практически могъ бы такъ отдаться работѣ въ одномъ направленіи, что совершенно не интересовался бы другимъ. Въ дѣйствительности, данныя психологіи культуры могутъ быть весьма полезными при разрѣшеніи психотехническихъ задачъ, а психологическій анализъ испытаній, произведенныхъ съ практической цѣлью, можетъ дать психологіи культуры очень интересный матеріалъ. Поэтому можно ожидать постояннаго сотрудничества двухъ направленій прикладной психологіи, которое, однако, не помѣшаетъ каждому изъ нихъ преслѣдовать свои собственныя цѣли. Стремясь къ осуществленію этихъ послѣднихъ психотехника будетъ интересоваться такими фактами душевной жизни и такими причинными связями, которые имѣютъ особенную цѣнность для жизни, психологія же культуры—такими, которые имѣютъ особенное значеніе для чистаго познанія.

¹⁾ Op. cit., стр. 569.

Теперь я укажу нѣкоторыя противорѣчія и неясности въ ученіи Мюнстерберга, которыя я считаю существенными.

Мюнстербергъ различаетъ два воззрѣнія на душевную жизнь—телеологическое и каузальное, при чемъ считаетъ строго научнымъ и пригоднымъ для прикладной психологіи только послѣднее, т.-е. взгляды на душевную жизнь, какъ на цѣль причинъ и дѣйствій. Но такъ какъ, по его мнѣнію, каждый психическій процессъ можетъ быть разсматриваемъ и съ телеологической и съ каузальной точки зрѣнія,—область прикладной психологіи охватываетъ всю душевную жизнь. Мюнстербергъ самъ предвидитъ возраженія противъ такой «двойной бухгалтеріи» ¹⁾ и приводитъ въ свое оправданіе цѣлый рядъ соображеній. Эти соображенія я не могу признать вполне убѣдительными, но изложеніе и критика ихъ слишкомъ отвлекли бы вниманіе отъ нашей темы; поэтому я коснусь этого вопроса лишь постольку, поскольку онъ стоитъ въ прямой связи съ опредѣленіемъ границъ прикладной психологіи.

Въ послѣднемъ трудѣ Мюнстерберга можно найти явное признаніе того, что по отношенію къ нѣкоторымъ областямъ умственной жизни допустима только одна точка зрѣнія, именно телеологическая или интенціональная. Таковы человѣческія отношенія въ пониманіи историка. Для исторіи научная психологія можетъ быть полезной лишь при разрѣшеніи методологическихъ проблемъ, и поле дѣйствія прикладной психологіи ограничено этими проблемами именно потому, что, по мнѣнію Мюнстерберга, историка интересуютъ не содержанія сознанія въ ихъ причинной связи, а дѣянія духа въ ихъ значеніи и внутренней зависимости ²⁾. Научному разсмотрѣнію въ исторіи подлежатъ, слѣдовательно, только тѣ душевныя явленія, которыя интерпретируетъ психологія духа, а эти послѣднія, какъ таковыя, совершенно непонятны и недоступны причинной психологіи. Разъ это такъ, то и прикладной психологіи, казалось бы, тутъ дѣлать нечего. Мюнстербергъ признаетъ однако, что, въ извѣстномъ смыслѣ, можно говорить о прикладной психологіи и въ исторіи, только нужно не упускать изъ вида, что дѣло идетъ не о причинной психологіи, а объ интенціональной—объ истолкованіи от-

¹⁾ I, стр. 42.

²⁾ I, стр. 717.

дѣльныхъ актовъ личности на фонѣ пониманія ихъ внутреннихъ, чисто духовныхъ отношеній. И онъ высказываетъ даже сожалѣнiе, что пока научная интенціональная психологiя состоитъ, въ сущности, лишь изъ общихъ программъ и изъ отдѣльныхъ отрывковъ, которые, по его мнѣнiю, непослѣдовательно включены главнымъ образомъ въ ученiе о чувствѣ и волѣ, въ учебникахъ причинной психологiи тамъ, гдѣ причинное знанiе обнаруживало пробѣлы, или вполнѣ законно приняты въ системы логики, этики и эстетики ¹⁾.

Я не могу согласиться съ послѣднимъ утвержденiемъ о законности введенiя психологiи, хотя бы и интенціональной, въ системы логики, эстетики и этики, но вполнѣ раздѣляю признанiе Мюнстерберга, что нѣкоторыхъ фактовъ душевной жизни нельзя адекватно передать на языкѣ причинной психологiи, и что возможна прикладная психологiя иного порядка, чѣмъ психотехника, какъ она была выше опредѣлена. Остается только пожалѣть, что принципы и методы этой новой науки не привлекли еще къ себѣ компетентнаго вниманiя.

Я признаю, далѣе, въ принципѣ правильнымъ сдѣланное Мюнстербергомъ различенiе между изысканiемъ средствъ и опредѣленiемъ цѣлей, но считаю его нежизненнымъ въ психотехнической области. Мюнстербергъ видитъ въ ограниченiи задачъ психотехники подыскиванiемъ средствъ для поставленныхъ уже цѣлей большое преимущество, такъ какъ благодаря ему изслѣдователь освобождается отъ вмѣшательства въ сложные вопросы социальнo-этического характера: «Психотехникъ,—говоритъ онъ,—не защитникъ покровительственныхъ пошлинъ и не сторонникъ свободной торговли, не социалистъ и не антисоциалистъ, не представитель ни капиталистовъ ни рабочихъ, его голосъ не склоняется ни на сторону продавцовъ ни на сторону покупателей» ²⁾. Нельзя не согласиться, что возможность обойти такiя сложныя проблемы и сосредоточить вниманiе исключительно на одной сторонѣ вопроса очень облегчила бы научную работу.

Но эта возможность лишь кажущаяся. Едва ли можно представить себѣ взрослого интеллигентнаго человѣка, одушевлен-

¹⁾ I, стр. 718.

²⁾ II, стр. 34.

наго высокими научными идеалами, который, съ своей стороны, не проявить никакого интереса къ тому, какое культурное значеніе имѣютъ предложенныя ему для разрѣшенія задачи. Если буквально принимать заявленія Мюнстерберга, то психотехническіе институты представляются въ формѣ мастерскихъ для изготовленія психологическихъ заказовъ. Правда, въ послѣднемъ трудѣ Мюнстерберга, какъ я уже указалъ выше, есть нѣкоторые намеки на то, что иногда знаніе средствъ вліяетъ и на выборъ цѣлей. Но Мюнстербергъ удѣлилъ недостаточно вниманія этому вопросу, а между тѣмъ, на мой взглядъ, обстоятельное выясненіе отношенія между знаніемъ средствъ и выборомъ цѣлей весьма важно для характеристики роли прикладной психологіи въ развитіи культуры.

Можно согласиться съ Мюнстербергомъ, что не дѣло психотехники, какъ таковой, опредѣлять, что хорошо и что дурно, но едва ли и сами практическіе дѣятели на основаніи однихъ только специальныхъ знаній могутъ выполнять эту задачу. Мнѣ думается, что по отношенію къ этой задачѣ психотехникъ и практическій дѣятель окажутся въ одинаковомъ положеніи. Вѣдь то, что назоветъ хорошимъ или дурнымъ учитель, юристъ, инженеръ... будетъ, въ свою очередь, тоже средствомъ, ведущимъ къ нѣкоторой болѣе отдаленной цѣли, цѣнность которой опредѣляется соображеніями не specialнаго, а общаго характера. Съ другой стороны, дурнымъ и хорошимъ въ этическомъ смыслѣ могутъ быть не только цѣли, но и средства. И психотехникъ долженъ будетъ отдавать себѣ и другимъ полный отчетъ не только въ томъ, будутъ ли указываемыя имъ средства самыми надежными и доступными для достиженія поставленной цѣли, но также и въ томъ, какова моральная цѣнность ихъ и тѣхъ побочныхъ послѣдствій, которыя будутъ сопровождать примѣненіе этихъ средствъ. Психотехникъ и практическій дѣятель будутъ одинаково заинтересованы въ достиженіи одной и той же конечной цѣли и будутъ работать надъ одной и той же цѣпью средствъ и цѣлей, только каждый изъ нихъ выберетъ изъ этой цѣпи тѣ звенья, въ которыхъ онъ болѣе компетентенъ. Поэтому научное сотрудничество пракческаго дѣятеля съ психотехникомъ не представляется мнѣ въ формѣ задаванія и рѣшенія задачъ.

Возможны, конечно, и такіе случаи,—но уже въ психотехнической практикѣ, а не въ теоріи. Подобно тому, какъ въ меди-

цинѣ пользованіе отдѣльныхъ больныхъ составляетъ врачебную практику, которая не только не исчерпываетъ научнаго медицинскаго изслѣдованія, а, напротивъ, предполагаетъ послѣднее, какъ необходимую предпосылку своего осуществленія, такъ и для научнаго психотехническаго изслѣдованія, собственно, предметомъ будутъ внутреннія требованія различныхъ отраслей практической культурной дѣятельности, опредѣляемая постояннымъ специфическимъ характеромъ этой послѣдней, разрѣшеніе же индивидуальныхъ проблемъ будетъ дѣломъ психотехнической практики. И для этой послѣдней, какъ и для врачебной практики, необходимой предпосылкой должно быть психотехническое изслѣдованіе. Это требованіе вытекаетъ изъ самаго понятія психологическаго испытанія. Психологическое испытаніе есть опредѣленіе положенія даннаго индивидуальнаго психическаго фактора на установленной уже психической скалѣ. Составленіе качественныхъ и количественныхъ таблицъ психическихъ требованій, предъявляемыхъ различными видами культурной дѣятельности и составить основную задачу научной психотехники, въ связи съ разрѣшеніемъ которой будетъ стоять и разрѣшеніе индивидуальныхъ практическихъ задачъ. Въ дѣйствительности возможенъ, конечно, и обмѣнъ взаимными услугами со стороны практики и теоріи, какъ это часто наблюдается и въ другихъ наукахъ, но это не мѣняетъ отношенія между той и другой по существу.

На основаніи этихъ соображеній я считаю психотехнику въ постановкѣ проблемъ изслѣдованія сравнительно независимой отъ наличныхъ потребностей жизни. Большую зависимость необходимо допустить лишь для психотехнической практики. При этомъ я склоненъ думать, что и на регулированіе самихъ потребностей жизни развитіе научной психотехники можетъ оказать большое вліяніе.

Нельзя обойти молчаніемъ, наконецъ, и самихъ методовъ изслѣдованія. Естественно уже въ настоящее время задать себѣ вопросъ, къ чему могутъ привести экспериментальныя испытанія, подобныя описаннымъ выше (хотя бы, испытанія телефонистокъ). По собственному признанію Мюнстерберга, такія испытанія могутъ служить лишь для первоначальнаго ориентированія ¹⁾;

¹⁾ II, стр. 41, 87.

такъ, при отборѣ подходящихъ людей они могутъ указать на недостатокъ существенной психической способности или же на ея полное развитіе. На это могутъ возразить, что къ такимъ результатамъ приводитъ и жизненный опытъ, на жестокость котораго жалуется нашъ авторъ,—вѣдь и тамъ выбрасываются за бортъ непригодные, а очень талантливые пробиваются въ жизни и безъ психологическихъ экспериментовъ.

Мюнстербергъ ясно сознаетъ, что испытанія подобнаго рода и при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ никогда не дадутъ возможности опредѣлить многіе факторы, очень важные для интересующей изслѣдователя практической дѣятельности: напримѣръ, честно ли данное лицо, не пьетъ ли оно ¹⁾ и т. д. Онъ въ общей формѣ указываетъ на необходимость и другихъ методовъ, не только экспериментальныхъ, на цѣнность повседневнаго наблюденія, личнаго впечатлѣнія и т. п. Онъ не объясняетъ, однако, какъ же быть въ томъ случаѣ, когда испытаніе даетъ отрицательные результаты, показываетъ, напримѣръ, что данное лицо непригодно для извѣстной дѣятельности.

Можно согласиться съ Мюнстербергомъ, что исключеніе непригодныхъ служащихъ вполне почетная задача для психотехники: если, благодаря психологическому испытанію, будутъ устранены, напримѣръ, непригодные вагоновожатые, и такимъ образомъ значительно сократится число несчастныхъ случаевъ, то это психологическое испытаніе сыграетъ не меньшую роль, чѣмъ какое-нибудь техническое усовершенствованіе ²⁾. И все же, думается мнѣ, отъ экспериментальныхъ испытаній можно требовать большаго: они должны давать намъ указанія и на то, къ чему способно испытываемое лицо.

Противники самостоятельности психотехники возразятъ, пожалуй, что для рѣшенія этой задачи придется заняться изученіемъ индивидуальности, и такимъ образомъ поставить психотехнику въ непосредственную зависимость отъ теоретической психологии. Я думаю, что въ этомъ нѣтъ необходимости. Предварительныя указанія положительнаго значенія можно получить и при такихъ опытахъ, какъ испытаніе телефонистокъ и тому подобныя, разумѣется, при правильной постановкѣ самонаблю-

¹⁾ II, стр. 69; I, стр. 33.

²⁾ II, стр. 87.

денія. Психологическій анализъ можетъ показать, въ какомъ направленіи нужно испытать данное лицо, чтобы получить положительныя результаты. Знаніе же внутреннихъ требованій различныхъ видовъ культурной дѣятельности позволитъ посредствомъ аналогичнаго испытанія провѣрить предположенія и найти такимъ образомъ подходящую дѣятельность для даннаго лица. Мюнстербергъ, который отводитъ въ своихъ экспериментальныхъ испытаніяхъ такое почетное мѣсто самонаблюденію, не упоминаетъ, однако, о возможности использовать это послѣднее и для рѣшенія указанныхъ выше положительныхъ задачъ.

Этими краткими замѣчаніями я ограничиваю свою критику взглядовъ Мюнстерберга на принципы и методы прикладной психологии. Какъ первая попытка общаго характера, трудъ Мюнстерберга содержитъ, естественно, еще много неясностей и отчасти даже противорѣчій. Я не считалъ своей задачей всестороннее изложеніе ученія Мюнстерберга и устраненіе или уясненіе всѣхъ противорѣчій и неясностей, какія встрѣчаются въ его трудахъ, посвященныхъ прикладной психологии. Рѣшеніе такой задачи потребовало бы обстоятельнаго научнаго изслѣдованія. Основныя тенденціи этого ученія мнѣ представляются правильными. Поэтому я былъ бы вполне удовлетворенъ, если бы мое изложеніе и краткія замѣчанія дали ясное представленіе объ этихъ научныхъ тенденціяхъ, знаменательныхъ какъ для современнаго состоянія психологии, такъ и для дальнѣйшаго развитія культуры.

Александръ Болтуновъ.

Мѣсто Розмини въ исторіи философіи ¹⁾.

Въ общихъ курсахъ по исторіи философіи имя Розмини отсутствуетъ. Я не знаю, по крайней мѣрѣ, такой исторіи философіи, въ которой бы встрѣчалось простое упоминаніе Розмини, — не говоря уже объ оцѣнкѣ или объ изложеніи его философіи. Лишь въ исторіи-справочникѣ Ибервега-Гейнце, рядомъ съ польской и норвежской философіей, дается очеркъ новѣйшей итальянской философіи, въ коемъ сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія о Розмини и приводится съ ошибками маленькая часть посвященной ему литературы. Но и въ этомъ справочникѣ Розмини упоминается лишь для полноты обзорѣнія, а не какъ моментъ, сколько нибудь существенный, въ исторіи общеевропейской философіи. И эту судьбу Розмини раздѣляетъ со всей новѣйшей итальянской мыслью.

Является ли нормальнымъ это странное пренебреженіе къ итальянской философіи XIX столѣтія вообще и къ Розмини въ частности? Не искажаемъ ли мы существенно картину развитія философской мысли въ истекшемъ столѣтіи, оставляя безъ изслѣдованія сильныя, богатая умозрительнымъ творчествомъ системы Розмини, Джоберти и Маміани?

Мнѣ кажется, на этотъ вопросъ не можетъ быть двухъ отвѣтовъ. Никакими разумными соображеніями нельзя оправдать игнорированіе огромной и самостоятельной вѣтви послѣ-кантовской философіи. Розмини и слѣдующіе за нимъ итальянскіе мыслители должны занять по праву принадлежащее имъ мѣсто, и несправедливость, допущенная въ отношеніи къ нимъ обзорѣвате-

• 1) Рѣчь, произнесенная передъ защитой диссертациі „Розмини и его теорія знанія“ въ Московскомъ Университетѣ 1 марта 1915 года.

лями новѣйшей философіи, не должна имѣть болѣе продолженія.

На родномъ полуостровѣ имя Розмини и его философское дѣло оцѣниваются очень высоко. Въ Миланѣ, Стрезѣ и Роверето ему воздвигнуты памятники. Литература о немъ, полемическая, экзегетическая и историко-философская, насчитываетъ до тысячи названій. Когда въ 1897 году почитатели отпраздновали его столѣтній юбилей изданіемъ обширнаго сборника, участіе приняли въ немъ тридцать розминіанцевъ, большей частью преподаватели высшихъ учебныхъ заведеній, и среди нихъ почтенный и популярнѣйшій писатель—Антоніо Фогаццаро. Въ послѣднія десятилѣтія вопросамъ розминіанской философіи посвящался цѣлый рядъ журналовъ, возникавшихъ и погибавшихъ одинъ за другимъ, а съ 1906 года, не прерываясь до нашихъ дней, ведется періодическое изданіе: «Розминіанское обозрѣніе».

Все это ярко показываетъ, что въ сознаніи своихъ соотечественниковъ Розмини занимаетъ прочное мѣсто. Цѣлыя поколѣнія дѣятелей итальянской философской мысли ориентировались на его философію, и соглашаясь съ нимъ и поучаясь отъ него, или оспаривая и опровергая его, проходили черезъ категоріи его философствованія и самоопредѣлялись положительно или отрицательно по высокимъ умозрительнымъ точкамъ, намѣченнымъ и фиксированнымъ въ его многообъемлющемъ міровоззрѣніи. Въ Италіи философія Розмини давно уже стала «классической» и превратилась въ національное достояніе.

Но эта итальянская *слава* Розмини, чуть-чуть переплеснувшаяся во Францію и въ Англію, и несомнѣнная огромная культурно-историческая значительность его философскаго дѣла въ предѣлахъ его небольшой родины—не рѣшаютъ еще вопроса о мѣстѣ его въ исторіи общечеловѣческой философіи. Его права на общечеловѣческое признаніе должны быть обоснованы иначе, не простой ссылкой на его итальянскую популярность, а философскимъ анализомъ.

Мѣсто Розмини въ исторіи европейской философіи XIX столѣтія намѣчается двумя особенностями его философской системы. Съ одной стороны, Розмини тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ ходомъ европейской философіи. Онъ проникнутъ лучшими традиціями не только новой, но и средневѣковой и античной мысли. Вся предшествующая философія, до Канта включи

тельно, внутренно усваивается Розмини и онъ вполне сознательно, приступая къ своей основной апоріи, изо всѣхъ силъ старается предварительно произвести самую синтетическую «установку сознанія», съ возможно болѣе широкимъ охватомъ всѣхъ достижений человѣческой мысли,—по крайней мѣрѣ таково его намѣреніе, его воля, его стремленіе. Этимъ самымъ его философія прочно связывается съ прошлымъ и органически соединяется съ предшествующею философіей. Его мысль развивается въ общемъ руслѣ европейскаго философскаго развитія.

Съ другой стороны, въ его философіи начинается новый моментъ, образующій, особенно въ дальнѣйшихъ своихъ манифестаціяхъ, глубокое своеобразіе и индивидуальную значительность итальянской философіи XIX столѣтія. Рѣка послѣ-кантовской философіи, главнымъ русломъ своимъ протекающая въ Германіи, благодаря выступленію Розмини, раздваивается, однимъ своимъ рукавомъ заходитъ въ Италію и здѣсь подъ вліяніемъ мѣстныхъ особенностей подвергается цѣлому ряду существенныхъ трансформаций.

Чтобы обрисовать выпукло философское своеобразіе Розмини, мнѣ нужно сказать сначала нѣсколько словъ объ его отношеніи къ современной ему послѣ-кантовской философіи. Между нимъ и нѣмецкимъ идеализмомъ стояла почти неодолимая стѣна въ видѣ незнанія нѣмецкаго языка. «Критику чистаго разума» онъ зналъ въ посредственномъ переводѣ кавалера Мантовани. Сочиненія Фихте, Шеллинга и Гегеля ему были извѣстны отрывочно, въ случайныхъ фрагментахъ и тезисахъ, скорѣе по слуху и по тому необыкновенному шуму, который былъ возбужденъ имивъ умственной жизни Европы, нежели по собственному изученію и по непосредственной аутопсіи. Онъ зналъ нѣмецкій языкъ настолько, чтобы разобраться въ интересующей его фразѣ или въ нужномъ абзацѣ, но не настолько, чтобы читать огромныя произведенія, весь смыслъ которыхъ заключался не въ отдѣльныхъ высказываніяхъ, а во внутренней діалектической, отливающей отѣнками, текучей и живой связи. Поэтому Кантъ былъ послѣднимъ философомъ, котораго непосредственно, хотя и не во всемъ объемѣ зналъ Розмини. Весь дальнѣйшій рядъ нѣмецкихъ мыслителей Розмини скорѣе гипотетически постигалъ и угадывалъ, нежели положительно зналъ, и это еще въ большей степени должно быть сказано о Джоберти. Несомнѣнно какіе-то

волны отъ тѣхъ ментальныхъ бурь, которыя переживала тогда Германія, докатывались до Розмини и Джоберти, но волны, заглушенные разстояніемъ и уже разбившіяся о стѣну незнанія языка, вслѣдствіе чего чрезвычайно трудно провести границу между безусловно оригинальнымъ въ системахъ Розмини и Джоберти и тѣмъ, что, съ массой отраженій, было внушено имъ полученными изъ Германіи интеллектуальными впечатлѣніями. Поэтому, оставляя эту задачу въ сторонѣ и не разрѣшая вопроса, что въ философіи Розмини нужно объяснять его конгеніальностью съ мыслителями, слѣдовавшими за Кантомъ, а что приписывать ихъ хотя бы косвенному внушенію, я постараюсь охарактеризовать то, что въ Розмини мнѣ представляется безусловно оригинальнымъ, несводимымъ ни на какія вліянія и оправдывающимъ какъ детальное изученіе его философіи, такъ и его право на почетное мѣсто въ исторіи новѣйшей европейской философіи.

Розмини свершаетъ синтезъ между философіей Канта и осторожными изслѣдованіями шотландскихъ и англійскихъ мыслителей. Только въ немъ пересѣкаются эти двѣ крупныхъ дороги европейской мысли, а ни въ Англии, ни въ Германіи этого взаимнаго оплодотворенія и взаимнаго ограниченія двухъ методовъ трансцендентальнаго и психологическаго мы, по крайней мѣрѣ, въ такомъ крупномъ масштабѣ не встрѣчаемъ. Къ задачѣ этого соединенія двухъ различныхъ методовъ Розмини подошелъ синтетически, т. е. творчески и самостоятельно, и въ подлинной синтетичности его подхода мы видимъ своеобразіе и новизну его философіи. Подобно тому, какъ Кантъ занялъ мѣсто судьи между эмпиризмомъ и раціонализмомъ, такъ Розмини претендовалъ на положеніе третейскаго разбирателя и примирителя кантовской философіи, какъ одной стороны, и трезваго фактическаго изслѣдованія познавательныхъ способностей человѣка— какъ другой стороны.

Позиція Розмини очень тонка по своему замыслу и трудно уловима по своей абстрактности, и тѣмъ не менѣе въ ней есть діалектическая острота и нѣкая трудно формулируемая точка, которая, наподобіе выраженія въ индивидуальномъ лицѣ, сообщаетъ своеобразіе и первостепенную значительность основнымъ рядамъ его мыслей. Не то важно, что онъ въ параллель съ Фихте, пытается свести къ единому принципу все множество

познавательныхъ формъ; важно то, что редукцію свою онъ пытается вести осторожными методами непрерывной психологической провѣрки, не давая мѣста апіорному и произвольному дедуцированію;—еще важнѣе то, что въ результатѣ редукціи онъ получаетъ чрезвычайно любопытный и многосмысленный принципъ *возможнаго сущаго*,—принципъ на рѣдкость своеобразный и на рѣдкость отмѣченный печатью огромной личной интуиціи. Конечно, въ исторіи философіи мыслители не разъ оперировали съ понятіемъ возможнаго бытія, но лишь у Розмини эта идея съ творческою силою первоначальнаго постиженія вырастаетъ до размѣровъ универсальнаго принципа и становится основнымъ началомъ философіи. Такъ, до Декарта многіе философы мимоходомъ отмѣчали самодостовѣрность сознанія, но лишь у Декарта *cogito ergo sum* стало исходнымъ пунктомъ цѣлой философской системы.

Возможное сущее—есть та идея, которая обезпечиваетъ за Розмини мѣсто въ исторіи философіи. Она поистинѣ синтетична по отношенію къ тѣмъ двумъ теченіямъ, возвыситься надъ которыми Розмини хотѣлъ путемъ примиренія ихъ въ новомъ третьемъ началѣ. Возможное сущее есть точка сѣченія двухъ недостаточно универсальныхъ принциповъ. Во-первыхъ, оно выводитъ изъ сферы фактически даннаго въ сферу чистой ментальности. Въ немъ кончается простая психологическая наличность и начинается область интеллектуальнаго свѣта; при чемъ переходъ изъ одной сферы въ другую, по мысли Розмини, является принудительно обоснованнымъ и для всѣхъ обязательнымъ. Этимъ Розмини рѣшительно возвышается надъ случайнымъ принципомъ Ридовскаго первоначальнаго сужденія. Человѣкъ, въ его эмпириі, подводится къ порогу психологизма и ему диктуется повелѣніе выйти за всѣ границы данности и освободиться отъ всякой наличной зависимости. Съ другой же стороны, Розмини становится безконечно осторожнымъ, подходя къ порогу; и, онъ, довольно легко перескакивающій черезъ логику при введеніи эмпирическихъ понятій, становится сугубо подозрительнымъ и мнительнымъ, приближаясь къ завѣтной чертѣ. Интеллектуальный свѣтъ основной идеи для Розмини есть *идеальный фактъ* и онъ хочетъ относиться къ нему съ величайшею строгостью идеальнаго наблюдателя. Возвысившись надъ фактическимъ путемъ нахожденія идеальной точки, онъ, добравшись до

точки, напрягается въ самоограниченіи, для того чтобы не дать воли никакимъ умствованіямъ и не сдѣлать относительно идеальнаго объекта своей интуиціи какихъ-нибудь самочинныхъ дедукцій. Это самоограниченіе, лежащее въ основѣ идеологическаго метода, по замыслу Розмини должно возвысить его какъ надъ Кантомъ, такъ и надъ Фихте, Шеллингомъ и Гегелемъ. Нѣмецкую мысль онъ обвиняетъ въ «умозрительной необузданности», т.-е. въ отсутствіи идеальнаго отношенія къ объекту разумной интуиціи, и въ постоянномъ произвольномъ дедуцированіи тамъ, гдѣ требуется пристальное и безкорыстное взглядываніе и идеальное «индуцированіе». Еслибъ Гуссерль былъ знакомъ съ Розмини, онъ долженъ былъ бы много родственнаго и значительнаго найти въ его системѣ.

Розмини утверждаетъ себя совершеннымъ платоникомъ въ ученіи о сущности идеальнаго бытія. Возможное сущее родитъ въ немъ эфирный, сверхчувственный amor intellectualis—и въ то же время Розмини глубоко трезвъ, въ высокой степени наблюдателенъ и въ умозрительномъ самоограниченіи непоколебимо стоитъ въ скромныхъ предѣлахъ идеальнаго факта, отказываясь что-либо о немъ фантазировать или какъ-нибудь искусственно его расширять.

Въ этой позиціи проявляется то, что Джоберти считалъ національной чертой итальянской философіи. Между двумя противоположностями—французскою и нѣмецкою мыслью,—изъ коихъ первая отличается четкостью контуровъ при малой глубинѣ содержанія, вторая же поражаетъ размахомъ и глубокомысліемъ при туманной расплывчатости формы,—существуетъ по мысли Джоберти двѣ среднихъ линіи, одна наивная англійская, которая идетъ простымъ среднимъ путемъ, получаясь, какъ равнодѣйствующая изъ двухъ расходящихся силъ, и другая синтетическая, подымающаяся надъ тою и другою односторонностью, объединяющая въ себѣ положительныя стороны обоихъ соревнующихъ типовъ мышленія, и эта мысль—итальянская. И Розмини, какъ зачинатель подлинно итальянской мысли XIX столѣтія одновременно глубокомысленъ, метафизиченъ и четокъ, трезвъ, ограничителенъ въ формахъ изложенія.

Глубокая и своеобразная діалектичность основнаго принципа Розмини доказывается, кромѣ только что сдѣланнаго анализа еще и тѣмъ, что имъ была вызвана къ замѣчательному расцвѣту

дальнѣйшая итальянская мысль. Ученіе Розмини о возможномъ сущемъ является всего лишь первою ступеню и можно сказать исходнымъ пунктомъ итальянской мысли XIX столѣтія.

Если мы обрисуемъ ходъ развитія этой мысли, мы увидимъ, какое органическое мѣсто занимаетъ въ ней Розмини. Этотъ ходъ распадается на четыре діалектическихъ ступени.

Первую ступень образуетъ идеологія Розмини въ томъ видѣ, въ какомъ она выразилась въ «Новомъ Опытѣ». Умозрительной основой идеологіи этого періода и въ то же время верховнымъ достиженіемъ «психологической редукціи», является понятіе *возможнаго сущаго*. Вторая ступень начинается съ вопроса Джоберти о природѣ возможнаго сущаго, съ углубленія въ сущность обрисованнаго Розмини первопринципа знанія. Полемическія формы этого углубленія нисколько не помѣшали тому, чтобъ споръ о психологизмѣ, разыгравшійся между Джоберти и Розмини, сдѣлался огромнымъ завоеваніемъ для общечеловѣческой философіи и сталъ одной изъ лучшихъ славъ итальянской философской мысли. Этотъ споръ, несмотря на то, что Розмини почти не принялъ въ немъ никакого участія, внутренне обусловленъ высокою идеологической позиціи Розмини. Если блестящія діалектическія дарованія Джоберти играли роль творческаго молота въ этомъ столкновеніи, то возможное сущее Розмини было при этомъ весьма подходящей наковальней, и только изъ наличности этихъ двухъ условій могъ получиться тотъ внутренній закалъ мысли, который характеризуетъ онтологическую систему самого Джоберти. Классическимъ построеніемъ «идеальной формулы» заканчивается вторая ступень.

Третья ступень представлена обширнымъ «теософическимъ» построеніемъ Розмини. Глубоко затронутый критикой Джоберти и оплодотворенный его сознательнымъ онтологизмомъ, Розмини дѣлаетъ огромныя усилія, оставаясь въ предѣлахъ своей основной интуиціи, подвести подъ идеологію онтологическій фундаментъ. Насколько раньше Розмини внутренне обусловилъ выступленіе Джоберти по вопросу о психологизмѣ, настолько теперь самъ онъ непрерывно опирается на сдѣланныя Джоберти возраженія. Апоріи, лежащія на пути къ онтологіи, усложняются и углубляются, осознаются специфическія трудности исходнаго пункта и кромѣ того ученіе о тройственномъ бытіи, о моментахъ міротворящаго акта и о божественной основѣ природы,

открываетъ совершенно новыя возможности умозрительно истолковывать и оправдывать занятую Розмини позицію. Если Розмини и въ «Теософіи» не можетъ достойно отвѣтить на требованія Джоберти, то во всякомъ случаѣ на этой ступени идеологическая проблема органически углубляется и осложняется.

Четвертую ступень, наиболѣе синтетическую и наиболѣе замѣчательную въ итальянской философіи XIX столѣтія образуетъ второй періодъ философіи Джоберти. Тѣсныя границы идеальной формулы разрываются творческимъ ростомъ основного онтологическаго зерна, и мысль Джоберти, порывая съ случайными ограниченіями католической метафизики, возвышается до вселенскихъ, каѳолическихъ формъ выраженія въ «Протологіи», въ «Философіи откровенія», «Теоріи человѣческаго разума» и «Каѳолической реформѣ Церкви. Если первая ступень была исключительнымъ дѣломъ Розмини, если вторая и третья ступени были созданы совокупнымъ творчествомъ Розмини и Джоберти, то ступень четвертая была исключительнымъ дѣломъ Джоберти.

Въ своей работѣ я могъ остановиться подробно лишь на двухъ ступеняхъ: на первой и на третьей. Вторую ступень, т.-е. онтологическую систему Джоберти и споръ о психологизмѣ, я затронулъ мимоходомъ, посвятивъ имъ всего лишь одну главу и разсмотрѣвъ ихъ исключительно съ точки зрѣнія идеологии Розмини и того мѣста во внутреннемъ развитіи его теорій, которое несомнѣнно занимаютъ смѣлыя построенія Джоберти. О ступени четвертой я не говорю ни слова.

Такимъ образомъ мое изслѣдованіе есть первая половина историко-философскаго замысла: возстановить въ памяти современныхъ поколѣній несправедливо забытую, объективно почти совсѣмъ не изученную итальянскую мысль XIX столѣтія и ввести въ общую схему развитія новѣйшей европейской мысли новыя звенья и новыя имена.

Не могу не сказать въ заключеніе, что при исполненіи работы, подъ часъ тяжелой и неблагодарной, меня чрезвычайно поддерживала мысль, что изученіе Розмини и Джоберти является дѣломъ органической необходимости для русской философской мысли. Совершенно несомнѣнно, что между итальянскимъ онтологизмомъ и между оригинальными теченіями русской философской мысли есть черты большого внутренняго сходства. Особен-

но замѣчательна встрѣча на однихъ и тѣхъ же утвержденияхъ такихъ различныхъ и совершенно другъ друга не знавшихъ мыслителей, какъ Хомяковъ и Джоберти. Черты неожиданнаго внутренняго родства лишній разъ подтверждаютъ мысль о томъ, что пути духа, несмотря на національныя особенности, у всего человѣчества одни, и что для того, чтобы различнымъ народностямъ встрѣтиться въ высшемъ единствѣ,—есть одинъ путь: метафизически углублять свое сознание и восходить къ живымъ онтологическимъ корнямъ своего бытія.

Съ другой же стороны, познавая до конца сходства, мы познаемъ до конца и различія и, при субстанціальномъ единствѣ нѣкоторыхъ моментовъ итальянской и русской философской мысли, съ удовлетвореніемъ созерцаемъ богатство разнообразныхъ философскихъ модальностей, въ коихъ можетъ выражаться по существу единая мысль.

В. Эрнь.

къ .

Шарль Ренувье и общіе принципы его гносеологіи.

I.

1-го января этого года исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія «Нестора философіи», главы французскаго неокритицизма— Шарля Ренувье (Renouvier). Философъ, стоявшій на стражѣ мысли въ теченіе почти всего XIX-го вѣка, глубокой аналитикъ, энциклопедически образованный умъ и вмѣстѣ съ тѣмъ чело-вѣкъ, отличавшійся самою тонкою гуманностью и твердымъ нравственнымъ характеромъ, Ренувье оказался малоизвѣстнымъ въ философскомъ мірѣ, особенно въ Россіи.

Жизнь Ренувье—совокупность трудовъ, напряженная работа надъ созиданіемъ и изданіемъ безчисленныхъ монографій, курсовъ, статей и замѣтокъ по разнообразнымъ вопросамъ теоріи познанія, логики, метафизики, этики, философіи религіи, философіи исторіи, литературной критики, исторіи и социологіи. За этою жизнью труженика-философа теряется его личная жизнь, скудно освѣщаемая немногочисленными источниками для біографіи Ренувье: Статьей изъ «*Esquisse d'une classification systématique des doctrines philosophiques*, Перепиской съ Секретаномъ и «Послѣдними бесѣдами» (*Les derniers entretiens*), изданными Луи Пра (Prat). Если къ этимъ источникамъ прибавить скудныя свѣдѣнія, сообщаемыя ренувьистами, то можно начертать развѣ только скелетъ жизни великаго философа.

Родился Ренувье въ Монпелье, въ семьѣ, гдѣ было самое свободное отношеніе къ религіознымъ обязанностямъ¹⁾. Отсутствіе твердыхъ церковныхъ традицій въ семьѣ, конечно, повліяло на

¹⁾ См. *Correspondance inédite de Ch. Renouvier et de Ch. Secretan*: („*Rev. de metaph. et de morale*“ . 1909 p. 543-4).

все послѣдующее свободомысліе философа въ отношеніи къ догмамъ католицизма. Въ 1834-мъ году Ренувье поступилъ въ Политехническую школу, которую окончилъ въ 1836-мъ году. Пребываніе въ этой школѣ было мало плодотворно для будущаго философа. Размышленіе о методахъ да нѣкоторая сумма знаній вотъ и все приобрѣтеніе, сдѣланное молодымъ математикомъ въ школѣ ¹⁾). Личная эволюція протекала независимо отъ занятій учебными предметами. Увлеченіе сенсимо-низмомъ, подогрѣваемое чтеніемъ «Le Globe», окрыляло юношу самыми радужными надеждами и вѣрою въ скорое достиженіе общечеловѣческаго благоденствія. «Это безуміе», признается самъ Ренувье, «не продержалось у меня до двадцатаго года, но оно оставило мнѣ въ наслѣдство жестокое разочарованіе и въ то же время болѣзненный вкусъ къ абсолютнымъ синтезамъ и дѣтское отвращеніе къ аналитическимъ процессамъ и скромнымъ познаніямъ ²⁾». Несомнѣнно, что подъ влияніемъ математическихъ занятій въ школѣ Ренувье такъ остро поставилъ въ своемъ неокритицизмѣ проблему числа. Математическія фикціи, по словамъ философа, первоначально внушили ему мысль, что безконечное— «высшая тайна вещей», ³⁾ символъ, за которымъ скрываются многочисленные объекты для метафизической спекуляціи.

Выйдя изъ Политехнической школы, Ренувье хотѣлъ сдѣлаться инженеромъ, но случайное знакомство съ знаменитыми философскими сочиненіями указало ему его истинное призваніе. Чтеніе «Принциповъ» Декарта привело юнаго математика въ восторгъ предъ синтетическимъ методомъ отца новой философіи. Послѣ Декарта были прочитаны лучшіе труды Малекбранша, Спинозы, Лейбница и Канта. Подъ впечатлѣніемъ прочитаннаго и по совѣту своего друга доктора Le Gall la Ball'a Ренувье рѣшилъ оставить свою праздную жизнь ⁴⁾ и выступилъ съ «Трактатомъ о Декартѣ», представленномъ на конкурсѣ академіи моральныхъ и политическихъ наукъ. Дамиронъ удостоилъ сочиненіе почетнаго отзыва, отмѣтивъ грубость языка автора. «Съ этого лишь мо-

¹⁾ „Esquisse d'une classification systématique des doctrines philosophiques ed. Fischbacher. 1885-6. t. II. 358-9.

²⁾ Ibid. p. 358.

³⁾ Ibid. p. 363.

⁴⁾ См. Robert le Savoureux: «L'entreprise philosophique de Renouvier»: («Rev d. met. et de mor.» 1912 p. 654.

мента», говорит Ренувье, «я начал ставить себѣ жизненные вопросы всякой метафизики и всякой рациональной психологии и беспокоиться о трудностяхъ, которыя всегда есть и были причиною противорѣчій, въ которыя впадаетъ философія и которыя составляютъ силу скептицизма ¹⁾. Первый изъ такихъ вопросовъ, заинтересовавшихъ нашего философа, былъ вопросъ о значеніи вѣры для познанія, о роли индивидуальности въ созданіи міровоззрѣнія. Ренувье чрезъ чтеніе философовъ и особенно Декарта убѣдился, что предпосылки знанія слагаются подъ влияніемъ соціальной среды и, главнымъ образомъ, индивидуальнаго выбора; что «первыя принципы» требуютъ не только аргументаціи, но и принятія ихъ личною, какъ живымъ цѣлымъ. Въ то же самое время зарождался и апіоризмъ Ренувье: ученіе о матеріи опыта и категоріяхъ, какъ апіорныхъ законахъ знанія и бытія, а также признаніе за кантовскими антиноміями основоположнаго значенія для рѣшенія философской проблемы ²⁾.

Полукантіанецъ, полупрагматистъ Ренувье рѣшилъ «принять реальность объектовъ идей со значеніемъ постулатовъ» ³⁾ и взять изъ результатовъ исторіи философской мысли то, что *казалось* соответствующимъ его пробабилizmu. У Декарта онъ взялъ ученіе о мышленіи и протяженіи, у Лейбница—законъ предустановленной гармоніи. Однако въ то время Ренувье еще вѣрилъ въ абсолютную реальность пространства. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ считалъ детерминизмъ условіемъ *sine qua pop* не только научной, но и философской работы, хотя и хорошо видѣлъ, какъ трудно безъ натяжки выдержать детерминизмъ при объясненіи человѣческихъ страстей и нравственныхъ обязанностей ⁴⁾.

Вопросъ объ антиноміяхъ для Ренувье былъ вопросомъ о существенныхъ противорѣчіяхъ въ системахъ знаменитѣйшихъ мыслителей. Въ качествѣ примѣра можно взять схоластикова. У нихъ отрицаніе процесса въ безконечности явленій совмѣщается съ признаніемъ вѣчности Божественнаго личнаго сознанія; Абсолютное недѣлимое Единство полагается, какъ источникъ всякой феноменальной реальности: ученіе о вѣчномъ предопредѣленіи стоитъ рядомъ съ категорическимъ утвержденіемъ сво-

¹⁾ «Esquisse». II. 359.

²⁾ Ibid. 362-3.

³⁾ Ibid. 363.

⁴⁾ Ibid. 364.

боды воли. Точно такъ Декартъ, Спиноза, Лейбницъ, Кантъ и др. страннымъ образомъ допускали противорѣчивыя сужденія по вопросамъ о субстанціи, непрерывности, свободѣ и перво-причинѣ. Для Ренувье, который лишь ориентировался въ философскихъ вопросахъ, явилось искушеніе признать антиномичность за конструктивный законъ мышленія и въ этомъ направленіи отчасти послѣдовать взгляду Гегеля. Съ такими мыслями Ренувье издалъ въ 1892 г. «Manuel de philosophie moderne», являющееся расширеніемъ трактата о Декартѣ. ¹⁾ Характерныя черты этого сочиненія: а) принятіе принципа рациональной вѣры, б) признаніе антиномической природы мышленія съ допущеніемъ одновременнаго существованія въ мысли противорѣчивыхъ тезисовъ: непрерывности и прерывности, необходимости и свободы и т. п., в) ученія о Богѣ, какъ абсолютной личности, д) синтезъ объективнаго пантеизма и субъективнаго идеализма въ доктринѣ Абсолютнаго, «я» и «не-я» въ Безконечномъ и е) «опредѣленіе этой примирительной доктрины, какъ широкаго эклектизма, но эклектизма методическаго, обнимающаго въ своихъ выводахъ всю совокупность картезіанскаго движенія въ то же время, какъ самыя смѣлыя взгляды мыслителей, предшествующаго Декарту и послѣдующаго за Кантомъ: Джіордано Бруно и Гегеля ²⁾ «Руководство по новой философій» было проникнуто явными симпатіями къ Декарту. «Философія, мать всѣхъ философій...—философія французская и... великіе люди ученой Германіи—ученики Декарта ³⁾». Въ этихъ словахъ сказался тотъ патріотизмъ, которымъ мыслитель отличался во все время своей жизни.

Въ 1844-мъ году Ренувье издалъ весьма основательный и по идеѣ цѣлостный трудъ въ двухъ томахъ: «Manuel de philosophie ancienne». Основная мысль этого сочиненія прекрасно выражена въ эпиграфѣ, взятомъ изъ Паскаля: «всѣхъ ихъ принципы истинны: пирронистовъ, стойковъ, атеистовъ и т. д. Но заключенія ихъ ложны, такъ какъ противоположные принципы—также истинны». Тѣми же идеями проникнуты статьи Ренувье, помѣщенные въ «L'encyclopédie nouvelle», редактировавшейся Пьеромъ Леру и Жаномъ Рейно. Изданіе носило эклектическій характеръ, но въ главѣ «philosophie» Ренувье высказалъ сравнительно ори-

¹⁾ R. Le Savoureux. Цит. ст. 654.

²⁾ «Esquisse». II. p. 369.

³⁾ «Manuel de philosophie moderne». Paris. ed. Paulin. 1892. p. 442.

гинальную для того времени мысль, что этика въ своихъ основаніяхъ независима отъ метафизики и богословія.

Этими сочиненіями исчерпывается первый, самый незначительный періодъ философской дѣятельности Ренувье ¹⁾. Послѣ ихъ изданія у философа происходитъ внутренній переворотъ. Проблемы безконечнаго и свободы, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ судьба кантовскихъ антиномій, продолжали глубоко волновать философа. Вопросъ о безконечномъ представлялся ему въ такой формѣ: «можно ли думать, что воображаемое исчисленіе прошедшихъ и настоящихъ вещей соотвѣтствуетъ безконечнымъ числамъ, хотя эти вещи были даны и по идеѣ данности имѣли предѣлъ?» ²⁾ Еще со школьной скамьи Ренувье считалъ инфинитизмъ недопустимымъ *in abstracto*, т.-е. отрицалъ реальность безконечно малыхъ величинъ: онѣ могли быть только символами реальности. Теперь Ренувье хотѣлъ провозгласить не только финитизмъ величинъ, но и финитизмъ вещей. Освобожденіе отъ всѣхъ «мистическихъ aberrаций» ³⁾, соединенныхъ съ доктриною непрерывности, приводило къ истинамъ морально практическимъ и вопросъ о непрерывности получалъ этической характеръ.

Но прежде всего нужно было принять всѣ онтологическія слѣдствія финитизма и, главнымъ образомъ, въ ученіи о пространствѣ и времени. Если актуальное безконечное—*contradictio in adjecto*, то пространство не можетъ быть реальностью, существующей въ себѣ, ибо по своей идеѣ пространство дѣлимо безъ конца, такъ что части пространства должны быть также безконечно дѣлимыми вещами въ себѣ. Ренувье принимаетъ идеалистическую теорію пространства. «Если я ассимилирую», говоритъ онъ, „количество въ пространствѣ съ идеальнымъ числомъ, умноженіе или дѣленіе котораго, какъ неопредѣленные, примѣняются къ *возможному*, а не къ *данному*, то я не боюсь противорѣчія актуальнаго безконечнаго, но тогда я рассматриваю пространство, какъ интуицію, съ которой связываются воспріятія или представленія всякаго рода возможныхъ отношеній, всегда

1) Въ 1848-мъ году Ренувье издалъ социалистическаго характера „Manuel républicain de l'homme et du citoyen“, вызвавшее паденіе министра Карно. Въ 1830-мъ году Р. вмѣстѣ съ Fauvety, Erdan'омъ и др. составилъ „Projet d'organisation communale et centrale de la République“.

2) Esquisse II. 371.

3) Ibid. 373.

конечныхъ, когда они даны, безконечныхъ лишь въ потенціи» ¹⁾. Такимъ же образомъ время оказывается внутренней интуиціей и вмѣстѣ съ тѣмъ субъективнымъ представленіемъ отношеній между явленіями. Движеніе и скорость, какъ основанныя на отношеніи пространства ко времени, тоже конечны in actu и *неопредѣленны in abstracto*. Матерія тѣлъ, разсматривать ли ее механически или динамически, прерывна какъ *данная* реальность. Регрессъ въ безконечности явленій возможенъ только a parte post, такъ какъ будущее неопредѣленно—оно только возможно и потому будущая реальность не можетъ исчислиться до своего обнаруженія.

Важнѣйшимъ метафизическимъ слѣдствіемъ финитизма для Ренувье было утвержденіе первоначала явленій. Финитистъ не долженъ допускать ни вѣчности или вѣчной эволюціи матеріи, ни вѣчной и необходимой природы Бога. Для него Первоначало будетъ дѣйствительнымъ предѣломъ или началомъ и въ то же время источникомъ явленій, внутренняя природа котораго внѣ отношенія къ міру непостижима по своему опредѣленію. Пока мысль Ренувье оперировала съ проблемой непрерывности, вопросъ о Первоначалѣ былъ только новымъ выраженіемъ финитизма въ отношеніи къ феноменальному міру, какъ пѣлomu. Дальнѣйшее разсужденіе о первоначалѣ уже тѣснымъ образомъ соединялось съ рѣшеніемъ вопросовъ о причинности и свободѣ, т.-е. съ разрѣшеніемъ третьей антиноміи Канта.

«Если», говоритъ Ренувье, «вы однажды преодолѣли трудность, которая васъ останавливала на мысли, что нѣчто, что невозможно классифицировать въ ряду явленій, въ которыхъ вы могли бы указать ихъ antecedенты, *само не имѣя оснований, служитъ основаніемъ цѣлаго міра явленій*, то вамъ станетъ сравнительно легко допустить, что актуально могутъ совершаться акты свободнаго выбора» ²⁾. Подъ актами свободнаго выбора Ренувье понимаетъ выборъ изъ многихъ возможностей одной въ зависимости отъ личнаго опредѣленія агента по разсмотрѣннй мотивовъ. Вторымъ основаніемъ въ пользу «libre arbitre» служитъ непосредственное сознаніе самопричиняющей воли. Послѣдняя есть прототипъ причинности. Очевидно, здѣсь Ренувье при-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid. 379.

шелъ къ гносеологической предпосылкѣ Мэнъ де Бирана, хотя и независимо отъ него.

Міръ а parte post—рядъ возможныхъ міровъ: міръ а parte ante—сумма актуальныхъ или прошедшихъ міровъ. Таковъ положительный результатъ изученія Ренувье первыхъ кантовскихъ антиномій. Если финитизмъ Ренувье былъ плодомъ его личныхъ размышленій надъ математическими предпосылками и кантовскими антиноміями, то на его индетерминизмъ значительно повліяло ученіе рано умершаго талантливаго философа и друга Ренувье Жюля Лекье (Lequier). Послѣдній въ своихъ сочиненіяхъ: «La recherche d'une premiègre vérité» и «Probus» доказывалъ зависимость сужденій отъ выбора, реальность свободы, какъ libre arbitre въ противоположность крайностямъ детерминизма и индифферентизма и примать морали, поскольку всякая философія есть не столько знаніе, сколько дѣло. Ренувье живо воспринялъ эти взгляды, какъ вполне соотвѣтствующіе ранѣ сложившимся у него убѣжденіямъ.

Рѣшеніе кантовскихъ антиномій въ духѣ финитизма, прерывности и свободы внушили философу вѣру въ принципъ противорѣчія, какъ «неизбѣжное орудіе образованія всякой доктрины», не только касательно внутренней логики системъ и наукъ, но еще обычно въ его объективномъ употребленіи при управленіи атрибутами, которые согласуются или взаимно исключаются, какъ свойства реальныхъ вещей ¹⁾). Несмотря на такое конструктивное для нашего мышленія значеніе принципа противорѣчія, онъ систематически нарушался и нарушается въ философскихъ системахъ. Ренувье всю свою систему базируетъ на непреклонной рациональной вѣрѣ въ принципъ противорѣчія. Въ силу этого принципа онъ хочетъ установить тезисъ релятивизма: «всякое знаніе—отношеніе, какъ продуктъ сознанія—отношенія самости къ не-самости». Существа представляются, какъ группы и функціи явленій: объектами познанія признаются лишь феномены и связывающіе ихъ законы, которые сами суть лишь рядъ общихъ феноменовъ ²⁾). Свой релятивизмъ Ренувье соединяетъ съ усиленною и рѣзкою критикой субстанціализма, принимая единственно законное опредѣленіе субстанціи, какъ логическаго субъекта ка-

¹⁾ Ibid. 354.

²⁾ Ibid.

чество. Разрѣшая кантовскія антиноміи въ пользу тезисовъ, онъ создаетъ такъ называемую кажущуюся антиномію въ ученіи о всеобщемъ синтезѣ явленій. Съ одной стороны, законъ противорѣчія требуетъ мыслить міръ, какъ цѣлое; съ другой стороны, опытъ свидѣтельствуетъ о недостижимости для насъ этого цѣлаго. Для Ренувье, старающагося быть вѣрнымъ принципу противорѣчія, неопровержимость антитезиса была кажущейся, ибо «театръ опыта—содержаніе міра и міръ его превышаетъ»¹⁾. Нужно подчинить данность опыта съ индукціей безконечнаго логическому постулату цѣлостнаго бытія. Разрѣшеніе кажущейся антиноміи таково, что міровой синтезъ трансцендентенъ актуальному ограниченному опыту и что всякая наука, имѣющая дѣло лишь съ фактами актуальнаго опыта, бессильна опредѣлить цѣлостную систему міровыхъ отношеній.

Освободившись отъ поклоненія «метафизическимъ идоламъ» Безконечнаго, субстанціи и универсальной солидарности вещей, Ренувье не впалъ въ односторонній эмпиризмъ, который, казалось, подсказывала ему релятивистическая теорія представленія. Съ одной стороны, онъ призналъ апіорную законѣрность явленій и на этомъ пунктѣ обосновалъ свой неокритицизмъ, а съ другой стороны расширилъ сферу опыта областью моральныхъ вѣроятностей, которыя логически допустимы, но принимаются вѣрою, такъ какъ превышаютъ «феноменальную актуальность и ея достовѣрность»²⁾. Это тѣ вѣроятности, которыя соотвѣтствуютъ постулатамъ практическаго разума Канта: свобода, бессмертіе и Богъ. Однако вопреки Канту Ренувье допускалъ *libre arbitre* въ феноменальномъ мірѣ, отрицалъ постулатъ достаточнаго основанія со значеніемъ логически принудительнаго закона и не признавалъ абсолютной ноуменальной свободы, поскольку вся реальность мыслится данной или имѣющей быть данной только въ суммѣ феноменовъ. Въ ученіи о бессмертіи онъ также не выходилъ изъ сферы феноменальнаго міра, разсматривая «будущую жизнь» только «какъ возможную въ силу глубокихъ законовъ природы и телеологическаго плана жизни, связывающаго послѣдовательные организмы съ развитіемъ одной и той же личности»³⁾. Наконецъ Ренувье принялъ антропоморфическое и по-

1) «Essais de critique générale I-er Essais. éd. Lagrange. Paris. 1854. p. 383.

2) Esquisse. II. 390.

3) Ibid. 394.

литеистическое воззрѣніе на Бога, какъ на республику высшихъ существъ, въ которой должна осуществиться идея блага. Феноменистическій критицизмъ отрицаетъ мыслимость всѣхъ метафизическихъ атрибутовъ Бога; идея Бога подъ аспектомъ логики мыслится лишь, какъ идея Первоначала, а подъ аспектомъ моральной личности, какъ реализованное въ верховныхъ личностяхъ благо.

Съ такими мыслями приступилъ Ренувье къ основному своему труду «*Essais de critique générale*». Въ 1854-мъ году вышелъ «Первый опытъ всеобщей критики: трактатъ всеобщей и формальной логики». Основные тезисы этого сочиненія слѣдующіе: а) представленіе—первичный элементъ знанія; б) мы познаемъ только феномены, какъ соотношенія репрезентативнаго и репрезентивнаго въ представленіяхъ; с) вещи въ себѣ не существуютъ; d) разрозненные феномены упорядочиваются посредствомъ апріорныхъ законовъ знанія и бытія или категорій. Дается схема категорій; е) міровой синтезъ признается логически необходимымъ, эмпирически непостижимымъ; f) съ логической точки зрѣнія свобода воли допустима; g) Богъ—первоначало, точнѣе республика могущественнѣйшихъ существъ. Это сочиненіе во многихъ частяхъ проникнуто кантіанскими мыслями. Въ 1859 г. послѣдовалъ «Второй опытъ всеобщей критики: трактатъ рациональной психологіи по принципамъ критицизма». Это—одно изъ самыхъ замѣчательныхъ по оригинальности и глубинѣ мысли произведеній Ренувье. Особенно подробно въ немъ авторъ останавливается на ученіи о моральныхъ вѣроятностяхъ и психологическихъ данныхъ въ пользу свободы воли. Dauriac справедливо усматриваетъ въ этомъ трудѣ слѣды особеннаго вліянія идей Лекье, главнымъ образомъ по вопросамъ *libre arbitre* и критеріямъ достовѣрнаго знанія ¹⁾. Принципъ рациональной вѣры, отмѣченный еще въ «*Manuel de philosophie moderne*», утверждается въ качествѣ нормативнаго и основного правила мышленія о бытіи. Въ 1864-мъ году изданъ небольшой томъ «Третьяго опыта всеобщей критики: «Принципы природы». Здѣсь дается система рациональной космологіи, приближающаяся къ монадоло-

1) Lionel Dauriac: „Les moments de la philosophie de Ch. Renouvier.“ („*Bulletins de la Société française de Philosophie*“, éd. Colin. Paris. 1904. chap. II. p. 30. sq.).

гii Лейбница и критикуется механическое и эволюціонистическое пониманіе жизни. Въ этомъ же году вышелъ «Четвертый опытъ всеобщей критики: введеніе въ аналитическую философію исторіи», который, рассматривая человѣческую личность въ ея историческомъ становленіи, съ одной стороны примыкаетъ къ первымъ тремъ опытамъ, а съ другой стороны начинаетъ собою серію трудовъ Ренувье по философіи исторіи, имѣющихъ и самостоятельное значеніе независимо отъ философскихъ предпосылокъ неокритицизма.

Четыре «Опыта» — основоположныя книги феноменистическаго релятивизма, если даже принимать во вниманіе позднѣйшія произведенія. Въ добавленіе къ «Опытамъ» Ренувье написалъ въ основанномъ имъ журналѣ «L'année philosophique» двѣ статьи: «Философія въ XIX-мъ вѣкѣ» (1867 г.) и «Безконечное, субстанція и свобода» (1868). Въ 1869-мъ году выпущены были два тома «Science de la morale», самаго любимаго изъ сочиненій Ренувье и наиболѣе признаннаго въ философскомъ мірѣ. Этика Ренувье въ своей основѣ имѣетъ идею справедливости, какъ цѣли, достигаемой свободнымъ выборомъ личностей. Общественная мораль понимается, какъ договоръ, заключаемый по свободному опредѣленію и соглашенію между личностями.

Дальнѣйшее развитіе мысли Ренувье связывается съ одной стороны съ установленнымъ принципомъ рациональной вѣры, а съ другой стороны съ ученіемъ о сознаниі, какъ категоріи и вмѣстѣ съ тѣмъ основномъ «законѣ» душевной жизни. Въ «Опытахъ» было установлено гносеологическое значеніе вѣры, какъ *лично* выбора, а въ «1-мъ опытѣ» сознаніе понималось, какъ самая живая категорія, въ которой заключены всѣ другія. Отсюда былъ одинъ шагъ къ признанію личности, какъ самосознающаго цѣлаго, принципомъ бытія, т.-е. къ конструкціи персонализма. Тезисы персонализма: «все бытіе—ступени сознаниа и жизни» или «сознаніе—принципъ познаниа и бытія, какъ познаваемаго, такъ и познающаго» ¹⁾, молчаливо предполагались еще въ «Опытахъ», гдѣ основныя «тезисы реальности» сознаниа, внѣшняго міра, чужого «я» и согласія знаниа и бытія принимались рациональною вѣрой. Съ другой стороны, въ «Опытахъ» подверглась жестокой критикѣ метафизика вещиности или лож-

1) «Les dilemmes de la métaphysique pure». 254. Paris. éd. Alcan. 1901.

ный идеализмъ именъ, символизирующихъ вещи. Въ противѣсѣ догматической метафизикѣ вещей или идей-вещей Ренувье создалъ метафизику моральныхъ вѣроятностей или расширеннаго опыта, имѣя въ виду, какъ логическіе законы познанія, такъ и моральные запросы сердца.

Въ 1872-мъ году Ренувье вмѣстѣ со своимъ сотрудникомъ по «L'année philosophique» Фредерикомъ Пильономъ приступилъ къ изданію философскаго еженедѣльника «La critique philosophique». Въ этомъ изданіи, выходившемъ съ 1872 по 1878 г. и съ 1885-го по 1889 г., принимали участіе такіе видные философы, какъ Джемсъ, Секретанъ, Ляшелье, Доріакъ и многіе другіе. Въ многочисленныхъ статьяхъ самого Ренувье, а также въ философскихъ этюдахъ Пильона персонализмъ постепенно развивался на гносеологическихъ основаніяхъ неокритицизма и съ устраненіемъ изъ послѣдняго тѣхъ сторонъ, которыя приводили къ метафизическому агностицизму.

Въ связи съ персонализмомъ зарождался монотеизмъ Ренувье, какъ ученіе о единой творческой Божественной личности. «Идея первоначальной единой личности, насколько я ее представляю и насколько она мнѣ кажется доступной, не выходя изъ критическаго метода, основывается на сближеніи тезиса первоначала съ фактомъ гармоническаго положенія отношеній въ универсумѣ, разсматриваемомъ, какъ система связанныхъ отношеній. Для метода, который не допускаетъ ни закона безъ явленій, ни явленій безъ закона, ни явленія даннаго внѣ представленія, единый и универсальный законъ, планъ міровыхъ отношеній можетъ существовать лишь при условіи сознанія единаго и универсальнаго, объемлющаго этотъ объектъ» ¹⁾. Дѣйствительно, методъ изслѣдованія вопроса о первоначалѣ въ «Опытахъ» не былъ философскимъ, такъ какъ политеизмъ предпочитался монотеизму на томъ лишь основаніи, что первый соотвѣтствуетъ болѣе совершенной республиканской формѣ правленія. Теперь вопросъ получаетъ принципиальную постановку. Бытіе — явленіе; явленіе — представленіе; представленіе въ сознаніи — бытіе въ сознаніи. Отъ признанія міровой солидарности въ цѣляхъ Ренувье приходитъ къ утвержденію единства Разума, ставящаго эти цѣли. Міровая причина едина, ибо при плюрализмѣ міровыхъ отношеній

¹⁾ Esquisse. II, 399.

констатируется поразительное единство ихъ функцій. Всѣ существа «имѣютъ одинъ и тотъ же міръ, одну и ту же логику, одну даже науку о вещахъ» ¹⁾).

При такомъ пониманіи личнаго Первоначала Ренувье логически легко было связать свой монотеизмъ съ ученіемъ о сотвореніи міра ex nihilo. Міръ—продуктъ свободнаго божественнаго акта. Слѣдуетъ только отказаться отъ схоластическихъ предразсудковъ: Deus absolutus и Deus causa sui. Съ точки зрѣнія феноменализма творческій актъ состоитъ прежде всего въ твореніи божественнаго сознанія, «тогда же соединяемаго съ твореніемъ подчиненныхъ ему сознаній, для которыхъ оно устанавливаетъ всеобщій порядокъ отношеній и функцій» ²⁾). Отсюда монадологія Ренувье получаетъ новый персоналистическій характеръ: созданная Богомъ реальность—міръ сознаній, психическихъ единицъ, одаренныхъ основными *качествами* воспріятія, чувства и стремленія.

Таковы метафизическіе взгляды, постепенно усвоивавшіеся Ренувье въ періодъ изданія «La critique philosophique». Нужно замѣтить, что главнымъ импульсомъ для постановки отмѣченныхъ вопросовъ были великія моральныя и религіозныя чувства автора. Между 1878 и 1885 годами Ренувье издавалъ журналъ «La critique religieuse», въ которомъ принимали участіе виднѣйшіе протестантскіе писатели либеральнаго направленія. Въ періодъ изданія «Философской критики» Ренувье издалъ еще слѣдующіе труды: Переводъ «Психологіи» Юма (1876 г. въ сотрудничествѣ съ Пильономъ); «Маленькій трактатъ морали для употребленія въ начальныхъ свѣтскихъ школахъ» (1879 г.); «Ухронія» (Утопія въ исторіи. 1876 г.)—историческій эскизъ развитія европейской цивилизаціи не такой, какова она есть, но какой она могла бы быть и, наконецъ, «Esquisse d'une classification systématique des doctrines philosophiques», t. I—II—громадный трудъ съ добавленіемъ цѣнной автобіографической статьи: «Какимъ образомъ я пришелъ къ этому заключенію». Въ этомъ сочиненіи авторъ дѣлаетъ своды основныхъ философскихъ вопросовъ въ дилемматической формѣ. Вещь или идея? Безконечное или конечное? Эволюція или твореніе? Необходимость или

¹⁾ „L'année philosophique, 1898, p. 41.

²⁾ Esquisse. 403.

свобода? Счастье или долг? Очевидность или вѣра? Черезъ историко-критическое разсмотрѣніе первыхъ терминовъ дилеммы Ренувье принимаетъ вторые термины, какъ наиболѣе отвѣчающіе постулатамъ морали и законамъ логики. Такъ, посредствомъ «моральнаго пари» устанавливаются принципы «доктрины сознанія» ¹⁾: «принципъ *числа* или невозможность актуальнаго безконечнаго въ количествахъ, невозможность реального математически непрерывнаго и, слѣдовательно, пространства, времени и матеріи, какъ субъектовъ въ себѣ, независимыхъ отъ всякаго сознанія; принципъ *творенія*—слѣдствіе предшествующаго, логическая необходимость первоначала, невозможность вѣчной эволюціи явленій, субстанции, заключающей въ себѣ (*enveloppant*) феномены до безконечности; принципъ *свободы*—утвержденіе первыхъ относительныхъ началъ, отрицаніе неразрывной связи и всецѣлой солидарности всѣхъ возможныхъ во времени явленій; принципъ *дома*—признаніе внутренней данности правила дѣйствія, подчиняющаго поведеніе и произвольныя стремленія людей другимъ условіямъ кромѣ ихъ аффектовъ и постояннаго исканія удовольствій и счастья; наконецъ, принципъ *вѣры*: отрицаніе очевидности и предполагаемой необходимости сужденій, признаніе и откровенное принятіе факторовъ воли и чувствъ въ изысканіи и провозглашеніи истины во всѣхъ утвержденіяхъ, кромѣ тѣхъ, которыя относятся къ эмпирическому и непосредственному констатированію явленій» ²⁾.

Напряженная философская работа захватывала личность Ренувье. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что каждое его сочиненіе требовало тщательнаго знакомства съ какою-нибудь новою областью философіи, исторіи или литературы. Масса статей въ «Философской критикѣ» библиографическаго характера. Въ періодъ отъ 1878 по 1891 г. сохранилась переписка Ренувье съ Секретаномъ, позже изданная Пра. Эта переписка почти совершенно лишена біографическаго значенія. Нѣсколько указаній на свое образованіе да сообщеніе о смерти супруги—вотъ все, что можно узнать изъ писемъ Ренувье о его личной жизни. Письма имѣютъ

¹⁾ Esquisse. 332. Гёте назвалъ Якоби персоналистомъ за его вѣру въ личнаго Бога (Eisler. Wörterbuch der philosophischen Begriffe. Berlin. 1901 II, 86). П. Жанэ примѣвилъ названіе „персонализмъ“ къ своей философіи (Daugiac. цит. соч. p. 40).

²⁾ Esquisse. 332.

большое значеніе, какъ выраженіе философскихъ симпатій обоихъ мыслителей и, главнымъ образомъ, для выясненія вопроса: въ какомъ смыслѣ Ренувье былъ метафизикомъ? Во всякомъ случаѣ есть основанія предполагать, что въ этомъ направленіи онъ испыталъ вліяніе „самого знаменитаго метафизика протестантизма на французскомъ языкѣ“ Шарля Секретана ¹⁾. Характерно хронологическое совпаденіе перехода Ренувье къ метафизикѣ съ развитіемъ и завершеніемъ переписки.

Съ 1890 года Ренувье принималъ дѣятельное участіе въ возобновленномъ Пильономъ журналѣ «L'année philosophique», помѣстивъ рядъ замѣчательныхъ статей, могущихъ служить прекраснымъ матеріаломъ для конспективного ознакомленія съ тезисами неокритицизма и при томъ въ ихъ исторической перспективѣ. 1892 годъ, время появленія второго изданія „Принциповъ природы“, отмѣчается, какъ критическій, въ исторіи мысли нашего философа. Отнынѣ Ренувье уже открыто принимаетъ «метафизику расширеннаго опыта» и выражаетъ явное сочувствіе спиритуалистическимъ тенденціямъ Лейбница. Здѣсь же впервые изложена теодицея (вѣрнѣе, космодицея) персонализма, которая постепенно созрѣвала въ чуткомъ моральномъ сознаніи Ренувье, никогда не отдѣлявшаго мысли отъ дѣла. Теодицея опредѣлялась съ одной стороны идеей Бога, какъ Благой творческой личности и съ другой стороны—признаніемъ современнаго состоянія природы и человѣка результатомъ нравственнаго паденія человѣчества. Мировая жизнь—не эволюція и непрерывный прогрессъ, а возрожденіе, искупленіе грѣха до восстановленія нормативной справедливости.

Дальнѣйшій путь исканій Ренувье развивается въ области исторіи, литературы и преимущественно, метафизики. Въ 1893 г. былъ изданъ талантливый критическій этюдъ: «Victor Hugo, poète». Въ 1896 году вышло второе значительно расширенное изданіе «4-го опыта всеобщей критики», а въ 1896—7 г. написано огромнѣйшее изслѣдованіе: 5-me Essai de critique générale. La philosophie analytique de l'histoire». Hamelin называетъ это сочиненіе «благодѣяніемъ» ²⁾. «Нѣтъ», писалъ Пильонъ, «ни одной главы въ этой книгѣ, которая не представляла бы весьма боль-

¹⁾ „Le personnalisme“, 87, éd. Alcan. Paris. 1903.

²⁾ Hamelin. „La philosophie analytique de l'histoire de Renouvier. („L'ann. phil.“ 1898, p. 48).

шого интереса, въ которой на каждой страницѣ не находили бы оригинальныхъ, сильно выраженныхъ идей, гдѣ не имѣли бы случая удивляться богатой эрудици, пронизательной критикѣ, интеллектуальной силѣ, независимости суждений, правдивому и возвышенному сознанию автора ¹⁾. Въ 1899 году вышелъ самый важный для изученія основъ персонализма трудъ «*La nouvelle monadologie*», написанный въ сотрудничествѣ съ ученикомъ Ренувье Луи Пра: въ первой части этого труда догматически излагается ученіе о монадахъ, ихъ основныхъ качествахъ, жизни монадъ въ пространствѣ и времени и выясняется проблема взаимоотношенія реальностей въ духѣ Малекранша, Лейбница и Бёркли. Во второй части трактуется объ организаци монадъ, эволюціи и происхожденіи животныхъ и человѣка. Въ третьей части содержится ученіе о категоріяхъ, логическихъ законахъ, „*libre arbitre*“ и, наконецъ, о религіозныхъ вѣрованіяхъ и высшемъ идеалѣ. Въ четвертой части дана психологія страстей. Пятая часть—ученіе о волѣ: теорія волевого движенія, случаи индетерминизма, ученіе о «нормальномъ безуміи», логическіе, моральные и религіозные мотивы выбирающей воли, доказательства бытія Божія и пр. Въ шестой части краткосуммируется аналитическая философія исторіи съ выясненіемъ отношеній индивидуума къ обществу подъ вліяніемъ различныхъ факторовъ. Въ седьмой части содержится дилемма міра моральнаго и эмпирическаго, личности и характера; излагается подробно космодицея или теодицея съ исторіей трехъ міровъ, арены великой драмы человѣчества: міра творенія, міра паденія и міра возстановленія; намѣчаются черты космической и моральной эсхатологіи персонализма.

Вскорѣ вышли въ свѣтъ: «*Les dilemmes de la métaphysique pure*» (1900), гдѣ въ новой редакціи собраны нѣкоторыя статьи изъ «*L'année philosophique*»; великолѣпный трактатъ «*Victor Hugo, le philosophe*» (1900) и «*Histoire et solution des problèmes métaphysiques*» (1902), представляющая *resumée* историко-философскихъ взглядовъ Ренувье. Наконецъ, въ 1903 году вышелъ «*Le personalisme*» (Suivi d'une étude sur la perception externe et sur la force). Это «философское завѣщаніе» ²⁾ Ренувье проник-

¹⁾ *L'année philosophique*. 1899, p. 206.

²⁾ Dauriac. „*Le testament philosophique de Renouvier*“ (*Rev. philos.* t. 57. 1904).

нито чисто религиозными мыслями, почему авторъ называетъ свою философію «положительнымъ теизмомъ»¹⁾. На закатѣ жизни философъ синтезируетъ все свое метафизическое *credo*, которое можетъ быть положено въ основаніе не только философіи, но и религіи персонализма. Здѣсь мы встрѣчаемъ сильную апологію творенія во имя законовъ логики и морали,—дѣлаются даже попытки проникнуть въ психологію первичнаго творческаго акта и зарожденія внѣшняго міра, какъ міра сознаний или душъ. Но это только гипотеза, такъ какъ творческій актъ не можетъ подчиняться общему контролю разума²⁾. Выяснивъ связь гипотезъ творенія и единства Божія съ принципами относительности и противорѣчія, Ренувье даетъ нѣкоторыя онтологическія опредѣленія («идеи», «реальности» и т. п.) и обосновываетъ необходимость постигать *тезисы реальности*: сознание, внѣшній міръ, чужое «я» и связь реальностей только интуитивнымъ путемъ — вѣрою. Только вѣра, согласно моральному постулату совершенства, даетъ основанія предполагать, что существуетъ согласіе между свидѣтельствомъ нашихъ способностей и мировымъ порядкомъ³⁾. Постулатъ совершенства, природенный душѣ, опредѣляетъ и антропоморфическое представленіе о Богѣ, какъ о Высочайшей, Всемудрой, Всеблагой и Всемогущей Личности, и теодицею, изложенную еще въ «Новой монадологіи». Теперь подробнѣе излагается гипотеза о состояніи примитивнаго міра, психологическихъ условіяхъ грѣхопаденія человѣчества; рисуется настоящее состояніе природы и человѣчества, какъ «царство войны», доказывается происхожденіе настоящаго міра изъ небулезы и впервые дается смѣлая гипотеза о строеніи жизни и въ частности человѣческихъ зародышей въ періодъ небулезы. Такова «метафизика персонализма». «Соціологія персонализма» содержитъ ученіе о примитивномъ человѣкѣ, при чемъ оспаривается мнѣніе, по которому этотъ человѣкъ признается дикимъ; выясняется постепенное развитіе націй, ихъ соціальныхъ и политическихъ учреждений и участіе въ этомъ процессѣ личности; кратко излагается философія исторіи, три главныхъ ступени въ жизни государствъ: рожденіе, величіе и упадокъ. Въ «эсхатологіи персонализма» дѣлается предположеніе о конечной реста-

1) „Le personnalisme“, p. VIII.

2) Ibid., 17.

3) Ibid., 24.

вращеніи личности и общества въ связи съ завершеніемъ дѣла искупленія человѣчества. Въ третьемъ «царствѣ цѣлей» судьба человѣка найдетъ свое конечное оправданіе. Въ годъ изданія «Персонализма» 1-го сентября Ренувье скончался, имѣя отъ роду 88 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ. Въ изданныхъ Пра «Послѣднихъ бесѣдахъ» подробно описываются послѣдніе дни и часы жизни философа. Ясность сознанія, непоколебимая вѣра въ загробное бытіе, заботы о судьбѣ персонализма вмѣстѣ съ чувствомъ удовлетворенія своею многотрудною жизнью—всѣ эти черты свѣтлаго и благороднаго духа дали возможность Пра назвать смерть Ренувье «кончиною мудреца». Мудрецъ—весь въ идеяхъ. Неизбѣжная смерть представляется ему лишь гранью, за которою послѣдуетъ новая жизнь, требующая новыхъ трудовъ въ служеніи истинѣ. «Не буду говорить о себѣ и о своихъ страданіяхъ. Я имѣю сказать тебѣ нѣчто болѣе важное» ¹⁾ и далѣе старецъ, прерываемый болями, въ разныхъ выраженіяхъ, но вездѣ съ поразительною ясностью воспроизводитъ тѣ мысли, которымъ онъ посвятилъ всю свою жизнь. «Завтра, если у меня будетъ немного дыханія, я сообщу тебѣ нѣсколько идей о природѣ Бога и безсмертіи» ²⁾. Таковы послѣднія слова великаго мыслителя. Онъ въ значительной степени унесъ тайну своего теизма въ могилу ³⁾.

Н. Левитовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Ch. Renouvier. „Les derniers entretiens, publiés p. Louis Prat.“ (Rev. d. métaph. et de morale. Mars. 1904, p. 151).

²⁾ Ibid., 185.

³⁾ Въ 1905 году Пра издалъ посмертное сочиненіе Ренувье: „Critique de la doctrine de Kant.“ Оно весьма важно для выясненія отношенія Ренувье въ послѣдніе годы его жизни къ кантіанству, но не устанавливаетъ новыхъ тезисовъ, которые могли бы разъяснить теизмъ автора.

По поводу сочиненія В. Ф. Эрнъ „Розмини и его теорія знанія. Изслѣдованіе по исторіи итальянской философіи XIX столѣтія“.

В. Ф. Эрнъ въ своемъ изслѣдованіи «Розмини и его теорія знанія» даетъ характеристику личности, судьбы и гносеологическихъ воззрѣній одного изъ наиболѣе выдающихся итальянскихъ философовъ XIX вѣка—Антоніо Розмини Сербати. Въ введеніи авторъ разсматриваетъ положеніе вопроса о Розмини въ западной историко-критической литературѣ, дѣлаетъ краткій очеркъ явленій итальянской философіи до Розмини и старается дать общее опредѣленіе мѣста Розмини среди другихъ европейскихъ, и въ частности итальянскихъ, философовъ. Въ первой главѣ (Жизнь и личность Розмини) содержится біографія Розмини, перечисляются и кратко характеризуются его произведенія и живыми чертами изображается его личность. Во второй главѣ (Введеніе въ идеологію) авторъ излагаетъ критику Розмини ученій его предшественниковъ по первому тому его «Новаго опыта о происхожденіи идей». Въ третьей главѣ (Очеркъ идеологіи Розмини) излагаются гносеологическія воззрѣнія Розмини, также по «Новому Опыту» съ немногими ссылками на нѣкоторыя другія сочиненія Розмини. Глава оканчивается нѣсколькими критическими замѣчаніями автора, указывающими на недостатки гносеологіи Розмини. Четвертая глава (Споръ о психологизмѣ) посвящена спору Розмини съ другимъ знаменитымъ представителемъ итальянской мысли въ XIX вѣкѣ—Джоберти. Точнѣе говоря, эта глава представляетъ изложеніе критическихъ замѣчаній Джоберти противъ идеологіи Розмини, при чемъ для уясненія ихъ смысла авторъ излагаетъ общее философ-

ское міросозерцаніе Джоберти. Авторъ всецѣло примыкаетъ къ критицѣ Джоберти, избочающей «психологизмъ» Розмини и требующей онтологическаго обоснованія гносеологіи, и думаетъ, что эта критика произвела глубокой переворотъ во взглядахъ Розмини, хотя самъ Розмини и не признавалъ этого. Въ пятой главѣ (Онтологическое обоснованіе идеологіи) авторъ излагаетъ гносеологію Розмини въ ея позднѣйшей стадіи, по сочиненію Розмини «Теософія». Наконецъ, въ заключеніи авторъ формулируетъ свой приговоръ о гносеологическихъ построеніяхъ Розмини: они не были удачны, но значеніе философіи Розмини въ томъ, что онъ «прошелъ нѣкоторый *типическій* путь въ своемъ идеологическомъ строительствѣ» (стр. 296) и содѣйствовалъ пробужденію весьма важныхъ вопросовъ.

В. Ф. Эрну принадлежит несомнѣнная и большая заслуга детальнаго ознакомленія русской читающей публики съ взглядами мало извѣстнаго у насъ въ Россіи мыслителя, оригинальнаго и тонкаго, въ свое время пользовавшагося, по крайней мѣрѣ у себя на родинѣ, огромнымъ авторитетомъ. В. Ф. Эрнъ глубоко изучилъ произведенія Розмини, очень многочисленныя, чрезвычайно обширныя, по своему изложенію трудныя и далеко не всегда ясныя. Г. Эрнъ вообще превосходитъ знатокъ итальянской философіи во всѣ эпохи ея развитія, и это помогаетъ ему хорошо ориентироваться при обсужденіи идей Розмини. Нельзя также не отмѣтить чрезвычайно живого и даже пылкаго отношенія у автора къ принципіальнымъ проблемамъ, которыя пытался разрѣшить Розмини. Воззрѣнія Розмини представляютъ для него не только *историческій* интересъ, онъ принимаетъ ихъ къ сердцу по ихъ *существу* и горячо спорить съ Розмини, защищая противъ него абсолютный онтологизмъ Джоберти. Все это дѣлаетъ изслѣдованіе г. Эрна интереснымъ вкладомъ въ текущую философскую литературу.

Тѣмъ не менѣе нужно сознаться, что въ книгѣ г. Эрна бросаются въ глаза и нѣкоторые крупныя недостатки. Самый главный между ними заключается въ нѣкоторой ограниченности и субъективной прихотливости его плана и метода. Станнымъ образомъ изслѣдованіе ведется какъ бы внѣ всякой исторической перспективы. Я нисколько не сомнѣваюсь, что внутри-то она у автора есть, — она иногда даже сквозитъ въ его отдѣльныхъ замѣчаніяхъ, — но бѣда его сочиненія въ томъ, что она почти всецѣло

остается только *внутри автора*. Онъ не дѣлаетъ сколько-нибудь законченныхъ или хотя бы только мотивированныхъ попытокъ объяснить, подъ какими вліяніями сложились взгляды Розмини и какая именно связь и зависимость существуетъ между его ученіями и ученіями его предшественниковъ и современниковъ. Въ этомъ отношеніи авторъ ограничивается лишь мимоходными и сравнительно рѣдкими высказываніями своихъ личныхъ мнѣній; полное исключеніе дѣлаетъ онъ только для Джоберти, — объ его вліяніи на Розмини онъ говоритъ очень много. Но тутъ-то особенно рѣзко и отражается отсутствіе у автора *общей* исторической перспективы. Я уже не говорю, что при этомъ вопросъ объ историческихъ условіяхъ *перваго* возникновенія философской системы Розмини нисколько не затрагивается: авторъ привлекаетъ вліяніе Джоберти, чтобы объяснить перемѣны въ философскихъ идеяхъ Розмини въ теченіе его жизни. Не менѣе важно то, что при томъ одинокомъ положеніи, въ которое у него поставленъ Джоберти, въ умъ читателя невольно закрадывается сомнѣніе: не преувеличиваетъ ли В. Ф. Эрнъ роли Джоберти? При дальнѣйшемъ развитіи своей системы, не испыталъ ли Розмини и еще чьихъ-нибудь вліяній, кромѣ Джоберти, — вѣдь онъ же былъ страшно начитанъ? Какъ учесть вліяніе одного философа, совѣмъ не поставивъ вопроса о возможномъ вліяніи другихъ философовъ, — тѣмъ болѣе, что самъ Розмини вліянія на себя Джоберти не признавалъ, и что они все-таки остались навсегда весьма далекими другъ отъ друга по своимъ взглядамъ? Но конечно тутъ вопросъ не объ одномъ Джоберти и его значеніи. Какъ вообще понять и научно оцѣнить философа, не разсмотрѣвъ со всею серьезностью вліяній, подъ которыми слагалось и образовывалось его міросозерцаніе въ своемъ цѣломъ? Какъ тогда вообще сказать, — что въ его ученіи принадлежитъ ему самому и что въ его взглядахъ *не его*?

Правда, вмѣсто собственныхъ соображеній о томъ, какія явленія предшествующей и современной философіи могли оказать опредѣляющее вліяніе на образованіе воззрѣній Розмини, В. Ф. Эрнъ даетъ изложеніе критическихъ замѣчаній Розмини о разныхъ гносеологическихъ теоріяхъ. Но не говоря уже о томъ, что одно никакъ не можетъ замѣнить другого, и это изложеніе лишено необходимой полноты, при томъ въ наиболѣе существенныхъ пунктахъ. Остановлюсь на одномъ примѣрѣ: cadaго

изслѣдователя гносеологіи Розмини, мнѣ кажется, долженъ прежде всего занимать и беспокоить вопросъ объ основномъ источникѣ и критеріи познанія въ системѣ Розмини,—о его *идеѣ чистою, возможнаю, неопредѣленною бытія* въ ея загадочномъ логическомъ составѣ. Ея логическая мотивировка у Розмини такъ неясна и даже противорѣчива, она сама предполагаетъ такъ много недосказанныхъ предпосылокъ, а въ то же время она такъ могущественно владѣеть умомъ Розмини и онъ такъ настойчиво сосредоточиваетъ въ ней всѣ свои объясненія,—что неизбежно закрывается мысль о какихъ-то очень сложныхъ вліяніяхъ, вызвавшихъ возникновеніе этой идеи, а, можетъ быть, и о внутренней борьбѣ съ этими вліяніями, которая, такъ сказать, кристаллизовалась въ этой идеѣ. Невольно при этомъ представляется Мальбраншъ съ его идеей умпостигаемаго пространства, непосредственно созерцаемою нами, изъ которой какъ бы выкраиваются для насъ всѣ познанія о дѣйствительности. И Мальбраншъ несомнѣнно пользовался высокимъ авторитетомъ въ итальянской философіи XVIII в. и имѣлъ среди итальянскихъ философовъ этой эпохи очень популярнаго и вліятельнаго послѣдователя въ лицѣ Джердила. И Розмини зналъ ихъ обоихъ и оспаривалъ ихъ. Почему же авторъ совсѣмъ на нихъ не остановился? (О Джердилѣ, если не ошибаюсь, онъ мимоходомъ упоминаетъ въ своемъ трудѣ всего одинъ разъ.) Почему совсѣмъ не изложена критика Розмини ученія Мальбранша? Быть можетъ, она бросила бы для читателя нѣкоторый свѣтъ на своеобразную позицію Розмини въ гносеологіи. Съ другой стороны, само собой бросается въ глаза нѣкоторое сродство замысла Розмини съ попытками нѣмецкихъ идеалистовъ (Фихте, Шеллинга, Гегеля) свести всѣ положенія знанія къ единому, всеопредѣляющему принципу. Въ частности невольно припоминается Гегель, видѣвшій въ чистомъ, неопредѣленномъ бытіи точку исхода для діалектическаго построенія всѣхъ умозрительныхъ категорій и всѣхъ законовъ науки. Почему же авторъ не передалъ критики Розмини основныхъ ученій нѣмецкаго идеализма? Вѣдь тутъ дѣло идетъ не только объ идеѣ бытія, и во многихъ другихъ пунктахъ (хотя бы въ вопросѣ о послѣдовательныхъ стадіяхъ внутренней эволюціи природныхъ формъ) у Розмини ясно обнаруживается вліяніе нѣмецкой идеалистической философіи. Оттого предшествовавшіе изслѣдователи обыкновенно серьезно

останавливались на отношеніи Розмини къ нѣмецкому идеализму. В. Ф. Эрнъ *сознательно* уклоняется отъ этого пути и старается оправдать свое рѣшеніе. Это оправданіе выливается въ очень категорическую форму. Онъ говоритъ (стр. 82, примѣч. 2): «Въ его (Розмини) позднѣйшихъ сочиненіяхъ находится цѣлый рядъ критическихъ замѣчаній противъ Фихте, Шеллинга и Гегеля. Мы останавливаемся на Кантѣ потому, что самъ Розмини *прошелъ* лишь черезъ Канта, къ Фихте же, Шеллингу и Гегелю относился какъ равный къ равнымъ, ибо когда онъ знакомился съ ними, его система уже была готова...» Я рѣшаюсь спросить: почему г. Эрнъ думаетъ, что система Розмини была тогда уже готова? Тѣмъ болѣе, что дѣло здѣсь идетъ именно только о *знакомствѣ*, а не о детальномъ изученіи сочиненій нѣмецкихъ идеалистовъ. Для самаго глубокаго вліянія иногда бываетъ достаточно самаго поверхностнаго знакомства и даже вовсе не изъ первыхъ рукъ. (Историческіе примѣры: Бѣлинскій, какъ одинъ изъ виднѣйшихъ представителей гегелизма въ Россіи, или отношеніе схоластикова-реалистовъ къ Платону.—Изучали ли они его?) Между тѣмъ я спрошу: можетъ ли быть, чтобы до Розмини совсѣмъ не дошли взгляды нѣмецкихъ идеалистовъ въ эпоху созданія его системы? Ссылка на нихъ и разборъ ихъ возрѣвнѣй встрѣчаются уже въ «Новомъ опытѣ» и въ «Возрожденіи итальянской философіи». По опредѣленію автора, Розмини дѣлается самостоятельнымъ философомъ между 1828—1830 г. (стр. 20), стало быть не задолго до смерти Гегеля, черезъ 14—15 лѣтъ послѣ смерти Фихте и въ эпоху, когда Шеллингъ уже давно завершилъ циклъ своихъ трудовъ идеалистическаго типа. Розмини былъ человѣкъ тонко образованный, чрезвычайно начитанный, принадлежавшій къ самому культурному кругу. Возможно ли, чтобы до него совсѣмъ не доходило (въ подлинникъ или въ передачѣ—это даже не важно) то, чѣмъ умственно жила вся Германія? В. Ф. Эрнъ говоритъ, что онъ относился къ Фихте, Шеллингу и Гегелю, какъ къ равнымъ. Что же изъ этого? Гегель тоже относился къ Шеллингу какъ къ равному,—онъ былъ его старшимъ товарищемъ,—это не помѣшало ему испытать отъ него очень сильное вліяніе. Но главное, какъ можно говорить о готовой системѣ Розмини въ началѣ его философской дѣятельности, когда самъ авторъ изслѣдованія именно доказываетъ, что система его не была готовымъ статическимъ продуктомъ, что она развивалась и мѣнялась? Правда,

г. Эрнъ тутъ все относитъ къ вліянію Джоберти; но я уже говорилъ о томъ, какой шаткій видъ получаетъ это мнѣніе, разъ всѣ другія возможныя вліянія вынесены за предѣлы изслѣдованія.

Такимъ образомъ, по отношенію къ вопросу о вліяніи на философію Розмини предшествующихъ философскихъ ученыхъ, у г. Эрна можно только найти изложеніе критическихъ замѣчаній на нихъ самого Розмини, а иногда нѣтъ и такого изложенія. Понятно, что кругозоръ его изысканій чрезвычайно суживается. Суживается онъ и съ другой стороны: почему-то г. Эрнъ совсѣмъ уклоняется отъ послѣдовательной попытки самостоятельнаго критическаго анализа воззрѣній Розмини по ихъ существу. Черезъ это методъ его пріобрѣтаетъ характеръ чрезмѣрно *повѣствовательный*. Напримѣръ, изложенію идеологіи Розмини онъ посвящаетъ около ста страницъ (стр. 43—145). А своимъ критическимъ замѣчаніямъ на нее отдаетъ только 17 страницъ и при этомъ оговаривается, что (стр. 145) его возраженія противъ Розмини имѣютъ характеръ только дополнительный, что онъ высказываетъ лишь такія замѣчанія и соображенія, которыхъ нѣтъ въ критикѣ Джоберти. Тутъ авторъ дѣлаетъ четыре или пять возраженій противъ Розмини, въ наибольшей своей долѣ, какъ мнѣ кажется, основанныхъ на недоразумѣніи: онъ настойчиво выдвигаетъ (стр. 149, 150, 151) мало понятный и логически немотивированный запретъ по отношенію къ самой задачѣ Розмини,—объяснить составъ человѣческаго опыта изъ его онтологическихъ и психологическихъ условій (стр. 44),—и предъявляетъ ему странное требованіе вывести все содержаніе его гносеологіи и даже самое существованіе разумнаго духа и единство въ насъ субъекта чувствующаго и постигающаго чисто априорнымъ путемъ изъ отвлеченной идеи неопредѣленнаго бытія (стр. 149, 150, 151) хотя самъ Розмини никогда подобной задачи себѣ не ставилъ. Впрочемъ я, можетъ быть, чего-нибудь здѣсь не понимаю: разсужденія г. Эрна облекаются въ такія загадочныя формы, они такъ неясны и въ то же время такъ категоричны, что читатель передъ ними невольно теряется, и мнѣ не хотѣлось бы пускаться въ детальныя препирательства по такому смутному вопросу. Мнѣ важно то, что его собственный анализъ «Новаго Опыта» ограничивается соображеніями, высказанными на 145—162 стр. Далѣе идетъ повѣствованіе о различныхъ перипетіяхъ

въ спорахъ между Джоберти и школой Розмини и имъ самимъ по поводу психологизма, дается краткій очеркъ жизни Джоберти, излагаются основы философіи Джоберти [главнымъ образомъ, его идеальная формула (стр. 199, 172)] затѣмъ излагаются возраженія Джоберти противъ міросозерцанія Розмини и отвѣты на нихъ Розмини и этимъ оканчивается обширный отдѣлъ книги, посвященный гносеологіи «Новаго опыта».

Я никакъ не думаю, чтобы такая подмѣна самого себя личностью Джоберти была умѣстнымъ и удачнымъ выходомъ при рѣшеніи задачъ изслѣдованія. Пускай авторъ во всемъ согласенъ съ Джоберти, все же, мнѣ кажется, было бы лучше, еслибъ онъ сталъ на болѣе принципиальную точку зрѣнія и опредѣленно выяснилъ свои общіе критеріи. Какъ ни блестяща критика Джоберти, его возраженія противъ Розмини такъ тѣсно слиты съ его метафизическими и религіозными предпосылками, что отдѣльно отъ нихъ, въ значительной своей долѣ теряютъ свою силу и смыслъ. Чтобы сдѣлать приговоры Джоберти болѣе убѣдительными, надо было возможно болѣе приблизить къ нему читателя и со всею наглядностью обнаружить философскую правомѣрность его философскаго міросозерцанія. В. Ф. Эрнъ и пытается это сдѣлать, но я не рѣшусь сказать, что это ему удалось. Возьмемъ хотя бы его толкованіе идеальной формулы. По его изложенію выходитъ (стр. 169—170), что у Джоберти основоположнымъ утвержденіемъ философскаго знанія, абсолютно и непосредственно очевиднымъ и все другое опредѣляющимъ, является сужденіе: *сущее творитъ существующее*,—или въ переводѣ на простой языкъ: Богъ творитъ міръ. Я увѣренъ, что многіе изъ читателей должны прійти въ большое недоумѣніе предъ этимъ превращеніемъ догмата о твореніи міра въ непосредственно очевидную и убѣдительную аксіому всякой науки. Какъ могли бы существовать атеисты, какъ могли бы существовать ученія, хотя и признающія Бога, но при этомъ отрицающія твореніе міра изъ ничего, если бъ это твореніе было такой же самоочевидной аксіомой, какъ $2 \times 2 = 4$, или *часть меньше цѣлаго*? Что за странное начало философскаго построенія! А между тѣмъ, мнѣ представляется, что подлинная мысль Джоберти въ этомъ пунктѣ допускаетъ и менѣе парадоксальное толкованіе. У него скорѣе выходитъ, что идеальная формула обладаетъ непосредственной достовѣрностью только съ точки зрѣнія

высшей интуиции. Напротивъ, съ точки зрѣнія логической, идеальная формула представляетъ лишь выводную истину и является синтезомъ двухъ другихъ положеній, которымъ можно приписать уже непосредственную несомнѣнность. 1) Сущее *необходимымъ образомъ есть* (Primum verum). 2) Фактически дано существованіе, т.-е. раскрытіе бытія въ конечныхъ, зависимыхъ и случайныхъ формахъ (этимъ выражается Primum factum — личность реализаціи Божественнаго творчества). Джоберти полагаетъ, что примиреніе и связь между этими двумя истинами мы находимъ лишь въ идеѣ творенія. Я не буду настаивать, что и въ такомъ толкованіи все оказывается яснымъ. Но, по крайней мѣрѣ, въ немъ нѣтъ прямыхъ несообразностей.

Еще болѣе приходится жалѣть, что В. Ф. Эрнъ, такъ подробно изложивъ гносеологію Розмини, не далъ въ своей книгѣ даже самаго общаго очерка философской системы Розмини въ ея цѣломъ. Казалось бы, его должно было побуждать къ тому уже то соображеніе, что большинство русскихъ читателей не имѣетъ объ ученіи Розмини никакого яснаго представленія. Какъ заставить понять и оцѣнить часть системы, совсѣмъ не ознакомивъ съ самой системой? Я не говорю уже о томъ, что геній Розмини выражается особенно ярко и оригинально въ нѣкоторыхъ онтологическихъ положеніяхъ его философіи: достаточно напомнить его ученія о времени, пространствѣ, движеніи, матеріи, а также лежащее въ основѣ его своеобразнаго идеализма тонкое различеніе между *полнымъ* и *неполнымъ* существованіемъ тварей, — т.-е. ихъ бытіемъ *въ себѣ*, какъ существуютъ животныя, люди, чистые духи, и бытіемъ *въ другомъ*, какъ существуютъ, напримѣръ, пространство и матерія. Съ другой стороны, у Розмини гносеологія тѣснѣйшимъ образомъ связана съ его общимъ философскимъ міросозерпаніемъ: если можно сказать, что философія Розмини во всѣхъ своихъ развѣтвленіяхъ обосновывается изъ началъ его гносеологіи, то не менѣе справедливо было бы утверждать и обратное, что гносеологія Розмини насквозь проникнута чисто-метафизическими и религиозными предпосылками. Я, напримѣръ, совершенно увѣренъ, что коренное предположеніе его гносеологіи о врожденной нашему уму чистой идеѣ *бытія вообще*, или *неопредѣленной бытія*, или *возможности* получаетъ объясненіе только въ свѣтѣ его религиозно-метафизическихъ воззрѣній, а внѣ ихъ имѣетъ до невѣроятности темный и произвольный видъ.

По отношенію къ этой идеѣ я прямо не могу постигнуть, какъ авторъ изслѣдованія не замѣтилъ, что тутъ мы имѣемъ у Розмини не что-нибудь само по себѣ разумѣющееся и понятное, но что здѣсь лежитъ очень важная проблема, которую если не разрѣшить, въ гносеологии Розмини все окажется тусклымъ? Онъ не дѣлаетъ ни одного шага, чтобы отъ себя сколько-нибудь подготовить усвоеніе этой загадочной идеи читателями. Она появляется у него съ первыхъ страницъ изложенія идеологии Розмини въ качествѣ неотразимаго критерія цѣнности гносеологическихъ теорій: въ этомъ качествѣ она выдвигается уже на стр. 45—48, при оцѣнкѣ ученія Локка и продолжаетъ фигурировать въ образѣ исчерпывающаго мѣрила всѣхъ гносеологическихъ построеній прошлаго на цѣломъ рядѣ страницъ, вездѣ сильно понижая убѣдительность приговоровъ излагаемаго автора. Читатель съ нетерпѣніемъ ждетъ, когда В. Ф. Эрнъ наконецъ перейдетъ къ изложенію гносеологическихъ взглядовъ самаго Розмини и тогда растолкуетъ ему, что именно означаетъ та идея бытія, которую все измѣряется и все судится. Однако надежды его обманываются самымъ жестокомъ образомъ: обращаясь къ самому Розмини, г. Эрнъ съ невозмутимымъ догматизмомъ продолжаетъ излагать соображенія Розмини (стр. 84—93), спокойно закрывая глаза на заключающіяся въ нихъ двусмысленности. Я готовъ согласиться, что при общей точкѣ зрѣнія Розмини, возникновеніе этихъ двусмысленностей представляется довольно естественнымъ; но тѣмъ болѣе на авторѣ изслѣдованія лежала обязанность ихъ отмѣтить и ориентировать въ нихъ своихъ читателей. И мнѣ кажется, задача эта не такъ ужъ трудна. Бытіе есть самое отвлеченное, но потому и самое безсодержательное изъ нашихъ понятій,—оно указываетъ не какіе-нибудь частные признаки предмета, а только то, что предметъ *есть*. Но именно поэтому, при внесеніи въ понятіе бытія какихъ-нибудь опредѣленныхъ моментовъ, которыхъ по его прямому значенію въ немъ нѣтъ,—мы неизбежно его суживаемъ и тѣмъ извращаемъ смыслъ его простого примѣненія. Въ своемъ отвлеченномъ, чистомъ смыслѣ бытіе принадлежитъ всѣмъ категориямъ существующаго отъ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ и обозначаетъ только то, что выражается словами: *есть, существуетъ*. Мы говоримъ: есть Богъ, есть красота, есть правда, и мы говоримъ: есть ощущеніе боли, есть ощущеніе радости,

есть ошибка, есть сапоги, есть деньги. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, словомъ *есть* мы просто обозначаемъ *наличность, данность*, чего бы то ни было и въ какихъ бы то ни было отношеніяхъ. Такимъ бытіемъ обладаютъ и вещи, и факты, и состоянія и свойства, и совершенства, и недостатки. И мы очень хорошо знаемъ, что бытіе въ этомъ смыслѣ вовсе не есть что либо реально (нумерически) тождественное во всѣхъ насъ и во всѣхъ вещахъ, не есть оно и какая-нибудь за нами стоящая основа, изъ которой бы мы всѣ выдѣлялись. Можетъ быть, такое тождественное во всѣхъ вещахъ начало и существуетъ, можетъ быть, существуетъ и ихъ всевыдѣляющая основа, но не о нихъ мы говоримъ, когда говоримъ *есть* о каждой вещи въ отдѣльности. Но можно и ограничить этотъ первоначальный смыслъ понятія *бытія*. Можно называть *бытіемъ*—только бытіе субстанціальное или даже бытіе абсолютное, противопоставляя такое бытіе, какъ истинное, всякому другому, какъ ложному. Этого никакъ нельзя запретить, и философы постоянно это дѣлаютъ. Но бѣда въ томъ, что мы никакъ не можемъ отказаться отъ словъ *есть* и *нѣтъ* въ ихъ обычномъ значеніи. И вотъ, если мы недостаточно различимъ нашъ высшій философскій смыслъ понятія бытія отъ его общеупотребительнаго значенія—и будемъ заразъ имѣть въ мысли ихъ оба, мы рискуемъ впасть въ величайшія несообразности и поставить предъ собою весьма сложныя, бесплодныя и ненужныя проблемы.

Мнѣ кажется, что главный промахъ въ основныхъ разсужденіяхъ Розмини заключается въ постоянномъ смѣшеніи самыхъ разнообразныхъ смысловъ идеи бытія. Съ одной стороны, Розмини опредѣляетъ бытіе, какъ наиболѣе общее свойство всѣхъ вещей (стр. 84), при чемъ однако понимаетъ эту общность въ духѣ схоластическаго реализма, какъ присутствіе въ вещахъ чего-то одного и себѣ тождественнаго. Съ другой стороны, онъ понимаетъ бытіе, какъ бытіе объективное и независимое отъ нашихъ ощущеній и воспріятій (стр. 87). Въ другихъ случаяхъ бытіе отождествляется съ бытіемъ субстанціальнымъ (стр. 45—46). И наконецъ, доминирующее значеніе идеи бытія для Розмини, вытѣсняющее всѣ другія, заключается въ ея смыслѣ, какъ идеи о бытіи абсолютномъ: это ясно видно изъ принципиальнаго вывода свойствъ идеи бытія у Розмини (стр. 87—88) и изъ всего положенія идеи бытія въ его гносеологіи. Такое разно-

образіе значеній уже само по себѣ является источникомъ весьма серьезныхъ антиномій (какъ, напримѣръ, абсолютное бытіе разсматривать, какъ *свойство* вещей?). Эти трудности усугубляются, когда идея бытія отождествляется съ идеей чистой возможности: для яснаго пониманія, *только возможность бытія* и *само бытіе*, какъ уже данное для мысли, находятся въ отношеніи явнаго взаимнаго отрицанія. Трудности растутъ еще болѣе, когда мы видимъ, что свойства *бытія*, какъ содержанія идеи о бытіи, переносятся на самую эту идею, какъ мысль объ этомъ содержаніи. Такимъ образомъ на пути логическаго или гносеологическаго анализа идея неопредѣленнаго бытія оказывается тусклымъ клубкомъ несомѣстимыхъ значеній.

Между тѣмъ она получаетъ гораздо болѣе понятный и опредѣленный видъ, когда обратимся къ общефилософскому міросозерцанію Розмини и въ частности къ его ученію о человѣкѣ и къ ученію о Богѣ. Для Розмини идея бытія есть тотъ Божественный свѣтъ, который данъ нашей непосредственной интуиціи съ самаго нашего рожденія, и которымъ освѣщаются и направляются всѣ процессы нашего пониманія. Правда, это еще не самъ Богъ,—Богъ недоступенъ человѣческому созерцанію въ непостижимыхъ глубинахъ своей внутренней жизни,—но это есть нѣчто присущее Богу,—это есть то Божественное, которое только можетъ вмѣстить человѣческая мысль при своей ограниченности. Въ своей «Теософіи» Розмини учитъ, что идея бытія есть универсальная форма содержанія созерцаній Божественнаго разума, самимъ этимъ разумомъ отвлеченная отъ этихъ созерцаній и въ этомъ абстрагированномъ видѣ сообщенная разуму человѣческому. Черезъ это она становится идеальнымъ, внутреннимъ мѣриломъ и основнымъ стимуломъ всѣхъ актовъ человѣческаго сознанія. Ея помощью въ нашей мысли загорается представленіе о нечувственномъ, въ себѣ независимомъ и самостоятельномъ, вѣчномъ, неизмѣнномъ, и она предстоитъ нашему пониманію съ такою неотразимою убѣдительностью, что мы вырываемся изъ путь субъективнаго хаоса нашихъ ощущеній и чувственныхъ воспріятій, приводимъ все содержаніе нашего сознанія на судъ этого свыше намъ даннаго идеала и отсюда получаютъ начало всѣ формы нашего познанія и всѣ опредѣленія познаваемыхъ вещей: мы только тому можемъ приписать какую бы то ни было дѣйствительность, что прими-

ряется съ этимъ идеаломъ и какъ-нибудь отвѣчаетъ ему. Это верховное мѣрило истины есть идея бытія и притомъ бытія самостоятельнаго, а въ то же время оно есть идея бытія неопредѣленнаго, потому что конкретное содержаніе Божественной жизни человѣку недоступно. Съ другой стороны, его можно назвать и идеей *возможности*, потому что въ немъ заключается условіе возможности всякихъ данныхъ содержаній, какъ въ человѣческомъ, такъ и въ Божественномъ разумѣ.

В. Ф. Эрнъ излагаетъ метафизическую характеристику идеи бытія въ пятой главѣ своей книги, когда излагаетъ «Теософію» Розмини, но при этомъ утверждаетъ, что эта характеристика возникла только въ эпоху написанія «Теософіи» подъ непосредственнымъ вліяніемъ спора Розмини съ Джоберти, а что до этого идея бытія была простымъ результатомъ гносеологическаго анализа (стр. 243). Я рѣшаюсь настаивать, что этого положенія авторъ совсѣмъ не доказалъ. Не буду спорить—въ частностяхъ метафизическая характеристика идеальнаго бытія у Розмини, можетъ быть, и мѣнялась и во всякомъ случаѣ она получила полное и до конца развитое выраженіе въ «Теософіи». Но чтобы до «Теософіи» у Розмини въ идеѣ бытія не подразумевалось никакихъ метафизическихъ предпосылокъ—это неправда. Противъ этого говорятъ факты: уже въ первыхъ произведеніяхъ Розмини, когда никакого спора съ Джоберти у него еще не было, уже говорится о *врожденности* идеи бытія, о ея непосредственной интуитивной данности и объ ея благороднѣйшей сущности, какъ свѣта, несотвореннаго въ себѣ, но который можетъ быть названъ сотвореннымъ по той частной формѣ, въ которой онъ свѣтитъ человѣку, и какъ *принадлежности Бога* (стр. 101—102). Наконецъ, объясненію автора можно противопоставить важный внутренній признакъ: при чисто гносеологическомъ истолкованіи идеи о бытіи получается нѣчто крайне скудное, смутное, противорѣчивое и непонятное въ своемъ логическомъ значеніи; напротивъ, при ея метафизическомъ истолкованіи, является теорія, у которой нельзя отрицать ни оригинальности, ни послѣдовательности, ни своеобразной содержательности.

Нельзя также не упрекнуть автора изслѣдованія за избранную имъ форму изложенія взглядовъ Розмини. Розмини писалъ очень много и очень многословно, нерѣдко загромождая развитіе своей мысли натянутыми тонкостями и схоластическими

дистинкціями и подраздѣленіями. Казалось бы для изслѣдователя тѣмъ самымъ диктуется единственно возможный путь при передачѣ идей Розмини: онъ долженъ занять центральное положеніе и обращаться ко всѣмъ сочиненіямъ Розмини, отбрасывая въ нихъ несущественное, но зато выдвигая впередъ основные пункты его ученія, во всей полнотѣ относящейся къ нимъ аргументаціи, въ какихъ бы сочиненіяхъ элементы этой аргументаціи ни содержались. Лишь тогда могла бы получиться законченная и опредѣленная схема гносеологіи Розмини. Между тѣмъ г. Эрнъ поступилъ какъ разъ наоборотъ: онъ, конечно, не могъ детально изложить всѣхъ сочиненій Розмини,—для этого потребовались бы цѣлыя томы; но онъ избралъ изъ нихъ два, — «Новый опытъ» и «Теософію» — и постарался ихъ передать съ возможной дословностью. Это въ особенности относится къ «Новому Опыту»: его изложенію авторъ книги посвящаетъ около 100 страницъ. Однако «Новый Опытъ» состоитъ изъ трехъ томовъ,—поэтому, чтобы пересказать ихъ, пришлось очень *сжимать* ихъ содержаніе: на одной своей страницѣ г. Эрну приходится излагать 3—5—10, а то и болѣе страницъ Розмини. Понятно, что при такомъ приѣмѣ сжиманія отчетливость мысли Розмини, и безъ того довольно темной, выигрываетъ мало. Особенно досадно, что такой приѣмъ распредѣляется между отдѣлами сочиненія Розмини довольно равномерно: онъ примѣняется и тамъ, гдѣ дѣло идетъ о несущественныхъ мелочахъ, и тамъ, гдѣ рѣшаются самые основные вопросы для системы Розмини. Я думаю, что, между прочимъ, отъ этого идея о бытіи получила въ передачѣ г. Эрна такой смутный обликъ. Съ другой стороны, оттого же глубокія и оригинальныя объясненія Розмини принциповъ *субстанціальности* и *причинности* выливаются у г. Эрна въ такія блѣдныя и тусклыя формы. Въ самомъ дѣлѣ, мысль Розмини въ рѣшеніи этого вопроса чрезвычайно проста. Кратко говоря, онъ разсуждаетъ такъ: мыслить можно только *сущее* и только ему мы можемъ приписать реальность. Поэтому все другое: свойства, состоянія, измѣненія,—должны относиться къ сущему и выражать его,—иначе они превратятся въ пустыя абстракціи. То же самое прилагается и къ *дѣйствіямъ* всякаго рода: *дѣйствіе* мыслимо лишь тогда, когда дано *сущее дѣйствующее*, въ немъ себя реализующее; но сущее дѣйствующее, по отношенію къ вызываемому имъ дѣйствію, называется *при-*

чиной его; итакъ, нѣтъ дѣйствія безъ причины. Но, съ другой стороны, всякое состояніе, всякое происшествіе, всякое событіе протекаютъ также въ сущемъ, зависятъ отъ него, опредѣляются имъ, выражаютъ его, и безъ него ихъ совѣмъ бы не было. Слѣдовательно, въ общемъ смыслѣ слова, и они суть дѣйствія сущаго. А это значитъ, что все происходящее вообще должно имѣть причину. Мы имѣемъ здѣсь аналитическую, универсальную истину, и изъ различныхъ видовъ ея приложенія получается частное значеніе принциповъ субстанціальности и причинности.

Посмотримъ, какъ въ изложеніи г. Эрнэ выводится та же истина. Онъ говоритъ на стр. 104: «Выраженіе: всякое происшествіе имѣетъ производящую причину, можно совершенно адекватно выразить словами: «невозможно мыслить происшествіе безъ той причины, которая его произвела». Эта невозможность есть не что иное, какъ противорѣчивость понятія безпричиннаго происшествія. Въ самомъ дѣлѣ сказать, «то, что не существуетъ, дѣйствуетъ» противорѣчиво, ибо воспринимать дѣйствіе внѣ бытія—это значитъ воспринимать, не воспринимая. Вѣдь, первый принципъ говоритъ: «Предметъ мысли есть бытіе» и безъ бытія невозможно ничего мыслить. Понятіе же безпричиннаго происшествія и есть какъ разъ то, что не существуя дѣйствуетъ. Такимъ образомъ принципъ причинности выводится безъ труда». Едва ли многіе между читателями *«безъ труда»* поймутъ это разсужденіе; едва ли имъ покажется убѣдительною фраза: «Понятіе безпричиннаго происшествія и есть какъ разъ то, что не существуя дѣйствуетъ». Что же тутъ дѣйствуетъ? Происшествіе? Понятіе? И почему «не существуя»? Черезъ нѣсколько страницъ г. Эрнэ опять возвращается къ обоснованію истины причинности, но едва ли болѣе удачно. Онъ говоритъ (стр. 113): «Дѣйствіе же мы можемъ воспринимать или какъ произведенное нами, или какъ нами не произведенное. Въ первомъ случаѣ связь между причиной и дѣйствіемъ намъ очевидна. Во второмъ она не только очевидна, но и *необходима*. Ибо дѣйствіе, по основному принципу разума, мыслится нами, какъ нѣкоторая принадлежность сущаго (*una cosa appartenente ad un ente*), и, слѣдовательно, необходимо прелполагаетъ сущее». Почему «въ первомъ случаѣ связь между причиной и дѣйствіемъ намъ *очевидна*. Во второмъ она не только очевидна, но

и необходима? И почему: *ибо*? Вотъ какъ у него изложенъ ходъ мысли, по существу далеко не темный, и въ такомъ важномъ вопросѣ!

Ограниченіе изложенія философіи Розмини лишь двумя его сочиненіями влечетъ за собою и еще одинъ серьезный недостатокъ разбираемаго труда. Авторъ видитъ въ *психологизмъ* наиболѣе существенную особенность и въ то же время коренной порокъ гносеологіи Розмини; и тѣмъ не менѣе онъ не сдѣлалъ никакой послѣдовательной попытки ознакомить читателя съ интересной и оригинальной психологіей Розмини. Между тѣмъ казалось бы, вредоносныя послѣдствія психологизма должны находиться въ нѣкоторой зависимости отъ того, какъ именно будемъ мы смотрѣть на душу человѣка. Мнѣ, напр., странно, какимъ образомъ г. Эрнъ столь горячо настаивающій въ одномъ изъ своихъ критическихъ замѣчаній (стр. 151) на полномъ отсутствіи у Розмини перехода отъ идеальнаго къ чувственному, могъ совсѣмъ пройти молчаніемъ ученіе Розмини объ *основномъ чувствѣ*, какъ гармонической параллели нашей интуиціи идеальнаго бытія, которая какъ бы содержитъ схемы для примѣненія идеальныхъ опредѣленій?

Указанные мной недостатки, въ моихъ глазахъ, значительно понижаютъ научную цѣнность разсматриваемой работы, но, конечно, они не лишаютъ ее принадлежащихъ ей положительныхъ качествъ. Иногда мнѣ кажется, что главная ошибка автора заключается въ заглавіи его труда: если бы его назвать не «изслѣдованіемъ по исторіи итальянской философіи» а «критическимъ изслѣдованіемъ», и озаглавить его не «Розмини и его теорія познанія», а напр., «Споръ Розмини и Джоберти о психологизмѣ», многія изъ моихъ возраженій отпали бы или, по крайней мѣрѣ, получили другой видъ. Я отъ души желаю, чтобы В. Ф. Эрнъ продолжалъ знакомить русскую публику съ оригинальными представителями итальянской мысли. Такой превосходный и глубокий знатокъ итальянской философіи можетъ многое сдѣлать въ этомъ направленіи. Но невольно приходится также желать, чтобы въ будущемъ, при разработкѣ новыхъ темъ, онъ не слишкомъ сужалъ свой кругозоръ и примѣнялъ болѣе широкіе методы.

Л. Лопатинъ.

Критическія замѣтки къ проблемѣ психической причинности.

(По поводу книги В. В. Зѣньковскаго. „Проблема психической причинности“, Кіевъ. 1914).

Мы, повидимому, прошли ту переходную скептическую полосу, когда казалось, что единственнымъ предметомъ занятій для философа осталась исторія философіи. За послѣднее время приходится констатировать прогрессивное возрастаніе количества трудовъ, посвященныхъ систематической разработкѣ философскихъ проблемъ. Какъ бы ни были цѣнны для философіи серьезныя историческія изслѣдованія, всегда съ особенной радостью приходится привѣтствовать всякій новый опытъ систематическаго изслѣдованія, какъ признакъ творческаго интереса и творческаго отношенія къ вопросамъ философіи. Въ этомъ смыслѣ мы не можемъ не привѣтствовать трудъ В. В. Зѣньковскаго. Въ нашей все еще бѣдной систематическими изслѣдованіями литературѣ его работа должна привлечь общее вниманіе,—въ особенности въ силу того актуальнаго значенія, какое имѣетъ для современнаго положенія философіи избранная имъ тема. Самъ по себѣ уже выборъ такой темы,—психическая причинность,—заслуживаетъ искренней признательности. Съ личной точки зрѣнія, наконецъ, мнѣ особенно пріятно отмѣтить, что основной тенденціей автора новаго изслѣдованія является убѣжденная защита идеи принципиальнаго своеобразія психическаго и, слѣд., недопустимость механическихъ схемъ, моделей и аналогій въ разрѣшеніи проблемы психическаго.

Однако всѣ эти благопріятныя для автора презумпціи не должны закрывать отъ насъ дѣйствительныхъ недочетовъ, которые обнаруживаются въ разработкѣ поднятого имъ вопроса. Напро-

тивъ, именно въ силу указанныхъ мотивовъ мы обязаны съ особенной настойчивостью подчеркнуть замѣченные нами въ работѣ недочеты, къ сожалѣнію, и многочисленные и серьезные по своему значенію.

Когда пробѣгаешь «Оглавленіе», предпосланное книгѣ, испытывается самое пріятное впечатлѣніе отъ стройности и законченности плана, по которому авторъ составилъ свое произведеніе; бѣглый просмотръ книги внушаетъ почтеніе къ эрудиціи автора и хочется вѣрить, что намѣченный планъ выполняется во всей своей стройности... Хотя уже здѣсь зарождаются нѣкоторыя недоумѣнія: заголовки параграфовъ,—вѣдь это темы для самостоятельныхъ изслѣдованій и диссертаций. Приступаешь къ изученію книги, и охватываетъ скука и чувство досады. Въ сущности, ни одинъ анализъ не доведенъ до конца, ни одинъ не исчерпанъ съ достаточной глубиной. Поражаетъ *пестрота изложенія*, складывающагося изъ отдѣльныхъ замѣчаній и ссылокъ на авторитеты, часто прямо противоположныхъ философскихъ направленій. Вотъ характеръ эрудиціи автора: «прекрасныя замѣчанія у Кассирера», «хорошо говоритъ Введенскій», «хорошія замѣчанія у Эрхардта», «хорошо изложено у Эббингауза», «хорошія замѣчанія у Когена», «острыя замѣчанія у Шварца», «любопытны замѣчанія у Мессера», «глубокія мысли у Фрейда» и т. п.,—такихъ аттестацій у автора сотни полторы, а то и двѣ! Я понимаю, что при такомъ разнообразіи именъ трудно добиться также разнообразія въ ихъ квалификаціи, но чего авторъ этимъ достигаетъ? Внимательный читатель долженъ въ цѣлой библіотекѣ современныхъ философовъ справляться, дѣйствительно ли «острыя замѣчанія у Шварца», дѣйствительно ли «справедливо указываетъ Файхингеръ», дѣйствительно ли «хорошо говоритъ Введенскій»? Такой «сборный» характеръ изложенія даетъ намъ основаніе разсматривать всю книгу В. В. Зѣньковскаго не какъ рѣшеніе Проблемы психической причинности, а только какъ *собраніе матеріаловъ* по этому вопросу.

Но есть въ этой по внѣшности нѣсколько забавной манерѣ изложенія большое внутреннее зло. Мнѣнія автора находятъ себѣ подтвержденіе у самыхъ разнообразныхъ представителей самыхъ разнообразныхъ философскихъ направленій. Авторъ, выходитъ, больше дорожитъ тѣмъ, что онъ повторяетъ чужое мнѣніе, чѣмъ тѣмъ, что онъ самъ до чего-то додумался. Но и

въ чужихъ мнѣнiяхъ ему дороги не направленiя, а только *слова* и *фразы*. Важно, кто удачнѣе сказалъ, какъ будто авторъ самъ не можетъ выразить своей мысли. И вотъ онъ одинаково опирается на Наторпа, Когена и Менъ-де-Бирана или Нельзона, на Шуппе и Гартмана, Пецольда и Эрхардта и т. п. Въ цѣломъ—впечатлѣнiе крайняго эклектизма. Между тѣмъ иногда авторъ опредѣленно называетъ свое направленiе, — «критическiй реализмъ» (117), хотя въ то же время онъ «по существу» (120) примыкаетъ къ Виндельбанду, Риккерту, Гессену, «приближается» также и къ нѣкоторымъ положенiямъ Когена и его школы (420). На ряду съ этимъ, обнаруживая не мало чисто рационалистическихъ моментовъ, авторъ говоритъ о несостоятельности рационализма и заигрываетъ съ мистицизмомъ. Я не удивился, въ концѣ концовъ, когда въ заключенiе его труда Виндельбандъ и Гессенъ попадаютъ въ «выдающiеся вожди современной философской мысли» (433). Но особенно досадно становится при видѣ такой эклектической эрудици, когда убѣждаешься, что какъ разъ то, что прямо нужно для автора, оказывается имъ неиспользовано (объ этомъ ниже) или когда послѣ десятка цитатъ изъ статей нѣмецкихъ приватъ-доцентовъ авторъ почерпаетъ изъ вторыхъ рукъ свои свѣдѣнiя о такихъ мыслителяхъ, какъ Мальбраншъ (по Лангу) или Браунъ (по Троицкому) и т. п. Въ результатѣ мы считаемъ себя въ правѣ сказать, что у автора былъ прекрасный планъ, но въ осуществленiи этого плана у него нѣтъ логики, нѣтъ метода. Онъ поставилъ себѣ задачу «систематическую», но у него отсутствуетъ настоящiй философскiй анализъ, а есть собранiе и обзоръ чужихъ мнѣнiй. Часто простой пересказъ чужихъ мнѣнiй замѣняетъ у него анализъ «дѣла», — изъ послѣдующаго это будетъ ясно, но укажу здѣсь же, какъ примѣръ: вмѣсто анализа вопроса объ условiяхъ и причинахъ авторъ даетъ разборъ мнѣнiя Вундта (61—64), по вопросу о витализмѣ авторъ становится на сторону допущенiя психическаго въ органическомъ путемъ сопоставленiя мнѣнiй и простой ссылки на Бунге (146) и т. д. Даже собственныя мнѣнiя автора производятъ впечатлѣнiе «пересказа», а не психологическаго или логически доказательнаго анализа. Въ концѣ концовъ, самъ авторъ, повидимому, чувствуетъ эти особенности своего философскаго стиля и изложенiе центрального для него вопроса называетъ «эскизнымъ». Эта характеристика безъ большихъ натя-

жекъ можетъ быть отнесена ко всему методу книги. Въ ней нѣтъ опредѣленнаго *философскаго* метода.

Я бы не поднялъ этого вопроса, если бы не обнаружилъ у автора нѣкоторой претензіи на примѣненіе опредѣленнаго и при томъ труднѣйшаго въ силу его еще малой разработанности метода феноменологическаго. Именно недостаточно внимательное отношеніе къ смыслу этого метода и составляетъ основной грѣхъ всей книги В. В. Зѣньковскаго; изъ этого же отношенія къ избранному имъ методу проистекаютъ отчасти и уже указанныя особенности его произведенія и тѣ, которыя еще будутъ указаны. Авторъ сообщаетъ: «Если мы интересуемся составомъ явленія, то мы стоимъ на почвѣ чистаго описанія и совершенно не поднимаемъ вопроса о томъ, какъ произошло данное явленіе. Такое чистое описаніе исходитъ изъ того, что дано намъ въ опытѣ, но пытается итти дальше опыта, вскрыть «смыслъ» явленія, его внутреннюю структуру. Именно потому изученіе состава явленія должно вестись на наиболѣе дифференцированныхъ формахъ его, въ которыхъ яснѣе всего выступаетъ «сущность» даннаго явленія. Мало этого: какъ «чистое» описаніе, нашъ методъ исключаетъ заранѣе всѣ предпосылки и ставитъ своей задачей стать возможно ближе къ самому явленію, беря его, такъ сказать, *an sich*, независимо отъ всякихъ истолкованій. Этотъ методъ мы можемъ назвать вслѣдъ за многими авторами *феноменологическимъ*,—въ противоположность *генетическому* методу, который имѣетъ своей цѣлью выяснить происхожденіе явленія, причинно связать его съ другими явленіями» (6—7). Беру на себя смѣлость утверждать, что на этотъ разъ авторъ *вполнѣ оригиналенъ* и «вслѣдъ за многими авторами» онъ повторяетъ только терминъ, но *ни одинъ* изъ уже писавшихъ по этому вопросу авторовъ не признаетъ такого опредѣленія «феноменологическаго метода». Но легко распознать, что въ этомъ опредѣленіи *описательнаго* (а не феноменологическаго) метода переплетаются мотивы, по крайней мѣрѣ, *трехъ* различныхъ направленій,—Дилтея, Пфендера и Гусерля.

Особенно грустныя недоразумѣнія возникаютъ у автора отъ того, что своими разсужденіями по поводу феноменологіи (особ. прим. на стр. 7—8, но и въ др. мѣстахъ) авторъ даетъ поводъ думать, будто онъ примыкаетъ къ тому пониманію феноменологіи, которое вводитъ Гусерль. Правда, двѣ особенности этого

метода указаны и въ опредѣленіи автора, это—чистое описаніе и анализъ «сущности». Это, конечно, далеко не все, не все даже главное, но даже эти признаки феноменологическаго метода должны были бы удержать автора,—если онъ примыкаетъ къ Гусерлю,—отъ противопоставленія феноменологическаго метода методу генетическому. Авторъ не уловилъ того, что феноменологическій методъ противостоитъ *всякому эмпирическому методу*, включая сюда и методъ эмпирическаго *описанія*. Отъ этого и все его изслѣдованіе, по мнимо-феноменологическому методу, превратилось въ сплошной, какъ теперь выражаются, *психологизмъ*. Не въ качествѣ упрека сейчасъ подчеркиваю это, а въ качествѣ недоумѣнія: зачѣмъ называть феноменологическимъ методомъ то, что подъ это названіе не можетъ быть подведено? Авторъ самъ чувствуетъ, что здѣсь не все складно. «Но сохраняя фундаментальное значеніе,—заявляетъ онъ,—за «чистой» феноменологіей, развѣ мы не можемъ говорить о феноменологическомъ методѣ въ психологіи, который тоже восходитъ къ «сущности» даннаго, вскрывая его смыслъ и структуру? Я полагаю, что мы имѣемъ полное право сдѣлать это, а «чистую» и общую феноменологію называть *eidetische Wissenschaft* = *эйдологіей*. Здѣсь, повидимому, вплетается еще одно значеніе феноменологіи, Штумфа, съ его противопоставленіемъ послѣдней особой дисциплины «эйдологіи», потому что наивно противопоставлять въ гусерлевскомъ смыслѣ «феноменологическій методъ въ психологіи» какой-то «общей феноменологіи». Вообще выраженіе «феноменологическій методъ въ психологіи», по Гусерлю, лишено смысла, феноменологическій методъ можетъ имѣть мѣсто только въ феноменологіи, какъ основной философской дисциплинѣ, а психологія какъ эмпирическая наука имѣетъ свои собственные методы. Если же рѣчь идетъ не объ эмпирической наукѣ психологіи, а объ изученіи того, что отыскиваютъ подъ именемъ «психическаго», то оно какъ разъ, обладая неотъемлемымъ признакомъ «интенціональности», и есть прямой предметъ феноменологіи. Но только тогда оно не содержитъ въ себѣ ничего эмпирически-психологическаго, а «дается» намъ въ своей сущности, или, можно сказать, усматривается нами «эйдетически». Такой смыслъ, по крайней мѣрѣ, имѣетъ категорически выставленное Гусерлемъ положеніе, что «психическое» всегда имманентно дано «въ сущности»» (статья

въ Логосѣ, S. 312, 315). Авторъ можетъ съ этимъ не соглашаться, но тогда онъ долженъ это опровергать. А пока онъ этого не сдѣлалъ и не сказалъ прямо, что самъ вводитъ свое *новое* пониманіе феноменологіи, я полагаю, онъ не имѣетъ права опираться на мыслителя, взгляды котораго прямо противоположны его взглядамъ.

Но вмѣсто того, чтобы опровергать Гусерля или разобраться въ *его* взглядахъ, что же дѣлаетъ авторъ? Согласно данной выше общей характеристикѣ его манеры изложенія, онъ ничего не анализируетъ, а приводитъ кучу именъ, вызывающихъ естественный вопросъ: къ чему это? «Въ своихъ *Logische Untersuchungen*,—говоритъ онъ,—Husserl не отличаетъ феноменологіи отъ описательной психологіи, и его такъ и понимали тѣ психологи, которые примыкали ко многимъ терминамъ, установленнымъ Гусерлемъ... (слѣдуетъ перечисленіе именъ Аншюца, Месера, Шмида-Коважика).. Однако Гусерль рѣзко протестовалъ противъ этого сближенія... (ссылка на статью Гусерля въ журналѣ «Logos» за 1910—11 г.).» На это можно было бы не обратить вниманія, если бы авторъ не замѣнялъ анализа «дѣла» ссылками на «литературу», но, имѣя въ виду его «стиль», поучительно разобраться въ приведенныхъ словахъ.

Прежде всего большимъ шутникомъ долженъ показаться Гусерль, который въ первомъ томѣ своихъ «Исслѣдованій» рѣшиительно опровергаетъ всякій «психологизмъ», а во второмъ томѣ того же сочиненія «не отличаетъ феноменологіи отъ описательной психологіи», но когда «ко многимъ терминамъ» (а не мыслямъ?) примкнули нѣкоторые психологи, онъ «рѣзко протестуетъ противъ этого сближенія». Прежде чѣмъ упрекать Гусерля въ такихъ *Witz*'ахъ, нужно было бы лучше разобраться хотя бы въ литературѣ даже, не говоря ужъ объ мысляхъ самого Гусерля. Я не спорю, извѣстное выраженіе Гусерля «феноменологія есть дескриптивная психологія» породило массу недоразумѣній, особенно среди читателей, которые предпочитаютъ составлять мнѣніе объ авторѣ на основаніи отдѣльныхъ выхваченныхъ изъ него фразъ, а не на основаніи изученія его въ цѣломъ и въ его подлинномъ смыслѣ. Но сейчасъ я хочу обратить вниманіе на другую сторону дѣла, на сторону чистой хронологіи, гдѣ оказывается, что дѣло обстоитъ слѣдующимъ образомъ. «Исслѣдованія» Гусерля вышли въ 1900—01 г., цитируемыя

слова изъ II-го тома сразу породили недоразумѣнія, которыя Гусерль устраняетъ точнымъ опредѣленіемъ феноменологіи уже въ 1903 г. (Arch. f. system. Philosophie, B. IX, S. 399), а «психологи, которые примыкали ко многимъ терминамъ» Гусерля, выпустили свои работы, на которыя ссылается авторъ, — Аншюцъ въ 1909 г., Месеръ въ 1911 г., Шмидъ-Коважикъ въ 1912 г.; къ этому добавлю, что извѣстное сочиненіе Месера, *Empfindung und Denken*, гдѣ онъ примыкаетъ далеко не къ однимъ «терминамъ» Гусерля, вышло въ 1908 г. Спрашивается, статья въ *Archiv* осталась имъ такъ же неизвѣстна, какъ и В. В. Зѣньковскому?

Но въ частности два слова о Шмидъ-Коважикѣ. Съ какой стороны этотъ «примыкаль ко многимъ терминамъ» Гусерля? Приведу двѣ цитаты изъ его книги въ оправданіе своего вопроса: 1) «Кто же подумаетъ, слыша впервые слово «феноменологія», объ неземпирическомъ, аподиктическомъ познаніи? Никто» (S. 52); 2) «Гусерль... только еще болѣе запуталъ всю логическую связь капризной (*eigensinnig*) терминологіей и произвольными опредѣленіями» (74). Такъ «примыкаетъ» Шмидъ-Коважикъ. Однако и онъ понимаетъ, какъ видно изъ первой цитаты уже, что «описательная психологія» Гусерля не есть «эмпирическое» знаніе, и упрекаетъ его даже въ «логицизмъ» (75). Въ общемъ соображенія Шмида-Коважика весьма наивны, онъ хочетъ оберечь отъ Гусерля своего учителя Дилтея, который, кстати сказать, самъ заявлялъ (*Stud. z. Grundlegung d. Geisteswiss.*, S. 12 Anm.) «разъ на всегда» о вліяніи на него Гусерля, — но одно у него все же ясно отъ начала до конца: *желаніе* отличить свой «аналитическій методъ», какъ методъ эмпирической, отъ феноменологическаго. Но какая же возникаетъ путаница мысли, когда авторъ ко всему вдругъ сообщаетъ: «Не можемъ мы принять также термина *Schmid Kowarzik*'а — «аналитическій методъ», такъ какъ понятіе анализа одинаково умѣстно для выясненія и состава и происхожденія явленія» (8, прим.).

Чтобы покончить съ этимъ кругомъ вопросовъ и недоумѣній, приведу еще одно сообщеніе автора: «Какъ на образецъ феноменологическаго метода можемъ указать на работу *Pfänder*'а. *Phänomenologie des Wollens*. Leipzig. 1900» (то же прим.). Я склоненъ думать, что эта работа Пфендера есть поучительный образецъ того, какъ не слѣдуетъ понимать феноменологическій методъ тому, кто хочетъ разобраться въ феноменологіи Гусерля!

Въ настоящее время, Пфендеръ, дѣйствительно, примкнулъ къ Гусерлю, хотя все же далекъ отъ полной солидарности съ послѣднимъ, но мы имѣемъ здѣсь указаніе на *опредѣленную* работу Пфендера. Она вышла въ свѣтъ въ 1900 г., но еще въ 1899 г. была представлена въ мюнхенскій университетъ на премию имени Фрошаммера, тогда какъ «Исслѣдованія» Гусерля появились только въ 1900—01 гг. Что же это—*filius ante patrem?*.. Но Пфендеръ даже и не опредѣляетъ феноменологическаго метода, а противопоставляетъ генетическому методу «субъективный», «интроспективный», или, какъ онъ предлагаетъ его называть, «ретроспективный» (*Phänomenologie des Wollens*, S. 6); такъ же онъ понимаетъ этотъ терминъ въ своемъ «Введеніи въ психологію», вышедшемъ въ 1904 г. Итакъ, о чемъ же рѣчь? Да, просто объ описаніи на основаніи самонаблюденія! При чемъ же здѣсь феноменологія Гусерля? Конечно, авторъ воленъ называть феноменологіей все, что ему заблагоразсудится, но нужно ясно и отчетливо опредѣлить, чѣмъ отличается и въ чемъ сходствуетъ его опредѣленіе съ другими принятыми; сознаться, что его новый терминъ есть обозначеніе для стараго понятія «самонаблюденія», признать, что весь его трудъ построенъ на предпосылкахъ эмпирической психологіи, и особо подчеркнуть, что логическая и гносеологическая главы его книги также зиждутся на предпосылкахъ эмпирической психологіи,—тогда не было бы никакихъ недоразумѣній. При настоящемъ же положеніи дѣла я по внимательномъ изученіи его книги категорически заявляю, что на всемъ ея протяженіи термины «феноменологія», «феноменологическій» и под. *ни разу* не употреблены правильно въ смыслѣ феноменологіи Гусерля.

Послѣдствія этого основнаго промаха В. В. Зѣньковскаго обнаруживаютъ себя на каждомъ шагѣ въ его изслѣдованіи, но въ особенности въ логической и въ гносеологической главахъ. И прежде всего вызываетъ сомнѣніе его трактованіе вопроса объ отношеніи логики и теоріи познанія. Логика и теорія познанія, по его убѣжденію, опираются на «предпосылку»: «реальное и конкретное научное мышленіе» (9). Если такова, дѣйствительно, *предпосылка* изслѣдованія В. В. Зѣньковскаго, то его логика и теорія познанія—всецѣло эмпиричны. Высказывать такой взглядъ при современномъ состояніи этого вопроса, по меньшей мѣрѣ, рискованно, разъ авторъ не беретъ на себя труда сосчитаться съ

взглядами прямо противоположными его убѣжденію, но взглядами широко принятыми и, есть основаніе думать, хорошо обоснованными. Хотѣлось бы знать, по крайней мѣрѣ, что авторъ называетъ «предпосылкой»? Для того, чтобы философствовать нужно не только ѣсть, нужна культура, земля и солнце,—это также «предпосылки»? Въ такомъ же смыслѣ «предпосылкой» труда В. В. Зѣньковского является наличность въ Кіевѣ типографій, но, какъ извѣстно, изъ предпосылокъ мы дѣлаемъ выводы, которые и составляютъ содержаніе рассматриваемой нами темы,—какіе же выводы можно сдѣлать къ содержанію рассматриваемого нами труда изъ «предпосылки», запечатлѣнной на его обложкѣ? Точно также непонятно, какъ «выводится» логика изъ наукъ, которыя только постольку науки, поскольку въ нихъ есть логика. А въ то же время авторъ настолько пуристъ въ логикѣ, что, по его мнѣнію, логика должна предшествовать даже гносеологіи (19, 72), потому что онъ не хочетъ для логики «никакихъ гносеологическихъ предпосылокъ» (71).

Между тѣмъ положеніе это весьма спорное и позиція автора здѣсь весьма шаткая, почему же онъ не хочетъ, по крайней мѣрѣ, сосчитаться съ противными взглядами; напр. И. Лапшинъ утверждалъ, что не только теорія познанія должна «предшествовать» логикѣ, и даже не только опредѣленная,—«критическая»,—теорія познанія должна занять первое мѣсто, но даже вообще *«тѣ, кто отвергаетъ значеніе критической теоріи познанія, тѣмъ самымъ лишаютъ себя права ссылаться на законы формальной логики»*. Существенно здѣсь то, что для сторонниковъ субъективизма теорія познанія потому и должна быть «первой философіей», что она понимается ими какъ основная *принципальная* наука. Но это—только частное выраженіе того общаго взгляда, что философія должна заключать въ себѣ нѣкоторыя *принципальныя* основанія всякаго знанія. И современная борьба за «принципы», захватившая столь широкій фронтъ,—Теорія предмета, Феноменологія, Основная наука Ремке, Ученіе Г. Гомперца, Критика Нельзона, Критика Фришайзенъ-Келера, американскій Нео-реализмъ и т. п.,—все это движеніе не можетъ быть упущено изъ виду тѣмъ, кто говоритъ объ отношеніи знанія къ его принципамъ. Тутъ важны не «гносеологизмъ» или «онтологизмъ», а *«идея основной науки»*, и походъ противъ примата Теоріи познанія есть походъ не противъ ея *принципаль-*

ности, а только противъ ея «субъективизма». ¹⁾ Поставить логику въ основу можетъ только очень прямолинейный рационалистъ, но авторъ далеко къ рационализму не благосклоненъ. Что въ этомъ вопросѣ есть серьезныя апоріи, это авторъ видитъ, онъ видитъ здѣсь извѣстнаго рода «кругъ», но, заявляетъ онъ, «выходъ изъ этого круга мы можемъ найти лишь въ той «чистой феноменологіи», идею которой развиваетъ Гусерль» (19). Это ужъ совсѣмъ неожиданно, ибо по Гусерлю феноменологія и есть основная наука! Гусерль выдѣляетъ идею «чистой формальной» логики, содержащей ученіе о силлогизмѣ, теорію счета, ученіе о множествахъ, даже теорію вѣроятности и т. п., такая логика со стороны *формальной* можетъ «предшествовать» другому знанію, поскольку она говоритъ о *всякомъ предметѣ*. Но логика «значенія» и тѣмъ болѣе методологія, о которой и идетъ рѣчь у В. В. Зѣнковскаго, всегда «позади» феноменологіи и только на послѣдней и основывается. Не слѣдуетъ забывать, что феноменологія Гусерля есть наука эйдетическая, но *материальная*, — какъ и Кантъ называлъ свою «трансцендентальную логику» «материальной», — слѣдовательно, всюду, гдѣ рѣчь идетъ о «материальнѣ» она должна «предшествовать». Къ вопросу о психической причинности это относится безъ всякихъ оговорокъ и безъ всякихъ сомнѣній. Другими словами, идетъ ли рѣчь о Принципахъ или о Теоріи познанія, по самому смыслу своему это есть основаніе.

Неопредѣленность позиціи В. В. Зѣнковскаго, кажется мнѣ, зависитъ отъ того, что на самомъ дѣлѣ у него вообще нѣтъ идеи ни логики, ни теоріи познанія, ни феноменологіи, — въ лучшемъ случаѣ это — психологія. Въ связи съ этимъ отмѣчу еще одно обстоятельство: я указывалъ на странное впечатлѣніе, которое возникаетъ отъ его полуфразъ, полунамековъ въ сторону мистическаго опыта, какъ источника познанія. Это имѣетъ отношеніе къ данному вопросу. «Постулатъ всеобщей причинности, — пишетъ онъ, — *имѣетъ поэтому чистый религиозный смыслъ*; наша современная наука, въ основномъ своемъ постулатѣ всеобщей причинности, оплодотворяется, на нашъ взглядъ, религі-

¹⁾ Допустимъ даже взглядъ, что основная философія обнимаетъ собою, какъ изученіе сущаго, такъ и теорію познанія. Въ этомъ смыслѣ опредѣлять феноменологію кв. С. Н. Трубецкой.

ознымъ мышленіемъ. Тамъ же, гдѣ обоснованіе науки хочеть быть внѣрелигіознымъ, оно либо мнимо освобождается отъ религіозной основы, либо теряетъ всякую почву; первое мы находимъ въ системѣ объективнаго идеализма, второе—въ эмпиризмѣ» (119). Но если авторъ такъ смотритъ на дѣло, то неужели ему не ясно, гдѣ для него лежитъ основное знаніе и гдѣ его основная наука? Для него должна быть основной наукой *теологія* и, разумѣется, принципиально это было бы правильнѣе, чѣмъ сводить логику и теорію познанія къ психологическимъ предпосылкамъ. Но странно, что при такомъ убѣжденіи авторъ тѣмъ не менѣе не указалъ этого обоснованія проблемы причинности...

Но вернемся къ «выходу» изъ круга. Тутъ у автора срывается цѣнное признаніе: «пользуясь приѣмомъ феноменологической редукціи,—говоритъ онъ,—мы можемъ подойти къ логическому анализу понятія причинности, не боясь «шаткости» гносеологической позиціи нашей» (20). Я склоненъ думать, что не только гносеологическая позиція автора шатка, ибо совершенно непонятно, при чемъ здѣсь «феноменологическая редукція»? У Гусерля это—путь отъ эмпирически даннаго въ окружающемъ насъ мірѣ къ чистому сознанию, какъ предмету феноменологіи. Думаетъ ли авторъ, что этотъ путь можно примѣнить къ рѣшенію каждой проблемы? Но это было бы столь же продуктивнымъ дѣломъ, какъ если бы мы для рѣшенія каждой задачи, напр., на тѣла вращенія, дедуцировали *ad hoc*, всю геометрію и тригонометрію. Я думаю, что для проблемъ логики, и въ частности для проблемы причинности, этотъ путь по меньшей мѣрѣ утомителенъ. Да и самъ авторъ предпочитаетъ итти путемъ нисколько не феноменологическимъ, но зато краткимъ. Онъ просто приписываетъ причинности давно всѣмъ извѣстныхъ четыре признака,—постоянство, послѣдовательность, необходимость и реальное соизиданіе (20). Но при чемъ же здѣсь феноменологія? Здѣсь нѣтъ даже «описанія», но и подавно нѣтъ никакаго анализа «сущности» вещи,—т.-е. тѣхъ признаковъ, которые указывалъ самъ авторъ. Я знаю, что не дѣло логики заниматься такими вещами, но авторъ именно логику хочеть излагать феноменологически! Дальнѣйшее разсмотрѣніе имъ каждаго изъ названныхъ признаковъ въ отдѣльности носитъ вполнѣ дискурсивный характеръ и также не заключаетъ въ себѣ ничего феноменологическаго. Есть здѣсь много спорнаго, необоснованнаго, но я оставляю эти част-

ности въ сторонѣ и останавлиюсь только на нѣкоторыхъ положеніяхъ, имѣющихъ связь съ уже высказаннымъ.

Я вполне раздѣляю мнѣніе автора, что причинность есть признакъ реальности, и что существенный признакъ причинности есть «порождаемость», или какъ онъ это называетъ, «реальное созиданіе». Но существенно важно, какъ авторъ приходитъ къ этому и какъ онъ понимаетъ реальное созиданіе? Единственный путь при дѣйствительно до-теоретическомъ, не-дискурсивномъ, подходѣ къ вопросу есть установленіе феноменологической реальности, указаніе мѣста причинности и анализъ ея въ ея сущности (какъ напр., у Шапа въ его *Beiträge zur Phänomenologie der Wahrnehmung*, S. 49). Но авторъ смотритъ на дѣло, повидимому, иначе, такъ какъ считаетъ, что, обратно сказанному, «различіе реального и идеального полагается причинностью» (100). Получается, что можно анализировать феноменологически причинность безъ анализа воспріятія, вѣщности и вообще *do* различенія реального и идеального. Авторъ сознательно переворачиваетъ порядокъ вопросовъ, откуда и выходитъ, что мы не знаемъ, что есть реальность, но говоримъ о «реальномъ созиданіи». Это и есть типическій приемъ *ипотетическаго* метода, столь враждебнаго феноменологіи. Дѣйствительно, авторъ приходитъ къ утверженію «созиданія» очень сложнымъ путемъ, гдѣ вполне умѣстно приложить методъ и чистаго эмпирическаго описанія въ самонаблюденіи. Авторъ при анализѣ «необходимости» различаетъ «необходимость идеальную» и «необходимость реальную» (43) и затѣмъ утверждаетъ: «Но справедливо было замѣчено, что въ понятіи реальной необходимости до сихъ поръ чувствуются слѣды анимизма, такъ какъ «необходимость» мыслится постоянно съ оттѣнкомъ принудительности, пріобрѣтаетъ характеръ *силы*. Нечего удивляться, что чистый эмпиризмъ изгоняетъ понятіе необходимости, какъ онъ изгоняетъ понятіе силы. Мы должны согласиться, что это логично: понятіе реальной необходимости *заканчивается* въ понятіи силы, и кто изгоняетъ послѣднее, долженъ изгнать и первое. Понятіе силы потому завершаетъ понятіе реальной необходимости, что цѣль его реально обосновать подвижность и измѣнчивость бытія,—и до введенія понятія силы фактическая необходимость выступаетъ, какъ мистическая тайна бытія» (43—44). Можетъ быть, это и логично, но опять спросимъ, при чемъ тутъ феноменологія? Понятіе «силы» выво-

дится здѣсь какъ гипотеза! Но я думаю, что это и не «логично», а 1) «натурфилософично» и 2) понятіе «силы» есть прежде всего механическое понятіе, и авторъ стоитъ передъ той самой опасностью «механизма», противъ которой вооружается всѣмъ замысломъ своей книги. Дѣйствительно, какъ мы увидимъ ниже, здѣсь имъ уже предрѣшается вопросъ о психической причинности. Но и самый методъ автора здѣсь въ большей степени напоминаетъ старыя аналогическія заключенія механистическихъ теорій, чѣмъ, хотя бы отдаленно, феноменологическій методъ. Къ названному признаку причинности, «созиданію», авторъ приходитъ даже не путемъ эмпирическаго описанія, а путемъ *ипотетическаго* заключенія черезъ понятіе «силы». «Если понятіе силы,—говоритъ онъ,—вводится въ систему мышленія для того, чтобы стало возможнымъ причинное объясненіе, то значить всѣ причинныя связи должны включать въ себя моментъ „созиданія“ (64). Въ этомъ выводѣ концентрируется сразу нѣсколько гипотезъ: 1) гипотеза причиннаго объясненія, 2) условія ея возможности, заключающіяся въ понятіи силы, 3) гипотетическій выводъ о томъ, что *всѣ* причинныя связи дають объясненіе и, наконецъ, 4) и 5) заключающіяся въ этомъ выводѣ предпосылки, что всѣ причинныя связи суть силы, а силы суть «созиданія». Поэтому, только послѣдовательностью со стороны автора является его выводъ, долженствующій произвести на феноменолога ошеломляющее впечатлѣніе: «черезъ понятіе силы и сущность причинности становится ясной» (65)! Какая же это «сущность», если она обнаруживается не непосредственнымъ усмотрѣніемъ, а въ результатѣ дискурсивнаго анализа гипотетическаго понятія силы? Понятіе силы у автора не только гипотеза, но также предпосылка и антиципация. Не случайно поэтому ея анализъ попадаетъ у него въ главу *логическую*, хотя настоящее ея мѣсто въ онтологіи и натурфилософіи. Именно антиципация причинности, какъ силы, побуждаетъ автора утверждать, что съ «логической точки зрѣнія категория причинности предшествуетъ категоріи субстанціальности; причинное отношеніе въ существѣ связываетъ не вещи, а процессы..... Понятіе причины по своему основному содержанію относящееся къ процессамъ, завершаетъ понятіе вещи, какъ связаннаго единства процессовъ,—другими словами, понятіе причинности логически предваряетъ понятіе вещи» (57). Мнѣ непонятно, какъ «завершаетъ», можетъ «дру-

гими словами», значить «предваряетъ»,—вообще я думаю, что рѣчь идетъ просто о коррелации,—но я обращаю вниманіе на другую сторону, только на эту тенденцію автора видѣть въ силѣ первоначальное понятіе, къ которому въ концѣ концовъ сводится всякое понятіе причиннаго отношенія или причинной связи.

Не меньше недоумѣній вызываетъ анализъ автора и другихъ вышеназванныхъ признаковъ причинности. Остановлюсь только на одномъ, связанномъ съ столь важнымъ понятіемъ *необходимости*. Авторъ различаетъ необходимость фактическую и логическую или идеальную (43) и этимъ раздѣленіемъ у него въ сущности слишкомъ легко разрѣшаются очень трудные вопросы. Авторъ обрушивается на рационализмъ (32, 43) за отождествленіе имъ *causa* и *ratio*. Этотъ вопросъ еще требуетъ своего историческаго освѣщенія, но не слѣдуетъ, во всякомъ случаѣ, забывать, что оба понятія имѣютъ въ рационалистической философіи онтологическое значеніе, смыслъ котораго лежитъ въ допустимости двухъ видовъ объясненія: изъ внѣшнихъ причинъ и внутренняго основанія. Но вѣдь эта идея рационализма есть одна изъ основныхъ идей разсматриваемаго нами сочиненія! Но только, какъ всякому извѣстно, *ratio* не понимается въ рационализмѣ какъ «сила»,—напр., монады, какъ «метафизическія точки», есть нѣчто совершенно *sui generis*. Автору слѣдовало бы отнестись именно къ рационалистическому ученію объ объясненіи съ большей серьезностью и осторожностью. Впрочемъ, приведенное раздѣленіе можетъ имѣть и другой смыслъ, ярче всего обнаруживающійся въ феноменологическомъ противопоставленіи необходимаго и случайнаго, идеальнаго и фактическаго. Но и здѣсь авторъ «разсуждаетъ» (43), гдѣ нужно было бы просто «видѣть» такой первоначальный фактъ, какъ коррелативность необходимости и случайности. Авторъ «доказываетъ», что фактическое лежитъ во времени, а необходимое «внѣ» и «надъ» временемъ. Но какимъ временемъ? Астрономическимъ! Но тогда это ровно ничего не доказываетъ. Что въ идеальномъ можетъ быть нѣкоторый по крайней мѣрѣ аналогонъ времени, этого авторъ не опровергъ, такъ какъ ссылка на «необратимость» (33) неубѣдительно,—«необратимость» вѣдь можетъ быть отнесена только къ астрономическому времени. Во всякомъ случаѣ, связавъ свое раздѣленіе съ признакомъ времени, авторъ не облегчилъ разрѣшеніе самаго труднаго здѣсь вопроса объ отношеніи идеальной

и фактической необходимости, а еще больше затруднилъ его. Онъ въ точности выполняетъ имъ самимъ установленное положеніе: «Различіе между реальными и идеальными объектами провести дѣйствительно трудно, въ силу чего то идеальные объекты трактуются реально, то обратно» (100).

Въ самомъ дѣлѣ, что значить, что идеальное «внѣдряется» въ реальное? (49,50) Развѣ это разрѣшеніе вопроса? Это—просто непонятный образъ—нельзя ни понять, ни представить себѣ, какъ идеальное, т.-е. внѣвременное можетъ «внѣдряться» въ потокъ времени! Какъ понимать само «внѣдреніе»,—идеально или реально? Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ: «Однако, будучи ирраціональнымъ, время можетъ вобрать «въ себя» идеальныя связи, или можетъ вбираться этими идеальными связями» (34; на стр. 434 «идеальная сфера» «втягивается»). Но это «вобрать въ себя» или «вбираться» не менѣе непонятно! Стоитъ ли ломать себѣ голову надъ этими образами, разъ, съ другой стороны, совершенно ясно, что если такъ или иначе, «внѣдряясь», или какимъ инымъ способомъ, идеальное попадаетъ въ бытіе реальное, оно само реализуется,—и раздѣленіе автора становится весьма условнымъ. Подлинно идеальное, какъ напр., пифагорова теорема или аксіома силлогистики и т. п., никуда не «внѣдряется», оно вообще не есть «вещь» среди вещей окружающаго насъ реальнаго потока бытія.

Неясность позиціи В. В. Зѣньковскаго усугубляется однако еще новыми оттѣнками въ его пониманіи идеальнаго, которые привносятся уже въ онтологической части его работы. Мы подойдемъ къ этому, отмѣтивъ заразъ и нѣкоторыя неясности этой части его работы, обращая, опять-таки, вниманіе на тѣ моменты въ его изложеніи, которые связаны съ указанными недочетами его метода и его предпосылокъ. Нельзя не согласиться съ постановкой вопроса у автора, когда онъ опредѣляетъ свою задачу при разсмотрѣннн психической причинности, какъ конкретизацію общаго понятія причинности (122), но нельзя не видѣть также, что путь для рѣшенія этого вопроса имъ избранъ не лучший. Предрѣшивъ до извѣстной степени выводы, къ которымъ онъ можетъ здѣсь прійти, авторъ вновь допускаетъ нѣкоторыя пробѣлы, наличность которыхъ сильно понижаетъ значеніе его изслѣдованія. Если бы авторъ началъ съ установленія Принциповъ (или теоріи познанія) и далъ бы классификацію

«предметовъ», ему оставалось бы только специфицировать по нимъ соотвѣтственные логическіе приемы и обратиться теперь къ онтологическому описанію «вещи». Въ такомъ видѣ проблема давно назрѣла и ея рѣшеніе было бы естественнымъ завершеніемъ той работы классификаціи причинности или закона достаточнаго основанія, которая въ свое время была начата Крузіусомъ, а потомъ Шопенгауэромъ. При томъ упрощеніи, которому подверглось все трактованіе проблемы у автора, у него просто есть уже готовая предпосылка, по существу даже неправильная, но теперь въ высшей степени затрудняющая дальнѣйшій правильный путь, — это указанное пониманіе всякой причинности какъ силы. И все-таки авторъ могъ бы еще спасти положеніе вещей, *если бы онъ далъ опредѣленіе 'психическаю* или такое его описаніе, которое устанавливало бы его какъ предметъ *sci generis*. Вотъ тутъ, дѣйствительно, могла бы помочь феноменологія! Любопытно, что авторъ категорически отвергаетъ значеніе математики, какъ методологическаго основанія для всѣхъ безъ исключенія наукъ (124), слѣд., нужно позаботиться о специфическомъ соотвѣтствующемъ основаніи прежде всего для психологіи. Насколько нужно привѣтствовать стремленіе автора освободить психологію отъ «плѣна математики», настолько же однако нельзя игнорировать законный вопросъ о соотвѣтствующемъ «образцѣ» для психологіи. Можетъ быть, авторъ держится того мнѣнія, что сама психологія, какъ думаютъ нѣкоторые (напр., Вундтъ), является основаніемъ для всѣхъ такъ наз. наукъ о духѣ? Но вѣдь и это требуетъ своего обоснованія, а главное, какъ же авторъ, претендующій на то, что онъ пользуется феноменологическимъ методомъ, умалчиваетъ о стремленіи феноменологіи играть по отношенію къ психологіи *mutatis mutandis* роль математики? Авторъ просто направляется по линіи наименьшаго сопротивленія и, отправляясь въ поиски за спецификаціей—или какъ онъ выражается, «конкретизаціей»,—въ объясненіяхъ «природы», занятъ теперь только спасеніемъ понятія «силы» также для области психической. Путь въ высшей степени упрощенный: отказавшись отъ рационализма съ его объясненіемъ изъ *ratio*, авторъ отвергаетъ однако и механизмъ,—съ давнихъ поръ тутъ подсовывается понятіе *телсологіи*. Безъ колебанія авторъ принимаетъ этотъ выходъ и, повидимому, безъ особенныхъ угрызеній логической совѣсти объявляетъ самое цѣль причиной (потомъ это

прилагается и къ психическому (268). По мнѣнію автора, «логически состоятельная характеристика цѣли видить въ ней именно своеобразную форму причинности» (136). Я сказалъ бы, что здѣсь опечатка, — до такой степени убѣжденъ, что это логически *несостоятельная* характеристика, — если бы это положеніе автора не было результатомъ пересказа соответствующаго мнѣнія Вундта. Традиционный въ этомъ случаѣ вопросъ объ совмѣстимости или несовмѣстимости причины и цѣли, во всякомъ случаѣ, логически совершенно состоятельно разрѣшается въ пользу ихъ совмѣстимости именно указаніемъ на то, что цѣль не есть причина. Дѣйствующая причина можетъ, конечно, направляться по цѣли, цѣль въ свою очередь можетъ вести эвристически къ открытію причинныхъ связей, но этого недостаточно для того, чтобы цѣль считать видомъ причины. Я не задаюсь здѣсь цѣлью спорить съ авторомъ, а хотѣлъ бы только отмѣтить тѣ пробѣлы, которые у него получаются отъ стремленія разрѣшать такіе вопросы нѣсколькими цитатами и на протяженіи нѣсколькихъ страничекъ, и теперь я говорю объ этомъ, чтобы отмѣтить, что если даже авторъ правъ въ своемъ пониманіи цѣли, то все же онъ не отвѣтилъ на вопросы, которые сами собою возникаютъ при его предпосылкахъ. Напр., причинность у него есть признакъ реальности, а цѣль тоже? причинность имѣетъ признаки порожденія и необходимости, цѣль тоже? причинность есть сила, цѣль тоже? и т. п. Я не скажу, чтобы авторъ не видѣлъ этихъ вопросовъ, но они просто не выдвинуты, *не разрѣшены*, и теряются въ своемъ значеніи за его цитатами или, — тутъ и лежитъ центръ тяжести моего упрека, — его опять вводитъ въ заблужденіе его мнимая феноменологія. Вотъ тутъ мы и имѣемъ дѣло съ новымъ отгнкомъ въ пониманіи «идеальнаго». Къ концу своей книги (423), авторъ, говоря о приложеніи телеологіи къ психическому, свидѣтельствуетъ, что психика «и въ своихъ корняхъ и въ опытѣ и въ продуктахъ развитія постоянно соприкасается съ міромъ высшаго духовнаго бытія. Психическая жизнь смѣло можетъ быть *поэтому* (курсивъ мой) охарактеризована, какъ въ высшей степени цѣлесообразная» (423), заключаетъ онъ. Какъ же *это* понятіе цѣли согласуется съ признаніемъ цѣли какъ вида причины? Мнѣ это представляется совершенно неправомѣрнымъ расширеніемъ или истолкованіемъ понятія «идеальнаго». Какъ выше авторъ смѣшпвалъ понятіе идеальнаго въ смыслѣ психологиче-

скаго и въ смыслѣ эйдетическаго, такъ теперь онъ допускаетъ еще болѣе грубое смѣшеніе эйдетическаго и моральнаго. Забыть урокъ, данный въ платоновскомъ Парменидѣ, что нѣтъ для философа «низкаго»! Авторъ говоритъ: «Какъ намъ уже приходилось указывать, въ нашемъ мышленіи мы имѣемъ своеобразную форму *опыта*, въ которой мы усваиваемъ высшую идеальную сферу,—и тѣ законы, которые царятъ въ идеальномъ мірѣ, черезъ этотъ духовный опытъ внѣдряются въ психическіе процессы и опредѣляютъ содержаніе нашего мышленія» (419). Опять «внѣдреніе», но я рѣшительно утверждаю, что какъ бы ни расширялъ авторъ понятіе «опыта», вводя въ него моральныя, религиозныя и всякія другія цѣнности (225, 307, 312—313, 316, 434 и др.), все это можетъ имѣть только *реальное* значеніе. Ошибка автора въ томъ, что онъ «идеальному» приписываетъ нормативное значеніе, тогда какъ оно, будучи *предметомъ*, само по себѣ этого значенія имѣть не можетъ. Правда, этизирующей идеализмъ (напр. Риккертъ) смотритъ на дѣло иначе и, конечно, его точка зрѣнія должна быть принята во вниманіе, но, какъ я уже указалъ, для меня здѣсь важно отмѣтить, что авторъ опять злоупотребляетъ своимъ слишкомъ легкимъ отношеніемъ къ феноменологіи. Приведеннымъ выше словамъ его предшествуетъ его заявленіе: «Мы можемъ смѣло рѣшиться, вмѣстѣ въ Гуссерлемъ, утверждать, что идеальныя связи не создаются, а открываются, находятся нами, подобно тому какъ намъ открывается дѣйствительность въ воспріятіи» (419). Вотъ что значитъ цитировать *слова*, а не *мысли*! Рѣшимость автора не отличалась бы такой смѣлостью, если бы онъ имѣлъ въ виду *смыслъ* гуссерлевской идеальности. «Она (идеальность),—утверждаетъ Гуссерль,—ни въ коемъ случаѣ не имѣетъ смысла *нормативной идеальности*, какъ если бы рѣчь шла объ идеалѣ совершенства, объ идеальной предѣльной цѣнности, которая противопоставляется отдѣльнымъ случаямъ ея болѣе или менѣе приближеннаго реализированія..... Идеальность въ обычномъ, нормативномъ смыслѣ включаетъ реальность..... Идеальность специфическаго, напротивъ, есть исключаящая противоположность по отношенію къ реальности или индивидуальности...» и т. п. (Log. Untersuch. V. II, S. 102).

Не стану останавливаться на другихъ частностяхъ и перейду непосредственно къ центральной части изслѣдованія В. В. Зѣнь-

ковскаго, къ самой проблемѣ психической причинности. Эта часть сама по себѣ могла бы быть цѣннымъ вкладомъ въ нашу литературу, если бы ея значеніе не ослаблялось слабостью предпосылокъ и метода автора, и если бы, къ сожалѣнію, она не носила на себѣ слишкомъ явныхъ слѣдовъ того, что работа эта выполнена съ чрезвычайной поспѣшностью. Исходнымъ пунктомъ разсужденій автора является его классификація теорій психической причинности (159). Недостатокъ этой классификаціи бросается сразу въ глаза: это не есть аналитическая классификація *возможныхъ* ученій, а есть распредѣленіе по группамъ *нѣкоторыхъ* извѣстныхъ автору писателей. О томъ, что всякая классификація имѣетъ свои недостатки, давно извѣстно, но необходимо все-таки, чтобы классификація давала возможность предвидѣть, куда отнести тотъ или иной новый примѣръ. Поэтому, классификація, не носящая аналитическаго характера, а построенная на нѣсколькихъ экземплярахъ, всегда обнаружитъ существенные недостатки. Основное раздѣленіе автора противопоставляетъ точки зрѣнія, отрицающія психологическую активность, и потому отождествляемая имъ съ эпифеноменизмомъ, точкамъ зрѣнія, признающимъ психическую причинность; послѣднія дѣлятся на точки зрѣнія, признающія однородность души съ активностью матеріальнаго міра и отрицающія такую однородность. Эта послѣдняя группа обладаетъ еще одной особенностью: признавая реальность психической активности, она отвергаетъ все же причинность въ психикѣ, потому что активность души здѣсь понимается въ особомъ смыслѣ, не требующемъ или даже исключаящемъ причинное истолкованіе. Къ этой группѣ относятся 1, современные фиктеанцы, 2, марбургская школа, 3, Дилтей. На ней мы преимущественно и сосредоточимъ наше вниманіе, такъ какъ намъ заранѣе уже видится здѣсь предвзятость автора. Только потому, что эта точка зрѣнія не признаетъ активности въ смыслѣ аналогичномъ матеріальному міру, она въ сущности ставится на одну доску съ эпифеноменизмомъ, вовсе отрицающимъ и психологическую активность и психологическую причинность. Предвзятость автора очевидна, какъ ясенъ и источникъ ея: уже извѣстное читателю истолкованіе причинности въ общемъ значеніи, какъ «сила». Замѣтимъ, что самъ авторъ держится того мнѣнія, что психика аналогична міру матеріальному, именно органическому, при чемъ изъ двухъ видовъ этой точки

зрѣнія,—периферической и центральной теоріи психической причинности,—онъ становится на точку зрѣнія послѣдней.

Точка зрѣнія, признающая неоднородность психической активности съ активностью матеріальнаго міра и связанная, по опредѣленію автора, съ отрицаніемъ психической причинности, опирается на «крайне узкое пониманіе причинности» (202). Но страннымъ образомъ, оказывается, что «узость» эта состоитъ ни въ чемъ иномъ, по мнѣнію автора, какъ въ томъ, что они не хотятъ видѣть указанной «однородности». Я склоненъ думать, что дѣло обстоитъ какъ-разъ обратно,—позиція В. В. Зѣньковского обнаруживаетъ непонятную узость, и если онъ этого не замѣчаетъ, то только потому, что слишкомъ увѣренъ въ всеобщности признака «силы» для понятія причинности. Къ этому мы еще перейдемъ, но сейчасъ уже примѣры, которыми я имѣю въ виду иллюстрировать недостаточность его классификаціи, дадутъ матеріалъ и для обоснованія этого моего утвержденія. Куда, напр., по классификаціи автора отнести такого писателя какъ Ремке? О немъ авторъ даже не упоминаетъ, хотя онъ достаточно извѣстенъ и по своему значенію во всякомъ случаѣ крупнѣе многихъ цитируемыхъ авторомъ докторовъ философіи. По мнѣнію Ремке, воспринимать значитъ имѣть воспріятіе, представлять значитъ имѣть представленіе и т. п., а потому лучше не говорить о восприниманіи, представленіи и т. д., какъ объ *актахъ*; слово актъ легко порождаетъ недоразумѣнія, какъ еслибы воспріятіе, представленіе, мышленіе были процессами или даже дѣятельностью (*Die Seele des Menschen*, 3. Aufl. S. 46). Ремке, какъ видно, долженъ бы представлять для автора особый интересъ уже по одному своему отношенію къ активности, такъ какъ его взглядъ прямо противоположенъ взгляду автора. Но Ремке разрушаетъ и всю классификацію его. «Тѣ, кто отрицаетъ,—говоритъ авторъ,—психическую активность, очевидно должны отвергнуть реальность особой психической причинности» (158). Но для Ремке, вѣроятно, это «очевидно» — неочевидно, потому что психическую причинность онъ признаетъ, допуская, что душа, хотя и посредственно, но можетъ дѣйствовать на самое себя (*id.* 61). Можетъ быть, Ремке—эпифеноменистъ, такъ какъ опосредствованное дѣйствіе души на себя есть дѣйствіе черезъ мозгъ? Но рѣшится ли авторъ назвать эпифеноменистомъ психолога, который заявляетъ: «Въ настоящее время предъ ли-

цомъ научнаго трибунала уже не стануть отрицать, что въ нашемъ опытѣ можно встрѣтить нѣчто *особенное*, что не есть ни вещь, ни приуроченность (*Bestimmtheit*) вешей. Мы знаемъ въ качествѣ такого особеннаго то данное, которое мы называемъ *душой*» (ib. 11). Итакъ, съ Ремке автору не мѣшало бы 1, посчитаться, 2, дать ему мѣсто въ своей классификаціи. Другой примѣръ — Свобода, его авторъ называетъ однажды (269 прим.), слѣд., знаетъ его, — куда его отнести? Точка зрѣнія его совершенно своеобразная, основнымъ фактомъ психической жизни онъ считаетъ періодичность, связанную съ половой сферой человѣческаго организма, — это и есть опредѣляющій причинно факторъ, слѣд., причинность психическая для него есть собственно причинность психофизическая, но на ряду съ этимъ онъ признаетъ также спонтанность, т.-е. активность душевной жизни. Эпифеноменистомъ онъ никакъ названъ быть не можетъ: лозунгомъ психологіи онъ считаетъ «эмансипацію отъ методовъ естествознанія»; «психологія, — заявляетъ онъ, — можетъ заниматься только псyxе» (*Die Perioden usf. S. VII*). Еще примѣръ — Ф. I. Шмидтъ, писатель тонкій и остроумный, повидимому, автору также оставшійся неизвѣстнымъ, признаетъ не только спонтанность душевной жизни, но совершенно исключительныя особенности внутренняго развитія. Но именно потому, по его мнѣнію, что въ душевной жизни имѣетъ мѣсто *развитіе*, понятіе психической причинности вовсе не должно имѣть мѣста; «говорить о психической причинности, — по его мнѣнію, — недопустимо и это вноситъ путаницу» (*Grundzüge der konstitutiven Erfahrungsphilosophie, Brl. 1901, S. 229*). Куда его отнести? Между тѣмъ и такая точка зрѣнія весьма важна для автора, который самъ говоритъ о развитіи изъ «я» (340—341). Вотъ три *разныхъ* точки зрѣнія и относительно ихъ всѣхъ неясно, какое мѣсто имъ принадлежитъ въ классификаціи В. В. Зѣньковского.

Количество примѣровъ можно было бы увеличить и кой съ чѣмъ мы еще встрѣтимся, но и приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть источникъ тѣхъ трудностей, какія создаютъ для автора эти примѣры. Все дѣло въ томъ, что онъ самъ убѣжденъ, что «актъ» нужно понимать именно какъ «дѣйствіе» (206 — 207), даже какъ «работу» (254) и «энергію» (258), и, какъ мы ужъ знаемъ, въ силу произвольной предпосылки, будто порождаемость причины есть *сила*. Автора слишкомъ мало за-

нимають тѣ, кто не раздѣляетъ усвоеннаго имъ взгляда, и именно для оцѣнки *современнаго* состоянія вопроса это очень большой пробѣлъ. Но какъ отнестись къ тому, что авторъ писателей, защищающихъ взгляды ему самому враждебные, стремится также сдѣлать своими сторонниками. Автору кажется, что стоитъ кому-либо заговорить объ «актѣ» и «активности», и онъ тѣмъ самымъ долженъ признать то опредѣленіе активности, по которому въ послѣдней нужно видѣть дѣятельность. Но съ этимъ радикально расходятся взгляды весьма видныхъ представителей современной психологіи, и прежде всего взгляды школы Brentano и родственныхъ ему направлений. Авторъ легко обходитъ это направление, потому что, какъ мы уже отмѣчали, онъ не даетъ опредѣленія психическаго и, слѣд., ему совершенно не приходится считаться съ тѣми началами, которыя опредѣляютъ у серьезныхъ психологовъ ихъ систематическія построенія. Изъ анализа Brentano выясняется, что самымъ существеннымъ признакомъ психическаго является его «интенціональность», терминъ, который имѣетъ въ виду запечатлѣть неотъемлемое свойство психическаго «быть направленнымъ на предметъ». Не только мышленіе, но даже желаніе, т.-е. по общепринятому взгляду, преимущественная область психической *дѣятельности*, характеризуется у Brentano этимъ свойствомъ «направленности». (*Psychologie v. empir. Standpunkte*, S. 116). Авторъ можетъ съ этимъ не согласиться, но нельзя съ этимъ не считаться, и подавно недопустимо принимать эту точку зрѣнія за однородную съ тѣмъ толкованіемъ «акта», въ которомъ актъ выступаетъ какъ дѣйствіе и дѣятельность. Brentановское опредѣленіе психическаго, какъ интенціональнаго акта, принимаетъ также ученикъ Brentano и, по собственному опредѣленію автора, «первоклассный психологъ», Гусерль. И вотъ оказывается, что съ точки зрѣнія этихъ «активистовъ» въ психологіи можно говорить только о психофизической причинности и по тому простому соображенію, что «чисто психическое» есть феноменологическое, т.-е. есть «сущность», по отношенію къ которой категорія причинности никакого примѣненія имѣть не можетъ (ср. ст. Гусерля въ *Логосѣ*, S. 299). Так. обр., мы возвращаемся еще разъ къ классификаціи автора съ недоумѣніемъ, гдѣ въ ней мѣсто только что названнымъ «первокласснымъ» психологамъ, и констатируемъ въ то же время, что слишкомъ «узкое» пониманіе «активности» у автора заста-

вило его просмотрѣть въ высшей степени важное и значительное направлѣніе въ современной психологіи и зачислить въ собственные ряды своихъ принципиальныхъ противниковъ. До какой степени Гусерль несомвѣстимъ съ В. В. Зѣньковскимъ можетъ свидѣтельствовать хотя бы слѣд. заявленіе Гусерля: «Что касается, съ другой стороны, вопроса объ *актахъ*, то здѣсь, натурально, не позволяется уже думать о первоначальномъ смыслѣ слова *actus*, *мысль объ дѣйствovanіи должна оставаться безусловно исключенной*» (Log. Untersuch., В. II. S. 358). Это пониманіе акта, впрочемъ, не есть новшество брентановской школы, и я пошелъ бы даже дальше Гусерля и сказалъ, что здѣсь именно восстанавливается болѣе первоначальное значеніе слова *actus*, по крайней мѣрѣ, поскольку имѣется въ виду схоластическое раздѣленіе: *actus primus*, какъ дѣйствительность, и *actus secundus*, какъ *oregati*, т.-е. какъ дѣятельность, ставшая дѣйствительной. Однако какъ ни неправильна даваемая авторомъ интерпретація акта въ пониманіи Brentano и Гусерля, онъ окончательно ставитъ въ тупикъ, когда оказывается, что этому «акту» присуще не только дѣйствіе, но онъ самъ является «содержаніемъ» сознанія!.. Вотъ подлинныя слова автора: «подъ актами можно вмѣстѣ съ Гусерлемъ разумѣть особый классъ переживаній (слѣдовательно особыя содержанія сознанія),—именно такъ наз. «интенціональныя переживанія» (211)... II у автора слѣдуетъ указаніе на 346 ff. стр. Изслѣдованій Гусерля! Эта страница доступна всѣмъ, я хотѣлъ бы, чтобы кто-нибудь открылъ въ ней, что Гусерль «акты» называетъ «содержаніями сознанія»!.. Въ цѣломъ я не думаю, чтобы собственная позиція автора выиграла, еслибы онъ отстаивалъ дѣйственность психическихъ актовъ даже не такими средствами. Я лично думаю, что, дѣйствительно, правда на сторонѣ «центральной» теоріи психической причинности, но по моему убѣжденію, иное пониманіе активности, чѣмъ то, какое даетъ авторъ, только укрѣпило бы эту теорію, но споръ объ этомъ отвлекъ бы наше вниманіе, и я перехожу еще къ одному важному пробѣлу въ классификаціи, изъ которой мы исходимъ.

Въ ней, какъ указано, было отведено специальное мѣсто Дилтею, но въ дальнѣйшемъ обоснованіи классификаціи онъ у автора поразительнымъ образомъ *исчезъ*. Ни его мѣсто въ классификаціи, ни содержаніе его ученія дальше авторомъ *не* обсуждается!

Между тѣмъ къ нему не только не относится то, что авторъ говоритъ объ Мюнстербергѣ и Наторпѣ, т.-е. другихъ представителяхъ той же группы теорій психической причинности, но я вообще сомнѣваюсь, чтобы его можно было отнести въ эту группу или даже найти ему какое-либо мѣсто въ классификаціи, автора. Вопреки всѣмъ предпосылкамъ автора Дилтей признаетъ и активность и причинность и даже телеологичность (ср. его *Ideen* usw. Ss. 6, 33, 35, 38 и др.), и тѣмъ не менѣе онъ не допускаетъ никакого гипотетическаго объясненія, никакой естественнонаучной причинности, ни въ смыслѣ органическаго міра, ни въ смыслѣ неорганическаго, — словомъ, и Дилтей рѣшительный антагонистъ нашего автора. Но совсѣмъ не въ томъ пунктѣ, въ какомъ видитъ этотъ антагонизмъ авторъ. В. В. Зѣньковский пишетъ: «И Дилтей, и Эйкенъ, и Мюнстербергъ и даже Наторпъ считаютъ, что причинное объясненіе въ психологіи непременно связываетъ душевную жизнь съ нервными процессами, что оно идетъ отъ элементовъ къ цѣлому» (227 — 228). Повторяю, ни Дилтея ни Эйкена авторъ не разбираетъ, его обобщеніе основывается на данныхъ въ его книгѣ непредставленныхъ. Я думаю даже, что и по отношенію къ другимъ двумъ названнымъ писателямъ его характеристика невѣрна, но я обращаю вниманіе только на Дилтея, потому что при сравненіи позиціи автора съ его ученіемъ, она оказывается особенно обильной недоразумѣніями. Секретъ въ томъ, что Дилтей, вопреки автору, допускаетъ *непосредственное* знаніе не только душевныхъ процессовъ въ ихъ феноменальномъ потокѣ, но и ихъ реальныхъ связей, какъ напр., *связи причинности*. Авторъ же категорически опровергаетъ непосредственность внутренняго опыта, но тутъ его и постигаетъ большая бѣда.

Въ качествѣ объекта своего нападенія авторъ избираетъ постановку вопроса въ формулировкѣ Вундта. Есть большая разница, конечно, между пониманіемъ «непосредственнаго» у Вундта или у Brentano, у Дилтея и др., такъ что уже априорно его опроверженіе не могло бы имѣть общаго значенія, но хуже то, что, не различая разныхъ пониманій «непосредственности», авторъ направляетъ свою критику *вовсе не противъ Вундта*, а вообще въ пустое мѣсто!.. Вундтъ въ своемъ опредѣленіи психологіи (*Kleine Schriften*, В. II, S. 123) выдѣляетъ два признака, которыми психологія отличается отъ естествознанія: *непосред-*

свенность и интуитивность, т.-е. это у него значить,—1, естествознаніе абстрагируется отъ субъекта, и потому его способъ познанія опосредствованный, 2, эта абстракція побуждаетъ естествознаніе прибѣгать къ вспомогательнымъ гипотетическимъ понятіямъ, которыя никогда неадекватны интуиціи. Напротивъ, въ психологіи 1, эта абстракція отъ субъекта вновь уничтожается, въ этомъ смыслѣ психологія имѣетъ дѣло съ непосредственной дѣйствительностью, 2, сама конкретная дѣйствительность выступаетъ въ своей наглядной интуитивности. Дѣло ясное. В. В. Зѣньковскій цитируетъ изъ этой стр. Вундта слѣд. фразу: «Способъ познанія въ психологіи, говоритъ Вундтъ въ статьѣ «Die Definition der Psychologie», въ противоположность къ способу познанія въ естественныхъ наукахъ—непосредственный, *а поскольку субстратомъ ея объясненій является сама конкретная дѣйствительность*, поскольку она обходится безъ примѣненія абстрактныхъ вспомогательныхъ понятій, — воззрительный» (232). Конечно, эта цитата только резюмируетъ приведенныя выше опредѣленія *двухъ* признаковъ психологіи, и это было бы еще яснѣе, *если бы эта цитата была приведена вѣрно*, но 1, въ ней пропущено слово «поэтому» (*demnach*) передъ словами «въ противоположность къ способу и т. д.», 2, въ нее введенъ курсивъ, котораго у Вундта нѣтъ (кстати, я нашелъ нѣсколько мѣстъ, гдѣ авторъ, не оговаривая, какъ это принято, итализуетъ цитаты). Результатомъ этого и, конечно, общаго невниманія автора явилось, что способъ познанія у Вундта оказался непосредственнымъ не «поэтому», а въ силу аргумента подчеркнутаго курсивомъ, т.-е. въ силу аргумента, который Вундтъ приводитъ въ пользу интуитивности или, по переводу автора, «воззрительности»!.. Вслѣдъ затѣмъ авторъ начинаетъ опровергать мнѣніе Вундта о непосредственности внутренняго опыта, разбирая его аргументъ въ пользу интуитивности! При этомъ еще вводится вовсе не вразумительное различіе «гносеологической» и «онтологической» непосредственности. Авторъ пишетъ: «Гносеологическая непосредственность внутренняго опыта, на которой собственно настаиваетъ Вундтъ и которая можетъ быть защищаема и для внѣшняго опыта, означаетъ, что въ опытѣ мы входимъ въ дѣйствительное взаимоотношеніе съ реальностью которой подлинно «касаемся»» (233). Изъ приведеннаго мною разъясненія для читателя должно быть ясно, что то, на чемъ «собственно настаива-

еть Вундтъ», ничего общаго съ интерпретаціей В. В. Зѣньковскаго не имѣетъ, такъ какъ Вундтъ утверждаетъ только, что «непосредственность» внутренняго опыта состоитъ въ уничтоженіи той абстракціи отъ субъекта, къ которой прибѣгаетъ естествознаніе! Авторъ продолжаетъ: «Но, ученіе о гносеологической непосредственности опыта не означаетъ вовсе онтологической непосредственности нашего знанія, подъ которой мы разумѣемъ изложенный выше тезисъ Вундта, что «субстратомъ психологическаго объясненія является сама конкретная дѣйствительность»» (233). Читателю стоитъ заглянуть въ приведенную выше цитату изъ Вундта, чтобы наглядно и непосредственно убѣдиться, что этотъ «тезисъ» Вундта какъ разъ приводится въ пользу интуитивности, а не непосредственности. Но какъ же назвать вразумительнымъ само это раздѣленіе онтологической и гносеологической непосредственности, когда именно интуитивность оказывается непосредственностью онтологической!

Такимъ образомъ, если въ послѣдующемъ опроверженіи Вундта авторъ и окажется правымъ, то, что онъ отвергъ? Интуитивность или непосредственность? Для психологіи и для философіи это слишкомъ важный вопросъ, а потому позволимъ себѣ остановиться на немъ и по существу. Авторъ не могъ опровергнуть Вундта въ силу приведеннаго недоразумѣнія, но тѣмъ не менѣе его аргументы могутъ имѣть цѣнность, поскольку въ нихъ входятъ нѣкоторые общіе и принципиальные мотивы. Такимъ мотивомъ мы считаемъ заимствованное авторомъ у Кюльпе указаніе на моментъ реализованія и на связанную съ нимъ трансцендентность предмета психологическаго познанія. Авторъ настаиваетъ на различеніи «предмета» познанія и «содержанія» его,—душевная жизнь какъ предметъ непремѣнно подвергается трансценденсу и этимъ всегда противостоитъ содержанію познанія, какъ мною переживаемому (кромѣ 234—235, ср. 102). Соображеніе правильное и интересное, но когда вспоминаешь не только Вундта, но такихъ защитниковъ «непосредственности» внутренняго опыта, какъ Дилтей, Brentano и под., то неясно, что говорить противъ непосредственности этотъ аргументъ? Онъ прежде всего слишкомъ широкъ, такъ какъ въ концѣ концовъ всю душевную жизнь превращаетъ въ трансцендентность, и тутъ авторъ идетъ дальше Кюльпе, на котораго онъ опирается, такъ какъ Кюльпе допускаетъ все же нѣкоторое

ограниченіе введеніемъ того, что онъ называетъ «начальнымъ и конечнымъ предметомъ» (Anfangsgegenstand u. Endgegenstand, Realisierung, S. 165). Но сверхъ того авторъ игнорируетъ также нѣкоторые факты. Есть не только содержанія, но и «предметы», которые просто входятъ въ потокъ моего переживанія, какъ его «естественные» компоненты, они такъ же легко находятъ себѣ въ немъ мѣсто, какъ другіе принципиально этого мѣста найти не могутъ, а потому не можетъ быть стерта принципиальная разница между имманентной данностью, напр., негодованія, досады и т. п., и трансцендентной данностью, напр., стола, книги и проч. Засимъ слѣдуетъ различать между душой, какъ субстанціей, и душевными явленіями, такъ что, признавая трансцендентность душевной субстанціи, я не нахожу себя вынужденнымъ признавать также трансцендентность *всѣхъ* ея проявленій. Но, кромѣ того, даже вполне мыслимо вообще утверждать интенціональность и феноменальность внутренняго опыта и въ то же время отстаивать его реальность, какъ это дѣлаетъ Brentano. Обошелъ авторъ и столь важный вопросъ о «представленіи представленія», опять-таки такъ ярко выдвинутый Brentano, безъ рассмотрѣнія котораго обсуждаемая проблема никогда не можетъ быть рѣшена сколько-нибудь полно и основательно. Наконецъ, даже и въ вундтовскомъ аргументѣ есть своеобразная сторона, которой авторъ не могъ видѣть, разъ онъ самаго этого аргумента не прочелъ. Что значитъ собственно «непосредственность» какъ непремѣнная наличность субъекта? Вѣдь это, между прочимъ, значитъ раздробленность «по субъектамъ» психологическаго опыта, не имѣющая мѣста въ естествознаніи, гдѣ одинъ и тотъ же объектъ предстоить одинаково ряду субъектовъ. Объ этомъ опять говоритъ Brentano, объ этомъ говоритъ Гусерль, но можетъ быть лучше всѣхъ сказалъ Лейбницъ своимъ утверждениемъ, что монады не имѣютъ оконъ. Хотѣлъ ли такое пониманіе непосредственности авторъ также опровергнуть, остается неяснымъ, такъ какъ правоту его онъ самъ нѣсколько ниже признаетъ (239).

Выше я отмѣтилъ, что отсутствіе самостоятельнаго метода у автора, а также предвзятость его предпосылокъ, заставляютъ его или игнорировать враждебные ему взгляды или такъ ихъ понимать, какъ если бы они были въ его пользу, не говоря ужъ о томъ, что его собственные выводы оказываются предрѣшен-

ными въ его общихъ опредѣленіяхъ. Это серьезный, конечно, упрекъ, и я хочу его еще иллюстрировать на нѣкоторыхъ частныхъ примѣрахъ. Чтобы не затягивать дѣла, остановлюсь на двухъ, но особенно яркихъ примѣрахъ. Автору хочется убѣдить читателя, что и «ощущенію» присуща въ его смыслѣ активность, т.-е. нѣкоторая дѣйственность, и какъ всегда онъ призываетъ на помощь чужія мнѣнія. Вотъ два примѣра примѣненія этого «метода».

Ощущенія, утверждаетъ онъ, обладаютъ «силой», чтобы «пробудить» дремлющія въ душѣ представленія, и затѣмъ продолжаетъ: «Чрезвычайно удачно, на нашъ взглядъ, эту предпосылку теорій воспріятія выразилъ тонкій психологъ XVIII вѣка—Браунъ (Brown), предложившій терминъ *внушеніе* для характеристики того причиннаго дѣйствія, какое имѣетъ отдѣльное ощущеніе на дремлющія въ душѣ представленія. Параллель съ явленіями «притяженія» и электрической индукціи напрашивается здѣсь сама собой... (172—173). Къ слову «Браунъ» подстрочное примѣчаніе: «См. о немъ на русскомъ языкѣ, напр., *Троицкаго*. Нѣмецкая психологія. Т. I. особенно стр. 131—147». Начать съ того, что Троицкій, какъ извѣстно, авторитетъ весьма ненадежный, но что значитъ это «напр.»? Знаетъ авторъ о Браунѣ еще что-нибудь «на русскомъ языкѣ» или на какомъ-нибудь иномъ?.. Если знаетъ, то какъ же онъ создалъ изъ одной своей фразы *итздо ошибокъ*? Какой Браунъ? «На англійскомъ языкѣ» извѣстенъ не одинъ Браунъ. Троицкій говоритъ о Томасѣ Браунѣ, проф. Эдинбургскаго университета, блестящемъ лекторѣ и кумирѣ молодежи, но этотъ Браунъ родился въ 1778 г., первое его сочиненіе вышло 1804 г., а *Lectures on the Philosophy of the human Mind*, гдѣ излагается его ученіе о «внушеніи» (*suggestion*), вышли первымъ изданіемъ въ 1820 г. Почему же это—«тонкій психологъ XVIII вѣка»? Далѣе, терминъ «внушеніе» предложенъ не имъ, имъ пользуется Ридъ, что вызываетъ удивленіе со стороны Стьюарта, недоумѣвавшего, зачѣмъ Ридъ пользуется терминомъ *Беркли*; но какъ показали Гамильтонъ этимъ терминомъ пользуется уже Тертуліанъ; въ англійской философіи до Рида этотъ терминъ встрѣчается еще у Локка, Гетчисона, Кумберланда. Наконецъ, онъ вводится и Брауномъ вовсе не для характеристики «причиннаго дѣйствія», тѣмъ болѣе «того причиннаго дѣйствія, какое имѣетъ отдѣльное ощущеніе». Тутъ вообще нѣтъ рѣчи о «причинѣ»,

а дѣло идетъ о нѣкоторомъ своеобразномъ отношеніи въ области психической, которое формально нѣсколько аналогично тѣмъ отношеніямъ, которыя видятъ современные психологи между, напр., «фундирующимъ» и «фундируемымъ» актомъ (ср., напр., разъясненія Месера въ его *Empf. u. Denken*, S. 55). Это не «отдѣльное ощущеніе», хотя бы потому, что у Брауна на ряду съ «простымъ внушеніемъ» есть «относительное внушеніе» («сравненіе»), носящее характеръ сужденія (Brown, *Lectures*, p. 214; у меня 8-ое изд. 1834 г.). Вообще внушеніе обозначаетъ спонтанно возникающую въ душѣ послѣдовательность, какъ она однажды была налична (*ib.* 216), и отличается отъ «ассоціаціи» именно тѣмъ, что ассоціація можетъ быть характеризована такъ, какъ поясняетъ авторъ теорію Брауна, т.-е. какъ «параллель съ явленіями «притяженія» и пр. Эта «параллель», дѣйствительно, «напрашивается», когда говоришь объ активности, какъ «силѣ», но есть она, между прочимъ, у Юма, но едва ли она къ мѣсту, когда рѣчь идетъ о Браунѣ. Вѣроятно, именно на нее и намекаетъ Браунъ (о. с. 258), когда говоритъ, что «ассоціація» вводитъ новую «тайну», тогда какъ простое воспріятіе и само по себѣ тайна. «Внушеніе» указываетъ (*ib.*), что «не можетъ быть предварительной связи между тѣмъ, что внушаетъ, и тѣмъ, что внушается», это просто указаніе на наличность «послѣдовательныхъ состояній» ума.

Другой примѣръ. Отстаивая активность ощущенія, авторъ пишетъ: «Мы должны прежде всего отмѣтить, что понятіе акта слишкомъ тѣсно связываютъ съ высшими духовными процессами, въ частности съ мышленіемъ» (215). Противъ этого авторъ возражаетъ, хотя оставляетъ открытымъ вопросъ, почему бы можно было считать всѣ акты мышленія «высшими процессами», и формулируетъ свое мнѣніе такимъ образомъ: «Скажемъ только, что даже съ строго феноменологической точки зрѣнія можно и слѣдуетъ говорить объ актахъ и по отношенію къ «низшимъ» явленіямъ, напр., къ ощущеніямъ» (215—216). Феноменологія здѣсь не при чемъ,—какъ обстоитъ дѣло въ феноменологіи авторъ можетъ узнать хотя бы изъ уже названной мною книги Шапа, но что здѣсь опять значитъ «напр.»,—о какихъ еще «низшихъ» явленіяхъ говорить авторъ? Понятіе «акта» у Брентано и Гусерля, на которыхъ и здѣсь авторъ ссылается, для него неясно, поэтому онъ не разбираетъ вопроса о томъ, что

по отношенію къ «ощущенію» актомъ можетъ быть «воспріятіе» или «мышленіе», а согласно своему общему стилю, цитируетъ слова Липса и ихъ отвергаетъ. Авторъ говоритъ: «Такъ, напр., Липпсъ требуетъ строгаго отдѣленія актовъ отъ «рецептивныхъ переживаній»; ощущенія, по мнѣнію Липпса, не имѣютъ за собою никакого акта, «такъ какъ то, что называется актомъ, есть *всегда* (!) актъ мышленія» (215). Цитата изъ Липса, которую здѣсь *неправильно* приводитъ авторъ, находится въ статьѣ Липса Inhalt und Gegenstand на стр. 521. Но на стр. 520 той же статьи Липсъ даетъ такое опредѣленіе мышленія, которое вовсе не исключаетъ того, чтобы можно было говорить объ ощущеніи, какъ актѣ. Именно онъ утверждаетъ, что «нѣчто мыслить, о чемъ-нибудь мыслить, значитъ, имѣть нѣчто предметомъ», и слѣдовательно, достаточно, чтобы «ощущеніе» имѣло предметъ, чтобы его можно было назвать мышленіемъ, и, слѣдовательно, актомъ. Но тутъ опять несчастіе съ цитатой! Авторъ цитируетъ слова Липса: «такъ какъ то, что называется актомъ, есть *всегда* (!) актъ мышленія», но въ этой цитатѣ не принадлежатъ Липсу, а принадлежатъ В. В. Зѣньковскому: 1, слово «всегда», 2, его курсивъ и, 3, въ скобкахъ восклицательный знакъ послѣ него, но зато пропущено принадлежащее Липсу слово «при этомъ»... У Липса стоитъ: «was man dabei «Akt» nennt, ist eben der Akt des Denkens» (о. с. 521). Слово eben черезъ «всегда» нельзя переводить, а цитируемые слова значатъ: «то, что при этомъ называютъ «актомъ», есть именно актъ мышленія». Когда «при этомъ»? При ощущеніи! Итакъ, и ощущеніе по Липсу можетъ быть актомъ, но только это есть именно актъ мышленія. Это было бы ясно, если бы авторъ здѣсь привелъ не члочокъ фразы, а по крайней мѣрѣ, ее всю. Вообще же ему можетъ не нравиться терминологія Липса, но надо его серьезно опровергать, а не говорить на основаніи неправильной цитаты, что «ощущенія, по мнѣнію Липса, не имѣютъ за собою *никакой* (!) (курсивъ и знакъ восклицательный—мой) акта».

Было бы мѣсто, можно было бы еще о многомъ поспорить съ авторомъ, но пора кончать. Я думаю, «предметъ», что человекъ,—какъ онъ держитъ себя, такъ къ нему и надо относиться. Предметъ предписываетъ и методъ и стиль, именно феноменологическое проникновеніе въ его сущность само собою раскрываетъ впередъ путь изслѣдованія и указываетъ его регу-

лятивныя идеи. Авторъ избралъ предметъ трудный и сложный, но обошелся съ нимъ не такъ, какъ того этотъ предметъ заслуживаетъ. Съ этой точки зрѣнія и слѣдуетъ принимать приведенныя выше замѣчанія на его работу. Но есть и другой методъ оцѣнки: тѣ цѣли, которыя авторъ самъ себѣ ставитъ. В. В. Зѣньковскій ставитъ себѣ, повидимому, весьма скромную цѣль: «хоть отчасти вскрыть» «своеобразіе психики» (435). Я думаю, что все-таки въ цѣломъ этой цѣли книга достигаетъ, и было бы въ высшей степени отрадно, если бы она послужила толчкомъ и поводомъ къ новымъ и болѣе углубленнымъ работамъ въ направленіи къ разрѣшенію проблемы психической причинности.

Г. Шпетъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Новыя книги и брошюры, присланныя въ редакцію.

Боголюбовъ, Н. Философія религіи. Ч. I—историческая. Кіевъ. Ст. VIII+454. Ц. 3 р.

Карѣвъ, Н. Исторіологія. (Теорія историческаго процесса.) Петроградъ 1915. Ст. 320. Ц. 1 р. 50 к.

Кузнецовъ, К. А. Очерки по теоріи права. Одесса 1915. Ст. 65. Ц. 65 к.

Лелива. Переоцѣнка цѣнностей въ связи съ настоящей войной. Петроградъ 1915. Ст. 26. Ц. 25 к.

Новались. Фрагменты въ переводѣ Григорія Петникова. Москва 1914. Ст. 32. Ц. 70 к.

Нольде, Б. Э. Начало войны. Опытъ дипломатической исторіи. Москва—Петроградъ 1915. Ст. 40. Ц. 60 к.

Систематическій указатель литературы за 1914 годъ. Библиографическій ежегодникъ. Вып. IV. Подъ ред. И. В. Владиславлева. Москва 1915. Ст. 329. Ц. 1 р. 80 коп.

Фламини, Франческо. «Божественная комедія» Данте. Съ предисл. проф. М. Н. Розанова. Москва 1915. Ст. VIII+152. Ц. 75 к.

Московское Психологическое Общество.

ССLXLI. Протоколъ закрытаго (съ гостями) засѣданія 29 ноября 1914 года.

Засѣданіе было открыто въ 9 часовъ вечера, въ аудиторіи Психологическаго Института, подъ предсѣдательствомъ Г. И. Челпанова, при секретарѣ Н. Д. Виноградовѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: К. А. Андреева, Б. Н. Бабынина, П. П. Блонскаго, А. П. Болтунова, И. А. Ильина, А. П. Казанскаго, Г. Г. Шпета, А. М. Щербины, чл. соревн. Н. П. Ферстеръ и гостей.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

1) Дѣйствительный членъ Общества П. П. Блонскій прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ: „Реализмъ и идеализмъ въ моментъ ихъ возникновенія“.

2) Послѣ перерыва происходили пренія по поводу прочитаннаго доклада, въ которыхъ приняли участіе, кромѣ референта, слѣдующія лица: А. П. Казанскій, А. О. Маковельскій, Г. Г. Шпетъ и Г. И. Челпановъ.

3) Въ закрытой части засѣданія (безъ гостей) былъ прочитанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія.

Засѣданіе было закрыто въ 12¹/₂ ч. ночи.

ССLXLII. Протоколъ закрытаго (съ гостями) засѣданія 13 декабря 1914 года.

Засѣданіе было открыто въ 9 часовъ вечера, въ залѣ Правленія университета, подъ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при секретарѣ Н. Д. Виноградовѣ, въ присутствіи гг. дѣйствитель-

ныхъ членовъ: К. А. Андреева, А. П. Болтунова, Н. Н. Вокачъ-Ильиной, А. Э. Вормса, В. Н. Ивановскаго, И. А. Ильина, Н. П. Корелиной, А. И. Огнева, М. П. Поливанова, Г. А. Рачинскаго, А. Н. Савина, А. М. Щербины и гостей.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

1) Дѣйствительный членъ Общества И. А. Ильинъ прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ: „Основное нравственное противорѣчіе войны“.

Послѣ перерыва происходили пренія по поводу прочитаннаго реферата, въ которыхъ приняли участіе, кромѣ референта, слѣдующія лица: А. М. Щербина, Г. А. Рачинскій, В. Н. Ивановскій, Л. М. Лопатинъ и М. П. Поливановъ.

Засѣданіе было закрыто въ 1 ч. ночи.

ССЛXLIИ. Протоколъ годичнаго распорядительнаго собранія 6 февраля 1915 года.

Засѣданіе было открыто въ 9 часовъ вечера, въ залѣ Правленія университета, подъ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при секретарѣ Н. Д. Виноградовѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: Б. Н. Бабынина, П. П. Блонскаго, А. П. Болтунова, В. Н. Ивановскаго, И. А. Ильина, Н. П. Корелиной, А. И. Огнева, Г. И. Челпанова, Г. Г. Шпета и А. М. Щербины.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

1) По предложенію предсѣдателя была почтена вставаніемъ память скончавшихся членовъ Общества, А. Н. Шварца и Н. А. Умова.

2) Были прочитаны и утверждены протоколы двухъ предшествующихъ засѣданій.

3) Секретарь Общества Н. Д. Виноградовъ прочелъ отчетъ о состояніи Общества за истекшій годъ. Отчетъ утвержденъ.

4) Былъ прочитанъ отчетъ казначея Общества (за отсутствіемъ казначея отчетъ былъ доложенъ секретаремъ). Отчетъ утвержденъ.

5) Секретарь редакціи журнала „Вопросы Философіи и Психологіи“ Н. П. Корелина доложила отчетъ по изданію журнала за истекшій годъ. Отчетъ утвержденъ.

6) Были выработаны слѣдующіе дополнительные пункты къ „Положенію о преміи имени Вл. С. Соловьева“: а) Сочиненія, напечатанныя на иностранныхъ языкахъ, должны быть представлены, при соисканіи преміи, въ переводѣ на русскій языкъ. в) Комиссія для присужденія преміи избирается по истеченіи каждаго трехъ лѣтъ. Если премія не будетъ присуждена по истеченіи трехъ лѣтъ, то присужденіе ея откладывается еще на годъ. Если же и въ теченіе этого срока не окажется достойнаго сочиненія, то премія объявляется на новые три года, и накопившіеся за четыре года проценты присоединяются къ капиталу. с) Объявленія о преміи печатаются въ журналѣ „Вопросы Философіи и Психологіи“ и въ другихъ изданіяхъ Общества.

7) Срокомъ для представленія сочиненія на премію Д. А. Столыпина рѣшено объявить 1 января 1918 года.

8) Обсуждался планъ занятій Общества на весеннее полугодіе. На ближайшія недѣли были намѣчены два доклада: И. Б. Румера „Теизмъ и пантеизмъ въ философіи Тейхмюллера“ и А. П. Болтунова „Вопросъ объ отношеніи между психологіей и культурой“.

9) Были предложены къ избранію въ дѣйствительные члены Общества А. О. Маковельскій (В. Н. Ивановскимъ, Н. Д. Виноградовымъ и Л. М. Лопатынымъ), Л. И. Шварцманъ-Шестовъ (Г. Г. Шпетомъ, И. А. Ильинымъ, Г. И. Челпановымъ), С. А. Алексѣевъ-Аскольдовъ (Л. М. Лопатынымъ, Г. И. Челпановымъ, Н. Д. Виноградовымъ).

10) Былъ избранъ членомъ Редакціоннаго Комитета на мѣсто скончавшагося Н. А. Умова И. Ф. Огневъ.

11) Въ связи съ предстоящими выборами членовъ Совѣта была заслушана просьба бібліотекаря П. П. Соколова (переданная черезъ Н. Д. Виноградова) и казначея Н. А. Абрикосова (въ письмѣ на имя предсѣдателя Общества) не выбирать ихъ на ближайшее трехлѣтіе—перваго на должность бібліотекаря, второго—на должность казначея. Просьбы эти были удовлетворены собраніемъ, при чемъ было постановлено выразить Н. А. Абрикосову глубокую благодарность (черезъ предсѣдателя Общества, въ письменной формѣ, за подписью членовъ Совѣта) отъ имени Общества за въ высшей степени добросовѣстное и аккуратное исполненіе обязанностей казначея въ теченіе 30 лѣтъ, съ самаго основанія Общества.

12) Были произведены выборы членовъ Совѣта Общества на ближайшее трехлѣтіе. Оказались избранными: предсѣдателемъ—почетный членъ Общества, проф. Л. М. Лопатинъ, товарищемъ предсѣдателя—проф. Г. И. Челпановъ, кандидатомъ въ товарищи предсѣдателя—В. П. Сербскій, секретаремъ—Н. Д. Виноградовъ, товарищемъ секретаря—Н. П. Корелина, кандидатомъ въ товарищи секретаря—В. М. Хвостовъ, казначеемъ—П. И. Новгородцевъ, товарищемъ казначея—Г. Г. Шпетъ, бібліотекаремъ—В. Н. Ивановскій и товарищемъ бібліотекаря—И. А. Ильинъ.

Засѣданіе было закрыто въ 11¹/₂ ч. вечера.

Отчетъ о состояніи Московскаго Психологическаго Общества за время съ 1-го февраля 1914 года по 5-е февраля 1915 года.

Составъ Общества.

Въ отчетномъ году въ составѣ Общества произошли слѣдующія измѣненія: скончались—почетный членъ Т. Липпсъ, членъ учредитель Ф. Θ. Фортунатовъ, дѣйствительные члены: А. Н. Шварцъ и Н. А. Умовъ, исключены изъ состава Общества, по распоряженію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, какъ германскіе подданные, почетные члены: В. Виндельбандъ, В. Вундтъ, О. Кюльпе, I. Ремке, члены-корреспонденты: Геллеръ фонъ-Равенсбургъ, Максъ Дессуаръ, А. Байерсдерферъ, Шренкъ фонъ-Нотцингъ, избраны: въ почетные члены С. М. Поповъ, въ дѣйствительные члены: Н. Н. Алексѣевъ, А. П. Болтуновъ, Б. П. Вышеславцевъ, А. И. Огневъ, М. П. Поливановъ, С. Л. Франкъ, Д. Е. Жуковскій, въ члены-соревнователи А. О. Кадэ. Къ 6 февраля 1915 года Общество состояло изъ 10 почетныхъ членовъ, 2 членовъ-учредителей, 171 дѣйствительнаго члена, 23 членовъ-соревнователей, а всего изъ 206 лицъ.

Совѣтъ Общества.

Совѣтъ Общества, избранный въ годичномъ засѣданіи 11 февраля 1912 года, въ отчетномъ году состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: предсѣдателя—профессора Л. М. Лопатина, товарища предсѣдателя—проф. Г. И. Челпанова, кандидата товарища пред-

сѣдателя—*В. П. Сербскаго*, секретаря—*Н. Д. Виноградова*, товарища секретаря—*В. М. Хвостова*, кандидата товарища секретаря—*Н. П. Корелиной*, казначея *Н. А. Абрикосова*, товарища казначея—приватъ-доцента *А. Н. Бернштейна* и библиотекаря—проф. *П. П. Соколова*.

Дѣятельность Общества.

1) *Засѣданія.* Въ отчетномъ году Общество имѣло 10 засѣданій: два распорядительныхъ (одно изъ нихъ годовичное, другое—экстренное), одно торжественное и 7 очередныхъ. Въ очередныхъ засѣданіяхъ были прочитаны и подвергнуты обсужденію рефераты слѣдующихъ лицъ: *Г. Г. Шпета* „Феноменологія какъ основная наука (Новыя идеи Гуссерля)“ и „Философское наслѣдство *П. Д. Юркевича*“, *И. А. Ильина* „Ученіе Гегеля о сущности спекулятивнаго мышленія“ и „Основное нравственное противорѣчіе войны“, *А. Н. Шукарева* „Познаніе и мышленіе“, *М. М. Рубинштейна* „Педагогическія идеи Платона“, *П. П. Блонскаго* „Реализмъ и идеализмъ въ моментъ ихъ возникновенія“. Въ торжественномъ засѣданіи, посвященномъ чествованію памяти *І. Г. Фихте* (по поводу столѣтія со дня кончины) были произнесены рѣчи слѣдующими лицами: *Л. М. Лопатинымъ* „Общее міровоззрѣніе *І. Г. Фихте*“, *Б. В. Яковенко* „Основная идея теоретической философіи *І. Г. Фихте*“, *И. А. Ильинимъ* „Философія *І. Г. Фихте*, какъ религія совѣсти“, *Б. П. Вышеславцевымъ* „Религіозная философія *І. Г. Фихте*“. Въ экстренномъ распорядительномъ засѣданіи 24-го мая 1914 года было постановлено созвать въ Москвѣ съ 24-го марта по 29 марта 1915 года Первый Всероссійскій Психологическій Съѣздъ. Въ составъ Организационнаго Комитета по созыву съѣзда избраны: *Г. И. Челпановъ*, (предсѣдатель Комитета), *П. П. Соколовъ*, *Н. Д. Виноградовъ*, *М. М. Рубинштейнъ*, *В. К. Хорошко* и *Н. Е. Осиповъ*. Въ засѣданіи Общества 18 октября 1914 года было постановлено, согласно предложенію Организационнаго Комитета, отложить, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ текущаго учебнаго года, созывъ Съѣзда, сохранивъ всѣ полномочія за Организационнымъ Комитетомъ и поручивъ ему возбудить вопросъ о срокѣ созыва Съѣзда, когда Комитетъ найдетъ это благовременнымъ

2) Журналъ «*Вопросы Философіи и Психологіи*» издавался въ отчетномъ году подъ редакціей *Л. М. Лопатина*, въ составъ

редакціоннаго комитета входили, кромѣ того, слѣдующія лица: Ю. И. Айхенвальдъ, А. Н. Бернштейнъ, Н. Д. Виноградовъ, Б. К. Млодзѣевскій, П. И. Новгородцевъ, Г. А. Рачинскій, В. П. Сербскій, Н. А. Умовъ († 2 января 1915 года) и Г. И. Челпановъ.

3) Вышло въ качествѣ изданія Общества, 4-е изданіе русскаго перевода „Введеніе въ философію“ Ф. Паульсена.

4) Премія Д. А. Столыпина. На премию Д. А. Столыпина было представлено къ 1 декабря 1913 года сочиненіе съ девизомъ: „Простота и ясность“. Для разсмотрѣнія представленнаго сочиненія была избрана, въ засѣданіи 14 декабря 1913 года, комиссія изъ слѣдующихъ лицъ: Г. И. Челпанова, Н. Д. Виноградова, Б. К. Млодзѣевскаго и В. П. Карпова (предсѣдателемъ комиссіи, согласно положенію о преміи, является предсѣдатель Общества Л. М. Лопатинъ). Комиссія не признала представленнаго сочиненія заслуживающимъ ни всей преміи, ни части ея. Объясненіе новаго срока для представленія сочиненій на премию отложено до ближайшаго годичнаго засѣданія Общества. Согласно предложенію комиссіи по присужденію преміи было постановлено проценты съ капитала преміи употребить въ ближайшее же время на покрытіе расходовъ издательской дѣятельности Общества.

Секретарь Н. Виноградовъ.

Отчетъ казначея Психологическаго Общества за 1914 годъ. (30-й годъ).

Поступило:

Остатокъ отъ п./г.	138 р. 47 к.
Членскіе взносы	80 „ — „
За продажу изданій Общества .	647 „ 95 „
Отъ М. К. Морозовой	2000 „ — „
Субсидія отъ Имп. Моск. Унив.	800 „ — „
Изъ конт. журн. „Вопросы Филос. и Псих.“	755 „ — „
% съ преміи Стлыпина, на- копившіеся на 1000 руб. .	1420 „ — „
% на премию имени Вл. Со- ловьева.	93 „ 7½ „
	<hr/>

5935 р. 17 к.

Выдано:

На устройство засѣданій и пр.	68 р. 73 к.
Почтов., телегр. и разѣздн. .	19 " 56 "
Канцеляр., типогр. и наградн.	43 " 68 "
По сч. Т-ва Кушнерева за печ.	
Паульсена	850 " 40 "
По сч. Блуменберга за бумагу	
для Паульсена	545 " 40 "
За публикаціи и объявленія .	103 " 37 "
По устройству библіотеки . .	47 " 94 "
Передано въ контору журн.	
„Вопросы Филос. и Псих.“ .	4075 " — "
Въ Моск. Гос. Сберег. кассу	
% преміи Вл. Соловьева. .	93 " 75 "
	<hr/>
	5847 р. 83 к.
Остатокъ въ приходо-расход-	
ной кассѣ на 1915 г. . . .	<hr/>
	87 " 34 "

Состояніе капиталовъ Психологическаго Общества на 1 января 1915 года:

Въ приходо-расходной кассѣ. .	<hr/>	87 р. 34 к.
На храненіи въ Моск. Конторѣ		
Госуд. Банка 2 облиг. 5%		
Россійск. Гос. займа 1906 г.		
(капиталь преміи имени Вл.		
Соловьева) Номин.	3750 " — "	
На храненіи у казначея Об-		
щества 2 облиг. 5% внутр.		
займа 1914 года (капиталь		
преміи имени Д. А. Столы-		
пина) Номин.	1050 " — "	
	<hr/>	4887 р. 34 к.

Казначей Психологическаго Общества **Н. Абрикосовъ.**

**Списокъ членовъ Психологическаго Общества, состоящаго при
Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, по 1-ое апрѣля
1915 года.**

Почетные члены:

1. Герье, Владиміръ Ивановичъ.
2. Звѣревъ, Николай Андреевичъ (членъ-учредитель).
3. Каринскій, Михаилъ Ивановичъ.
4. Кони, Анатолій Ѳедоровичъ.
5. Лопатинъ, Левъ Михайловичъ.
6. Поповъ, Сергѣй Максимовичъ.
7. Щукинъ, Сергѣй Ивановичъ.
8. Гефдингъ, Гаральдъ (Данія).
9. Рибо, Теодуль (Франція).
10. Рише, Шарль (Франція).

Члены-учредители:

11. Анучинъ, Дмитрій Николаевичъ, проф. Моск. унив.
12. Ковалевскій, Максимъ Максимовичъ, проф. Петрогр. унив.

Дѣйствительные члены:

13. Абрикосовъ, Алексѣй Алексѣевичъ.
14. Абрикосовъ, Николай Алексѣевичъ.
15. Айхенвальдъ, Юлій Исаевичъ.
16. Алексѣевъ, Александръ Семеновичъ.
17. Алексѣевъ, Николай Николаевичъ, проф. Коммерч. Инст.
18. Алексѣевъ (Аскольдовъ), Сергѣй Алексѣевичъ, магистръ философіи.
19. Алферовъ, Александръ Даниловичъ, препод. сред. учебн. завед.
20. Андреевъ, Константинъ Алексѣевичъ, проф. Моск. унив.
21. Анри, Викторъ.

22. **Аппельротъ**, Германъ Германовичъ, адъюнктъ - профессоръ сельскохозяйственнаго института.
23. **Бабынинъ**, Борисъ Николаевичъ.
24. **Баженовъ**, Николай Николаевичъ, докторъ медицины.
25. **Басистовъ**, Алексѣй Павловичъ, магистрантъ философіи.
26. **Бачинскій**, Алексѣй Осиповичъ, прив.-доцентъ Москов. унив.
27. **Безобразова**, Марія Владиміровна, д-ръ философіи Бернскаго университета.
28. **Безобразовъ**, Павелъ Владиміровичъ, магистръ всеоб. истор.
29. **Бердяевъ**, Николай Александровичъ.
30. **Бернштейнъ**, Александръ Николаевичъ, психіатръ.
31. **Блонскій**, Павелъ Петровичъ, прив.-доц. Моск. унив.
32. **Боборыкинъ**, Петръ Дмитріевичъ, писатель.
33. **Бобровъ**, Евгений Александровичъ, профессоръ Варшавскаго университета.
34. **Болтуновъ**, Александръ Павловичъ, прив.-доц. Моск. унив.
35. **Брунъ**, Михаилъ Исаіевичъ, присяжн. повѣрен.
36. **Брюхатовъ**, Левъ Дмитріевичъ, преподав. средн. уч. завед.
37. **Булгановъ**, Сергѣй Николаевичъ, проф. Коммерч. Инст.
38. **Вагнеръ**, Владиміръ Александровичъ, докторъ зоологіи.
39. **Васильевъ**, Александръ Васильевичъ, проф. Казанск. унив.
40. **Васильевъ**, Николай Александровичъ, прив.-доц. Каз. унив.
41. **Введенскій**, Александръ Ивановичъ, проф. Петрогр. унив.
42. **Вентцель**, Константинъ Николаевичъ.
43. **Веселовскій**, Алексѣй Николаевичъ, докторъ всеобщей литературы, проф. Лазарев. института.
44. **Вернадскій**, Владиміръ Ивановичъ, академикъ Имп. Акад. Наукъ.
45. **Вишняковъ**, Оедоръ Владиміровичъ.
46. **Викторовъ**, Давидъ Викторовичъ, прив.-доц. Моск. унив.
47. **Випперъ**, Робертъ Юрьевичъ, проф. Моск. унив.
48. **Викторскій**, Сергѣй Ивановичъ, прив.-доц. Моск. унив.
49. **Виноградовъ**, Николай Дмитріевичъ, докторъ философіи.
50. **Виноградовъ**, Павелъ Гавриловичъ, проф. Оксфордск. унив.
51. **Вормсъ**, Альфонсъ Эрнестовичъ.
52. **Вульффертъ**, Антонъ Карловичъ.
53. **Вышеславцевъ**, Борисъ Петровичъ, прив.-доц. Моск. унив.
54. **Гамбаровъ**, Юрій Степановичъ, проф. Петрогр. политехникума.
55. **Ганнушинъ**, Петръ Борисовичъ, психіатръ.

56. Герасимовъ, Осипъ Петровичъ.
57. Гиацинтовъ, Владиміръ Егоровичъ, магистръ исторіи искусства.
58. Гиляровъ, Алексѣй Никитичъ, проф. Кіевск. унив.
59. Голицынъ, кн., Борисъ Борисовичъ, академикъ Имп. Акад. Наукъ.
60. Горбовъ, Николай Михайловичъ.
61. Гротъ, Константинъ Яковлевичъ, проф. Петрогр. унив.
62. Грушка, Аполлонъ Аполлоновичъ, проф. Моск. унив.
63. Горская, Зинаида Степановна.
64. Городенскій, Николай Гавриловичъ, прив.-доц. Моск. унив.
65. Громогласовъ, Илья Михайловичъ, магистръ богословія.
66. Гуторъ, Василій Петровичъ.
67. Давыдовъ, Николай Васильевичъ.
68. Данилевскій, Василій Яковлевичъ, проф. Харьк. унив.
69. Де-Роберти, Евгений Валентиновичъ, писатель.
70. Дерюжинскій, Владиміръ Федоровичъ, редакторъ «Журнала Министерства Юстиціи».
71. Джонстонъ, Вѣра Владиміровна.
72. Ефименко, Александра Яковлевна, писательница.
73. Жаковъ, Калистратъ Фалалеевичъ, прив.-доц. Петрогр. унив.
74. Жегалкинъ, Иванъ Ивановичъ, магистръ чистой математики.
75. Жуковскій, Дмитрій Евгеньевичъ.
76. Жуковскій, Николай Егоровичъ, проф. Моск. унив.
77. Занцевичъ, Константинъ Петровичъ, присяжн. повѣрен.
78. Зерновъ, Дмитрій Николаевичъ, проф. Моск. унив.
79. Зографъ, Николай Юрьевичъ, проф. Моск. унив.
80. Ивановскій, Владиміръ Николаевичъ, прив.-доц. Москов. унив.
81. Иванцовъ, Николай Александровичъ, докторъ зоологіи.
82. Ильинъ, Иванъ Александровичъ, прив.-доц. Москов. унив.
83. Ильина, Наталія Николаевна.
84. Казанскій, Александръ Павловичъ, проф. Новорос. унив.
85. Каннабихъ, Юрій Владиміровичъ, психіатръ.
86. Карповъ, Владиміръ Порфирьевичъ, проф. Моск. унив.
87. Карѣвъ, Николай Ивановичъ, д-ръ всеобщей исторіи.
88. Кистяковскій, Богданъ Александровичъ, прив.-доц. Моск. унив.
89. Колубовскій, Яковъ Николаевичъ, преподаватель педагогич. курс. въ Петроградѣ.
90. Конисси, Даніиль Павловичъ.
91. Коноваловъ, Дмитрій Григорьевичъ, препод. Москов. Высшихъ Женск. Курсовъ.

92. **Корелина**, Надежда Петровна, секретарь редакціи «Вопросъ Фил. и Псих.».
93. **Корниловъ**, Александръ Александровичъ, проф. Моск. унив.
94. **Коробкинъ**, Ѳедоръ Семеновичъ, препод. средн. учебн. зав.
95. **Котляревскій**, Сергѣй Андреевичъ, проф. Моск. унив.
96. **Кроль**, Михаилъ Борисовичъ, психіатръ.
97. **Кубицкій**, Александръ Владиславовичъ.
98. **Ланге**, Николай Николаевичъ, проф. Новорос. унив.
99. **Ланнъ**, Фердинандъ, лекторъ Моск. унив.
100. **Лапшинъ**, Иванъ Ивановичъ, проф. Петрогр. унив.
101. **Лактинъ**, Михаилъ Юрьевичъ, психіатръ.
102. **Ледницкій**, Александръ Робертовичъ.
103. **Лосскій**, Николай Онупріевичъ, прив.-доц. Петрогр. унив.
104. **Лурье**, Осипъ Давыдовичъ.
105. **Любавскій**, Матвѣй Кузьмичъ, ректоръ Моск. унив.
106. **Лютославскій**, Викентій Францевичъ.
107. **Маковельскій**, Александръ Осиповичъ, прив.-доц. Казанск. унив.
108. **Мальшинъ**, Александръ Ивановичъ, психіатръ.
109. **Мануиловъ**, Александръ Аполлоновичъ, д-ръ полит. экономіи.
110. **Масарикъ**, Ѳома Осиповичъ, проф. Чешскаго универс. въ Прагѣ.
111. **Мензбиръ**, Михаилъ Александровичъ, докторъ зоологіи.
112. **Милуновъ**, Павелъ Николаевичъ, магистръ русск. исторіи.
113. **Млодзѣвскій**, Болеславъ Корнеліевичъ, докторъ чистой матем.
114. **Моніевскій**, Павелъ Васильевичъ, докт. мед.
115. **Морозова**, Маргарита Кирилловна.
116. **Мороховецъ**, Левъ Захаровичъ, проф. Моск. унив.
117. **Некрасовъ**, Павелъ Алексѣевичъ, докторъ чистой матем.
118. **Немировичъ-Данченко**, Владиміръ Ивановичъ, писатель.
119. **Новгородцевъ**, Павелъ Ивановичъ, директоръ Коммерческаго Института.
120. **Огневъ**, Александръ Ивановичъ.
121. **Огневъ**, Иванъ Флоровичъ, проф. Моск. унив.
122. **Осиповъ**, Николай Евграфовичъ, психіатръ.
123. **Охоровичъ**, Юліанъ, д-ръ медицины.
124. **Первовъ**, Павелъ Дмитріевичъ, препод. средн. учебн. завед.
125. **Петрушевскій**, Дмитрій Моисеевичъ, д-ръ всеобщей исторіи.
126. **Поливановъ**, Михаилъ Павловичъ.

127. **Половцова**, Варвара Николаевна.
128. **Поповъ**, Иванъ Васильевичъ, проф. Моск. духовн. акад.
129. **Поржезинскій**, Викторъ Карловичъ, проф. Моск. унив.
130. **Постовскій**, Николай Павловичъ, психіатръ.
131. **Пржевальскій**, Владиміръ Владиміровичъ.
132. **Радловъ**, Эрнестъ Львовичъ, профессоръ философіи въ училищѣ Правовѣдѣнія.
133. **Рачинскій**, Григорій Алексѣевичъ.
134. **Ржондновскій**, Николай Ивановичъ.
135. **Розановъ**, Матвѣй Никаноровичъ, проф. Моск. унив.
136. **Россолимо**, Григорій Ивановичъ, психіатръ.
137. **Ротъ**, Владиміръ Карловичъ, психіатръ.
138. **Рубинштейнъ**, Моисей Матвѣевичъ, прив.-доц. Моск. унив.
139. **Рузскій**, Николай Виттовичъ.
140. **Рутковскій**, Л. В., прив.-доц. Петрогр. унив.
141. **Рыбаковъ**, Ѳедоръ Егоровичъ, проф. Моск. унив.
142. **Савинъ**, Александръ Николаевичъ, проф. Моск. унив.
143. **Саводникъ**, Владиміръ Ѳедоровичъ, преподаватель средн. уч. заведеній.
144. **Самсоновъ**, Николай Васильевичъ, прив.-доц. Москов. унив.
145. **Сербскій**, Владиміръ Петровичъ, психіатръ.
146. **Серджи**, Джузеппе, проф. антропологии въ Римск. унив.
147. **Сидоровъ**, Евгений Александровичъ.
148. **Сикорскій**, Иванъ Алексѣевичъ, проф. Кіевск. унив.
149. **Скрябинъ**, Александръ Николаевичъ, проф. Моск. консерв.
150. **Смирновъ**, Ѳедоръ Александровичъ.
151. **Соколовскій**, Павелъ Эмилиевичъ, докторъ рим. права.
152. **Соколовъ**, Павелъ Петровичъ, проф. Москов. духов. акад.
153. **Софроновъ**, Ѳедоръ Васильевичъ, земскій врачъ.
154. **Спасскій**, Анатолій Алексѣевичъ, проф. Моск. дух. акад.
155. **Степпунъ**, Федоръ Августовичъ.
156. **Струве**, Петръ Бернгардовичъ, писатель.
157. **Сухановъ**, Сергѣй Алексѣевичъ, психіатръ.
158. **Сѣверцевъ**, Алексѣй Николаевичъ, проф. Моск. унив.
159. **Танѣевъ**, Владиміръ Ивановичъ, присяжн. повѣр.
160. **Тимирязевъ**, Клементій Аркадьевичъ, докторъ ботаники.
161. **Тимковскій**, Николай Ивановичъ, писатель.
162. **Тихомировъ**, Павелъ Васильевичъ, проф. Нѣжинскаго лицея.
163. **Трубецкой**, кн., Евгений Николаевичъ, докторъ госуд. права.

164. Уляницкій, Владиміръ Антоновичъ, проф. Харьков. унив.
165. Фаворскій, Андрей Евграфовичъ, присяжн. повѣрен.
166. Филипповъ, Александръ Никитичъ, проф. Моск. унив.
167. Фонъ-Штейнъ, Станиславъ Ѳедоровичъ, прив.-доц. Москов. университета.
168. Франкъ, Семень Людвиговичъ.
169. Хвостовъ, Веніаминъ Михайловичъ, докторъ Римскаго права.
170. Хорошко, Василій Константиновичъ, психіатръ.
171. Церетели, Софія Ивановна.
172. Челпановъ, Георгій Ивановичъ, проф. Московск. унив.
173. Чижъ, Владиміръ Ѳедоровичъ, проф. Юрьевск. унив.
174. Шайкевичъ, Мартинъ Осиповичъ, психіатръ.
175. Шатерниковъ, Михаилъ Николаевичъ, докторъ медицины.
176. Шварцманъ (Шестовъ), Левъ Исааковичъ.
177. Шервинскій, Василій Дмитріевичъ, проф. Моск. унив.
178. Шпетъ, Густавъ Густавовичъ, прив.-доц. Москов. унив.
179. Штейнъ, Владиміръ Ивановичъ, писатель.
180. Щербановъ, Сергѣй Александровичъ, препод. ср. уч. завед.
181. Щербина, Александръ Моисеевичъ, прив. доц. Москов. унив.
182. Эверлингъ, Сергѣй Николаевичъ.
183. Эйхенвальдъ, Александръ Александровичъ, докторъ физики.
184. Якоби, Павелъ Ивановичъ, психіатръ.
185. Яковенко, Борисъ Валентиновичъ.
186. Яковенко, Владиміръ Ивановичъ, психіатръ.

Члены-соревнователи:

187. Абрикосова, Марія Филипповна.
188. Абрикосовъ, Александръ Алексѣевичъ.
189. Андреева, Александра Алексѣевна.
190. Бломериусъ, Агнеса Васильевна.
191. Горскій, Константинъ Николаевичъ.
192. Зотовъ, Сергѣй Васильевичъ.
193. Кадэ, Алексѣй Октавіевичъ.
194. Каринская, Марія Александровна.
195. Любенкова, Юлія Львовна.
196. Львовъ, кн., Дмитрій Петровичъ.
197. Мазаровичъ, Николай Ивановичъ.
198. Метнеръ, Елена Михайловна.
199. Мошкина, Екатерина Дмитріевна.

200. **Мамонтовъ**, Михаилъ Анатоліевичъ.
201. **Ремезовъ**, Иванъ Дмитріевичъ.
202. **Ферстеръ**, Наталія Павловна.
203. **Хмѣленская**, Марія Николаевна.
204. **Шахъ-Назаровъ**, Семень Григорьевичъ.

Примѣчаніе. Членскіе взносы принимаются въ конторѣ журнала «Вопросы Философіи и Психологіи», а во время засѣданій—въ залѣ засѣданія. Иногороднихъ членовъ просятъ адресовать свои взносы въ контору журнала «Вопросы Философіи и Психологіи». Взносъ для дѣйствительныхъ членовъ 5 руб., для членовъ-соревнователей 10 р. въ годъ. Совѣтъ Общества обращаетъ вниманіе гг. членовъ Общества на § 9 Устава.

Условія для соисканія преміи, учрежденной при Московскомъ Психологическомъ Обществѣ покойнымъ Д. А. Столыпинымъ за сочиненіе на тему по философіи наукъ.

Московское Психологическое Общество симъ объявляетъ, что по предложенію Д. А. Столыпина и на пожертвованныя имъ средства, оно назначаетъ вновь премію въ 1000 руб. за лучшее сочиненіе на тему:

«Критическое разсмотрѣніе положенія Огюста Конта о естественномъ совпаденіи (coïncidence spontannée) первообразныхъ законовъ неорганической природы съ основными законами органической жизни и стремленіи всѣхъ реальныхъ знаній человѣка къ логическому и научному единству (unité logique et scientifique)».

См. Cours de philosophie positive, leçons 58-me et 59-me, особенно стран. 681 тома VI-го, изданія Литтре.

Психологическое Общество понимаетъ предлагаемую задачу въ томъ смыслѣ, что нужно рѣшить: *«Существуетъ ли различіе между законами наукъ о неорганической природѣ и законами социальными, и если существуетъ, то какое».*

Психологическое Общество считаетъ, что разработка этой темы предполагаетъ строго-научную и широкую философскую ея постановку, основанную на серьезномъ знакомствѣ съ направленіями современной *гносеологии* и ученіями современной *логики*.

Срокъ подачи сочиненій 1-е января 1918 года.

Присужденіе преміи особою комиссіею при Психологическомъ Обществѣ произойдетъ въ апрѣлѣ 1918 года. По усмотрѣнію комиссіи, согласно волѣ жертвователя, премія можетъ быть раздѣлена между соискателями, а въ случаѣ неудовлетворительно-

сти представленных сочинений, присуждение премии или значительной части ее может быть отнесено на новый срокъ.

Въ соисканіи премии могутъ участвовать всѣ лица, получившія высшее образование. Сочиненія должны быть написаны на русскомъ языкѣ и доставлены въ Московскій университетъ на имя предсѣдателя Психологическаго Общества. Фамиліи и адреса соискателей должны быть присланы въ запечатанных конвертахъ съ обозначеніемъ на нихъ девизовъ или эпитафій представленных сочинений.

Московское Психологическое Общество извѣщаетъ объ учрежденіи при Обществѣ премии имени Вл. С. Соловьева. Премія присуждается согласно печатаемому ниже „Положенію о премии имени Вл. С. Соловьева при Московскомъ Психологическомъ Обществѣ“. Ближайшій срокъ для представленія сочиненія на премию 1-ое марта 1917-го года (всѣ слѣдующіе сроки будутъ трехлѣтніе). Сочиненія посылаются на имя Предсѣдателя Московскаго Психологическаго Общества, въ редакцію журнала „Вопросы Философіи и Психологіи“ (Пречистенка, Полуэктовъ пер., д. 8, кв. 29).

Положеніе о премии имени Вл. С. Соловьева при Московскомъ Психологическомъ Обществѣ.

1. Премія имени Вл. С. Соловьева учреждается при Московскомъ Психологическомъ Обществѣ изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго лицомъ, пожелавшимъ остаться неизвѣстнымъ. Капиталь заключается въ двухъ облигаціяхъ 5% Россійскаго займа 1906 года, каждая по номинальной стоимости въ 1,875 рублей (годовой доходъ съ этихъ бумагъ 187 р. 50 к.).

2. Премія присуждается разъ въ три года (приблизительно въ суммѣ 560 рублей), для чего по истеченіи каждаыхъ трехъ

лѣтъ выбирается соответствующая коммисія. Если же по истеченіи трехлѣтняго срока премія не будетъ присуждена, то присужденіе ея откладывается еще на годъ. Если же и въ теченіе этого срока не окажется достойнаго преміи сочиненія, то премія объявляется на новые три года, а накопившіеся за четыре года проценты присоединяются къ капиталу.

3. Сочиненія, представляемыя на премію, могутъ быть какъ въ печатномъ видѣ, такъ и въ рукописи. Сочиненія, написанныя на иностранныхъ языкахъ, должны быть представлены, при соисканіи преміи, въ переводѣ на русскій языкъ.

4. Премія можетъ быть присуждена и за такое сочиненіе, которое не представлено для соисканія преміи, но по своему содержанію и по своимъ достоинствамъ вполнѣ удовлетворяетъ условіямъ полученія преміи.

5. Премія можетъ быть присуждена за самостоятельное серьезное изслѣдованіе, посвященное разсмотрѣнію творчества Вл. С. Соловьева и его ученію, въ его цѣломъ или въ его частяхъ, или же ставящее своею задачею изученіе жизни и личности мыслителя. Авторъ сочиненія, представляемаго на премію, долженъ обнаружить въ немъ близкое знакомство съ положеніемъ трактуемой проблемы въ современной философіи и въ современной наукѣ.

6. Коммисія по присужденію преміи составляется изъ предсѣдателя или товарища предсѣдателя Московскаго Психологическаго Общества, двухъ членовъ совѣта Общества (по избранію Совѣта) и трехъ членовъ Общества (по избранію Общества). Избранная въ такомъ составѣ Коммисія можетъ приглашать въ свою среду лицъ (независимо отъ того, состоятъ ли они членами Психологическаго Общества или не состоятъ), извѣстныхъ Коммисіи въ качествѣ выдающихся специалистовъ по тѣмъ вопросамъ, которые трактуются въ поданныхъ на премію сочиненіяхъ.

7. Объявленія о преміи печатаются въ журналѣ «Вопросы философіи и психологіи» и въ другихъ изданіяхъ Психологическаго Общества.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

XXVI г.
изданія.

на журналъ

1915 г.

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ“.

Журналъ ставитъ своею **задачею** выясненіе вопросовъ образованія и воспитанія на основахъ научной педагогики, въ духѣ общественности, демократизма и свободнаго развитія личности. Съ этою цѣлью журналъ слѣдитъ за развитіемъ педагогическихъ идей, за современнымъ состояніемъ образованія и воспитанія въ Россіи и за границей и даетъ отзывы о новыхъ книгахъ по педагогикѣ, естествознанію, общественнымъ наукамъ, о дѣтскихъ книгахъ и друг. Кромѣ того, въ журналѣ помѣщаются научно-популярныя статьи по различнымъ отраслямъ знанія и искусства, литературно-педагогическіе очерки, рассказы, воспоминанія и проч.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: д-ръ философіи В. Анри (Victor Henri), Ю. И. Айхенвальдъ, А. Д. Алферовъ, д-ръ Д. Д. Бекарюковъ, акад. В. М. Бехтеревъ, прив.-доц. А. А. Борзовъ, Ю. А. Бунинъ, акад. И. А. Бунинъ, В. П. Вахтеровъ, акад. В. И. Вернадскій, Ю. А. Веселовскій, проф. Р. Ю. Вишперъ, С. Г. Григорьевъ, А. Е. Грузинскій, Е. А. Звягинцевъ, д-ръ В. Е. Игнатьевъ, проф. И. А. Каблуковъ, проф. Н. А. Каблуковъ, членъ Гос. Думы И. С. Ключевъ, проф. М. М. Ковалевскій, П. С. Коганъ, проф. Н. М. Кулагинъ, Е. І. Лозинскій, А. И. Лотоцкій, прив.-доц. П. И. Люблинскій, С. П. Мельгуновъ, проф. И. И. Мечниковъ, Н. Ф. Михайловъ, проф. А. П. Нечаевъ, акад. Д. Н. Овсянко-Куликовскій, проф. И. Г. Орманскій, Г. Роковъ, прив.-доц. М. М. Рубинштейнъ, С. Ф. Русова, проф. П. Н. Сакулякъ, прив.-доц. Е. Д. Синицкій, Л. Д. Синицкій, С. Г. Смирновъ, И. М. Соловьевъ, Н. В. Спераяскій, В. И. Сыромятниковъ, Г. А. Фальборкъ, проф. А. О. Фортунатовъ, Л. Б. Хавкина-Гамбургеръ, В. И. Чарнолуцскій, Н. В. Чеховъ, кн. Д. И. Шаховской, проф. И. Д. Шимановъ, проф. Ф. Ф. Эрисманъ, д-ръ Вл. И. Яковенко, Е. Н. Янжулъ, акад. И. И. Янжулъ и многіе другіе.

Журналъ выходитъ 9 разъ въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала болѣе 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: въ годъ безъ доставки—5 руб., съ доставкой и пересылкой—6 р., въ полгода—3 р.; съ пересылкой за границу—7 р. 50 к.; для недостаточныхъ людей цѣна въ годъ съ доставкой и безъ дост.—5 р.

Земствамъ, городскимъ самоуправленіямъ, просвѣдительнымъ и учительскимъ обществамъ при подпискѣ не менѣе чѣмъ на 5 экземпляровъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50% подписной цѣны, при подпискѣ болѣе чѣмъ на 10 экземпляровъ—въ размѣрѣ 10% и при подпискѣ болѣе чѣмъ на 100 экземпляровъ—15%. Уступки эти дѣлаются при непремѣнномъ условіи высылки денегъ непосредственно въ редакцію.

Плата за объявленія въ журналѣ: 30 руб. за страницу и 15 руб. за полстраницы.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Кожушенный пер., домъ № 32), во всѣхъ почтовыхъ и почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ Н. Ф. Михайловъ.

Открыта подписка на 1915 годъ

(XI-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей
средняго возраста

„СЕМЬЯ и ШКОЛА“.

Журналъ предназначенъ преимущественно для дѣтей средняго возраста (10—12 лѣтъ) и ставитъ своей задачей одинаково примѣняться какъ къ интересамъ дѣтей, учащихся въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ и къ пониманію учениковъ начальной народной школы.

„Семья и Школа“ состоитъ изъ 12-ти ежемѣсячныхъ книжекъ журнала и 6 отдѣльныхъ книжекъ „Библиотеки Семьи и Школы“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за 12 книжекъ „Семьи и Школы“ и за 6 книжекъ „Библиотеки Семьи и Школы“:
съ доставкой 3 руб. 50 коп. въ Безъ доставки 3 руб. За гра 6 руб.
и пересылкой годъ. въ Москвѣ ницу

Подписка на полгода 1 р. 75 к. (принимается исключительно въ редакціи).

Подписка безъ доставки принимается въ Москвѣ: въ редакціи, въ конторѣ Н. Печковской и въ книжномъ магазинѣ Н. Карбасникова.

Въ редакціи имѣются комплекты журнала за прежніе годы: 1905-ый, 1906-ой, 1907-ой и 1910-ый—по 3 руб., 1911-й, 1912-й, 1913-й и 1914-й г.—по 3 р. 50 к., 1908-ой—по 5 руб. Журналъ за 1909-ый г. разошелся весь.

Пробный номеръ журнала высылается изъ редакціи за три семикопеечныя марки.

Проспектъ и каталогъ изданія журнала бесплатно.

Гг. учителямъ, желающимъ ознакомиться съ журналомъ, пробный номеръ высылается бесплатно.

Иногородніе подписчики могутъ обращаться прямо въ редакцію журнала „Семья и Школа“: Москва, Гончарная ул., д. № 17.

Редакторъ-Издатель Вл. Львовъ.

Открыта подписка на 1915 годъ.

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
съ иллюстраціями въ текстѣ журналъ

„ПРИРОДА“

(годъ изданія IV)

подъ редакціей Н. К. Кольцова и проф. Л. А. Тарасевича.

Редакторы отдѣловъ: проф. К. Д. Покровский, проф. П. П. Лазаревъ, проф. Н. А. Артемьевъ, проф. Л. В. Писаржевскій, проф. Н. А. Шиловъ, старш. минер. Акад. Наукъ А. Е. Ферсманъ, проф. Н. К. Кольцовъ, прив.-доц. В. Л. Комаровъ, проф. Н. М. Кулагинъ, проф. С. И. Метальниковъ, проф. Л. А. Тарасевичъ, маг. геогр. С. Г. Григорьевъ.

СОДЕРЖАНИЕ: Философія естествознанія.—Астрономія.—Физика.—Химія.—Геологія съ палеонтологіей.—Минералогія.—Микробиологія.—Медицина.—Гигіена.—Общая біологія.—Зоологія.—Ботаника.—Антропологія.—Человѣкъ и его мѣсто въ природѣ. Кромѣ оригинальныхъ и переводныхъ статей въ журналѣ „Природа“ отведено значительное мѣсто постояннымъ отдѣламъ: научные новости и замѣтки.—Изъ лабораторной практики.—Астрономическія извѣстія.—Географическія извѣстія.—Метеорологическія извѣстія.—Научныя Общества.—Библиографія.—Почтовый ящикъ.

Условія подписки: на годъ (съ дост. и перес.)—5 руб., на девять мѣсяцевъ—3 р. 75 к., на 1/2 года—2 р. 50 к., на три мѣсяца—1 р. 25 к., на 1 мѣс.—50 к., за границу на годъ—7 руб. Отдѣльная книжка съ пересылкой—60 к., наложеннымъ платежомъ—80 к. Комплекты всѣхъ №№ за 1912, 1913 и 1914 гг. высылаются каждый по получению 5 р., въ роскошномъ переплетѣ—6 р. 50 к.

При внесеніи дополнительно сверхъ годовой подписной платы трехъ рублей, т.-е. за общую плату 8 р., подписчикъ помимо журнала „Природа“ получаетъ выпущенныя издательствомъ восемь книгъ серіи „Основные начала Естествознанія“ или же восемь книгъ серіи „Ест. историческая бібліотека Природа“, по своему выбору.

Всякій, кто внесетъ годовую плату на 1915 г., можетъ получить комплектъ номеровъ за каждый изъ прошлыхъ годовъ (1912, 1913) за 3 р. безъ переплета и за 4 р. въ переплетѣ, а комплектъ за 1914 г. соответственно за 4 и 5 рублей.

Подробный иллюстрированный проспектъ высылается по требованію бесплатно.

Адресъ главной конторы и редакціи: Москва, Моховая, № 24, кв. 12. Тел. 4-10-81.

Открыта подписка на 1915 г. на журналъ

IX годъ изданія **ДЛЯ НАРОДНАГО УЧИТЕЛЯ.** IX годъ изданія

Органъ народнаго учительства. Подъ редакціей Н. В. Тулупова.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ, кромѣ іюня и іюля, всего 20 разъ въ годъ.

Задачи журнала: 1) Служить дѣлу развитія школы на началахъ, диктуемыхъ современной научной педагогикой и запросами обновляющейся русской жизни. 2) Содѣйствовать объединенію работниковъ по народному образованію для достиженія наибольшей успѣшности въ ихъ работѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ годъ 3 руб., на 1/2 года—1 р. 50 коп., на 1/4 года—1 руб. Подписка принимается въ конторѣ журнала: Москва, Малая Ордынка, д. № 31 (Учительскій Домъ). Телефонъ 1-89-42.

Адресъ редакціи: Москва, Кузнецкая, д. 37, кв. 10. Телефонъ 1-36-52.

Пробный № журнала высылается бесплатно.

Редакторъ-издатель Н. В. Тулуповъ.

Открыта подписка на 1915 годъ на журналы:

1) „ЮНАЯ РОССИЯ“

(„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“),

ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для семьи и школы.
СОРОКЪ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Въ 1915 г. журналъ „Юная Россія“ („Дѣтское чтеніе“) дастъ всѣмъ подписчикамъ: 12 ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ КНИЖЕКЪ,

въ составъ которыхъ входятъ: а) повѣсти, рассказы и сказки; б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи; г) популярно-научныя статьи; д) снимки съ портретовъ замѣчательныхъ людей, съ картинъ извѣстныхъ художниковъ и пр.

Безплатныя приложенія къ журналу „Юная Россія“ на 1915 г.: I. *Мирская, А.* Суумъ-любовь. Рассказъ съ рисунками. II. *Робертсъ, Ч.* На горныхъ вершинахъ. Рассказъ. Переводъ съ англійскаго Р. Рубиновой. Съ Рисунками. III. *Робертсъ, Ч.* Лѣсные воздухоплаватели. IV. *Робертсъ, Ч.* На человѣчье логово. V. *Робертсъ, Ч.* Сумеречный Эльфъ. Рассказы. Переводъ съ англійскаго В. Гаттука. Съ рис. VI. *Гардинъ-Дэвисъ, Ч.* Маленькій развѣдчикъ. Рассказъ. Переводъ съ англійскаго Р. Рубиновой.

Подписная цѣна въ годъ 4 р. 50 к. безъ пересылки, 5 р. съ пересылкой, за границу 7 р.

2) „Педагогическій Листокъ“.

Журналъ для воспитателей и народныхъ учителей.
СОРОКЪ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Журналъ выходитъ 8 разъ въ годъ, книжками до 5 листовъ.

Подписная цѣна на „П. Л.“ 1 р. 75 к. безъ пересылки, съ пересылкой 2 р., за границу 3 р.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на оба журнала 6 р. на годъ съ пересылкой, безъ пересылки 5 р.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ: Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

Подписка принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ почтовыхъ конторахъ и отдѣленіяхъ.

Книгопродавцамъ уступка 50%.

Плата за объявленія въ журналахъ „Юная Россія“ и „Педагогическій Листокъ“: за страницу 40 руб., за 1/2 страницы 20 руб., за 1/4 страницы 10 руб. за 1/8 страницы 5 руб.

Издательница Е. Н. Тихомирова. Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

При журналѣ „Юная Россія“ и „Педагогическій Листокъ“ организованъ книжный складъ изданій Д. И. Тихомирова: 1) Библіотека для семьи и школы; 2) Учительская бібліотека; 3) Учебники Д. И. Тихомирова.

Каталогъ высылается бесплатно по первому требованію.

Открыта подписка на 1915 годъ (3-й годъ изданія)

на ежемѣсячный, литературный, научный и политическій журналъ

СЪВЕРНЫЯ ЗАПИСКИ,

издаваемый въ Петроградѣ.

Журналъ „Съверныя Записки“ отражаетъ и освѣщаетъ культурныя и политическія явленія, волнующія современную демократію, отстаивая тѣ теченія въ области мысли и жизни, которыя несутъ въ себѣ высшія культурныя цѣнности и начала свободнаго развитія общественности.

Въ 1915 году журналъ будетъ издаваться по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ въ отдѣлахъ художественной литературы (беллетристика, стихи), литературной критики, искусства, театра, науки, философіи, религіи, политики, народнаго хозяйства.

Восторженнее разсмотрѣніе проблемъ, выдвигаемыхъ міровой борьбой—вотъ задача, которую поставилъ себѣ журналъ съ самаго возникновенія войны. Согласно этой задачѣ „Сѣв. Зап.“ и въ 1915 г. особое вниманіе будутъ удѣлять великимъ потрясеніямъ и испытаніямъ, переживаемымъ въ настоящее время человѣчествомъ, освѣщая въ рядѣ статей политическую, социальную, психологическую, культурную и др. стороны развертывающихся событій.

Въ журналѣ участвуютъ: Н. Д. Авксентьевъ, Анна Ахматова, Ю. Балтрушайтисъ, К. Бальмонтъ, П. И. Бирюковъ, І. М. Бикерманъ, І. М. Брюсова, А. С. Бѣлоруссовъ, А. Блокъ, С. И. Бондаревъ, Н. Я. Быховскій, М. А. Брагинскій, Л. М. Брамсонъ, И. К. Брусиловскій, А. Ю. Блохъ, Ив. Бунинъ, В. В. Водовозовъ, Иванъ Вольный, В. К. Вольскій, А. Герцыкъ, А. Г. Горнфельдъ, С. М. Городецкій, Любовь Гуревичъ, М. Ф. Гявсиятъ, Н. Л. Геккеръ, Н. С. Гумилевъ, П. К. Губеръ, А. Я. Гуревичъ, В. Я. Гуревичъ, Ю. Делевскій, В. И. Дзюбинскій, В. М. Жирновскій, Борисъ Зайцевъ, Д. О. Заславскій, С. Ф. Знаменскій, С. А. Золотаревъ, проф. Ф. Ф. Зѣлинскій, И. И. Игнатовичъ, Дм. Илимскій, В. Г. Каратыгинъ, Ф. Ф. Караянидистъ, В. Керженцовъ, А. А. Клепъ, Н. Н. Киселевъ, Д. М. Койгенъ, И. И. Крыжановскій, А. Ф. Керенскій, С. А. Клычковъ, М. А. Кузминъ, Н. Клюевъ, Григорій Ландау, проф. И. И. Лапшинъ, О. Я. Ларинъ, И. Е. Лавреатъевъ, Н. О. Лернеръ, К. А. Липскеровъ, С. О. Марголянъ, Н. Г. Машковцевъ, Н. А. Морозовъ, С. Мстиславскій, Н. С. (И. И. Добровольскій), Н. В. Недоброво, П. А. Нилусъ, А. С. Новиковъ, проф. Д. Н. Овсянко-Куликовскій, Н. П. Огановскій, С. Я. Парнокъ, М. Пришвинъ, Н. Н. Пунинъ, Мих. Павловичъ, А. Н. Римскій-Корсаковъ, А. М. Ремизовъ, О. В. Румеръ, А. И. Рубинъ, Борисъ Садовской, Я. Л. Сакеръ, С. Н. Сергѣевъ-Ценскій, А. Серафимовичъ, В. Б. Станкевичъ, Явъ Страуянъ, Е. Сталинскій, Ф. А. Степпунъ, И. Сургучевъ, В. А. Табурианъ, проф. Е. В. Тарле, М. П. Толмачева, К. А. Треневъ, проф. М. И. Туганъ Барановскій, Я. А. Тугендхольдъ, Поль Фаргъ (Парижъ), Л. Б. Хавкина, М. С. Шагинянъ, Н. Л. Шاپиръ, Ив. Шмелевъ, В. К. Шмидтъ, П. Ю. Шмидтъ, Б. М. Эйхенбаумъ, М. А. Энгельгардтъ, Б. М. Энгельгардтъ, А. П. Чаплыгинъ, С. И. Чапкина, Б. Н. Черненко, проф. Е. Н. Щепкинъ, Б. Яковенко и др.

Подписная цѣна на журналъ съ пересылкой на годъ 4 р., на 6 мѣс.—2 р. 50 к., на 3 мѣс.—1 р. 25 к., за границу на г. 6 р. 50 к. Подписка принимается въ главной конторѣ журнала: Петроградъ, Загородный пр., 21, въ крупныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ. Книжные магазины за комиссію удерживаютъ 10%. При годовой подпискѣ на 10 экземпляровъ—11-й бесплатно. Отдѣльныя номера для ознакомленія высылаются по 60 коп., наложеннымъ платежомъ 75 к. № 8—9 „Сѣв. Зап.“, посвященный войнѣ и оставшіяся въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, высылаются за 80 коп.

Издательница С. И. Чащина.

„Школа и Жизнь“

еженедѣльная общественно-педагогическая газета съ
ежемѣсячными приложеніями,
издаваемая въ Петроградѣ подъ общей редакціей Г. А. Фальборка.

Открыта подписка на 1915 годъ.

Пятый годъ изданія.

У годъ изданія застаётъ насъ въ разгаръ тяжелой войны. Оставаясь вѣрной своему девизу—*„школа и жизнь—одно неразрывное цѣлое“*—газета „Школа и Жизнь“ живо откликается на происходящія событія. Но война не должна со всѣмъ заслонить интересы народнаго образования, интересы культуры. Въ ихъ отставаніи газета видитъ въ данный моментъ свою неотложную задачу. Несмотря на всѣ потрясенія и жертвы, страна должна сохранить свою школу, готовящую ей новыя поколѣнія гражданъ, должна свято беречь всѣ очаги культуры.

Газета будетъ выходить по прежней программѣ, со слѣд. отдѣлами:

- 1) Статьи по вопросамъ: а) организациі школы и школьнаго законодательства, б) общепедагогической теоріи и практики.
- 2) Статьи по различнымъ вопросамъ образования и воспитанія.
- 3) Фельетонъ, характеризующій по преимуществу внутреннюю жизнь школы или популяризирующій различныя стороны знанія.
- 4) Обзоръ общей печати.
- 5) Хроника образования, въ которой первое мѣсто будетъ удѣлено дѣятельности законодательн. учрежд., правительства, мѣстнаго самоуправленія и т. д.
- 6) Хроника школьной жизни въ Россіи, славянскихъ земляхъ и за границей.
- 7) Обзоръ спеціальнаго литературнаго русскогъ и иностраннаго.

По прежнему дополненіемъ къ газетѣ служатъ ежемѣс. безпл. приложенія. Въ теченіе 1915 года будутъ даны слѣд. книги: сочиненія о воспитаніи Платона и Аристотеля, подъ ред. и со статьями проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго; по вопросу о началѣ воспитанія—трудъ Вилліама Стерна „Психологія ранняго дѣтства“ съ добавленіями Л. Г. Оршанскаго; сборникъ, посвященный профессиональнымъ учительскимъ организациямъ въ Россіи и на Западѣ, со статьями: Діонео, С. А. Золотарева, Г. А. Фальборка, И. И. Шрейдера и др.; книга итальянской писательницы Паулы Ломброзо „Жизнь дѣтей“ и нѣсколько другихъ; всего не менѣе 80 печ. листовъ.

Особое вниманіе газета удѣляетъ начальной школѣ, матеріальному и правовому положенію нар. учителя, а также дѣятельности земскихъ и городскихъ самоуправленій въ области нар. образования.

Въ качествѣ постоянныхъ сотрудниковъ газета насчитываетъ многихъ преподавателей низшей, средней и высшей школы, членовъ родительск. комитетовъ, дѣятелей земскихъ и городскихъ самоуправленій, членовъ Г. Думы и Г. Совѣта. Кромѣ того, газета имѣетъ корреспондентовъ, дающихъ сообщенія съ мѣстъ.

Подписная цѣна на газету съ ежем. прил. На годъ На 6 м. На 2 м.
съ доставк. и пересылк. 6 руб. 3 руб. 2 руб.

Для учащихъ въ нач. нар. училищахъ при годовой подпискѣ допускается расрочка: при подпискѣ 2 р., 1 февраля, 1 марта, 1 апрѣля и 1 мая по 1 р.

Подписка принимается: въ Главной Конторѣ (Петроградъ, Лиговская ул., 87), во всѣхъ почт.-телегр. отдѣл. и въ солидныхъ книжныхъ магазинахъ. Пробныя №№ высылаются бесплатно.

Объявленія: Цѣна за строку непарелл. (при 4 столбцахъ въ страницѣ): позадѣ текста—25 к.; передъ текст.—40 к.; на обложкѣ—60 к.

XXI годъ Въ 1915 году годъ XXI
„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ“

будеть выходить ежемѣсячно, кромѣ іюля и августа, книгами въ объемѣ около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ января 1915 г.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкой и пересылкою.

Должностныя лица при подпискѣ черезъ казначеевъ пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ главной конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 руб. въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, лица, оставленныя при университетахъ для приготовленія къ профессорскому званію, а также студенты Императорскихъ университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣднія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платять, при подпискѣ въ главной конторѣ,—по 5 рублей въ годъ.

Отдѣльныя книги продаются по 1 руб., съ приложениями по 2 рубля.

Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки и объявленій уступкою 10%, за продажу отдѣльныхъ книгъ—25%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, Петроградъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Объявленія для напечатанія въ „Журналѣ“ принимаются въ главной конторѣ съ платою по расчету 8 руб. за страницу и 4 руб. за полстраницы.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ Петроградѣ, по Еватерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ В. Ѡ. Дерюжинскій.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

Въ 1915 году

журналъ „Вѣра и Разумъ“ вступаетъ въ XXXII-ю годовщину своего существованія по прежней программѣ и съ прежнимъ научно-апологетическимъ богословско-философскимъ направленіемъ. Призванный служить подъ знаменемъ православія, патриотизма и русской народности, онъ остается вѣрнымъ своему направленію и въ 1915 году.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками два раза въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т.-е. изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія свыше 200 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., а за границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской духовной семинаріи, во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи и въ кн. магазинѣ И. Д. Сыгина; въ Петроградѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостиная дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ „Новаго Времени“.

Открыта подписка на 1915 годъ
на религіозно-философско-научный журналъ

„Вѣстникъ Теософій“.

Восьмой годъ изданія.

Въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюнь и іюль) журналъ не выходитъ.

Цѣна 6 руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой въ предѣлахъ Россійской Имперіи. Допускается разсрочка: за $\frac{1}{2}$ — 3 руб. 50 коп., за 3 мѣсяца — 2 руб. 20 коп. Отдѣльный № 75 коп. За перемѣну адреса городского на городской—20 коп., городского на иногородній и обратно иногородняго на городской—50 коп.

Подписка за границу принимается только годовая: цѣна 10 руб.

Подписка для иногороднихъ только черезъ контору редакціи.

Городская подписка принимается въ конторѣ редакціи (Петроградъ, Ивановская, 22, кв. 24) ежедневно, кромѣ субботъ и праздничныхъ дней, отъ 2—4 час. дня, а также во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ. Годовая подписка въ разсрочку безъ повышенія цѣны допускается только до 1 января 1915 года.

По дѣламъ редакціи издательница принимаетъ лично по средамъ отъ 4—5 час. дня.

Отъ редакціи. Статьи, присылаемые для напечатанія въ „Вѣстникъ Теософій“, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

„Вѣстникъ Теософій“ за 1909, 1910, 1911, 1912 и 1913 года имѣются для продажи въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Цѣна съ пересылкой по 7 рублей за каждый годъ.

3-й годъ
изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1915 годъ на

3-й годъ
изданія.

Юридическій Вѣстникъ.

Журналъ, основанный Московскимъ Юридическимъ Обществомъ и издаваемый при содѣйствіи Петроградскаго Юридическаго Общества и Общества имени А. И. Чупрова для разработки общественныхъ наукъ,

подъ общей редакціей Б. А. КИСТЯКОВСКАГО.

Ближайшее участіе въ редакціи принимаютъ: А. С. Алексѣевъ, М. М. Винаверъ, А. Э. Вормсъ, Н. В. Давыдовъ, Н. М. Ждановъ, И. А. Кистяковский, М. М. Ковалевскій, А. А. Мавуиловъ, В. Д. Набоковъ, П. И. Новгородцевъ, Н. Н. Полянскій и М. П. Чубинскій.

Подписная цѣна на 1915 годъ—6 рублей, на полгода—3 рубля съ пересылкой и доставкой. Цѣна каждой книги въ отдѣльной продажѣ 2 рубля. Подписка принимается въ редакціи журнала „Юридическій Вѣстникъ“ въ Москвѣ, Пречистенка Б. Левшинскій пер., д. № 13, кв. 8. По дѣламъ конторы обращаться по буднимъ днямъ отъ 12 до 3 ч. дня по телеф. 3-44-48. Въ Кіевѣ подписка принимается въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, д. № 33.

Издатель проф. А. С. Алексѣевъ.

Редакторъ Б. А. Кистяковский.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 50-Й.

„Астраханскій Листокъ“.

Ежедневное иллюстрированное изданіе.

„Астраханскій Листокъ“ будетъ выходить въ 1915 году подъ прежней редакціей и при томъ же составѣ постоянныхъ сотрудниковъ.

„Астраханскій Листокъ“—газета прогрессивнаго направленія, независимая отъ какихъ-либо партій или кружковъ.

„Астраханскій Листокъ“ систематически иллюстрируетъ газетный текстъ рисунками, портретами, чертежами и проч., для чего оборудована собственная фото-цинкографія, обставленная новѣйшими приспособленіями.

„Астраханскій Листокъ“ выходитъ въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ (отъ 6 до 10 страницъ ежедневно) и расходится въ двойномъ количествѣ экземпляровъ, чѣмъ всѣ остальные мѣстные газеты, взятыя вмѣстѣ.

Объявленія принимаются непосредственно конторою редакціи (Астрахань, Мало-Демидовская, соб. д.) и конторою Л. и Э. Метцль и К^о (Москва, Мясницк., д. Сытова).

Подписная цѣна съ пересылкой: 1 годъ—7 р. 50 к., 1/2 года—3 р. 75 к., 3 мѣс.—2 р. и 1 мѣс.—1 р.

Редакторъ-издатель В. И. Силабинскій.